открытые файлы

ВЛАДИМИР ШАХРИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга лидера известной рок-группы *ЧАЙФ* дает возможность читателям открыть для себя мысли, переживания, творческие установки, дорогие впечатления незаурядной личности и просто замечательного человека, «накопленные» в компьютерных файлах. Заметки, записи, байки, сценарии, тексты песен, интервью складываются в целостный образ судьбы.

Издание снабжено редкими фотографиями из личного архива В. Шахрина и группы ЧАЙФ.

- Открытые файлы
  - От системного администратора
  - БАЙКИ.DOC
    - Doc1.doc
    - Doc2.doc
    - Doc3.doc
    - Doc4.doc
    - Doc5.doc
    - Doc6.doc
    - Doc7.doc
    - Doc8.doc
    - Doc9.doc
    - Doc10.doc
    - Doc11.doc
    - Doc12.doc
    - Doc13.doc
    - Doc14.doc
    - Doc15.doc
    - Doc16.doc
    - Doc17.doc
    - Doc18.doc
    - Doc19.doc
    - Doc20.doc
    - Doc21.doc
    - Doc22.doc
    - Doc23.doc
    - Doc24.doc
    - Doc25.doc
    - Doc26.doc
    - Doc27.doc
    - Doc28.doc
    - Doc29.doc

- Doc30.doc
- ТЕКСТЫ.DOC
- СЛОВА.DOC
  -
  - Интервью для газеты «Окно»
  - Такой, какой он есть
  - Интервью для Zvuki.ru
  - Интервью для Радио 101
  - On line-интервью
  - Интервью для «Независимой газеты»
  - Интервью для «Новых Известий»
  - ВЛАДИМИР ШАХРИН: Мы — уральские горцы
  - Ностальгия/ ЧАЙФ в Давосе: 20 лет спустя...
  - ВЛАДИМИР ШАХРИН: «Я уже не из этой стаи!»
  -
  -

Открытые файлы

От системного администратора

Это было поздней зимой. Один журнал попросил меня сделать с Шахриным интервью, мы с Володей сидели в комнатушке рядом с чайфовской студией и разговаривали, временами поглядывая на цифровой диктофон, который заказчики торжественно мне вручили непосредственно перед встречей.

Шахрин был энергичен, хотя он всегда энергичен, сколько лет его знаю — никогда не видел его ни в депрессии, ни в расслабленном состоянии, хотя по гороскопу он такой же Рак, как и я сам, только самого начала первой декады, если бы родился на день-два раньше, то быть ему Близнецом.

И со свойственной ему рок-н-ролльной бодростью, когда кнопка play на диктофоне уже была выключена, Володя вдруг заявил мне, что он на днях придумал одну идею. Был на даче, начал копаться в компьютере и вдруг понял, что там хранится куча самых разных записей, заметок, каких-то прозаических фрагментов. И конечно же, тексты песен, куда без них в компьютере Шахрина?

И вот пришла ему в голову идея: перенести все это на бумагу, как бы сделать модель содержимого его собственного компьютера, но в текстовом измерении. Интересно ведь? Так ведь никто еще не делал?

— Никто!— подумав, согласился я.

— Поможешь?— спросил Шахрин.

В последний раз я помогал ему тогда, когда *ЧАЙФ* начинал, то есть в 1984—1985 годах. Мы познакомились в декабре 1984-го, на самом исходе Империи, Шахрин тогда был строителем, я — безработным журналистом и безвестным прозаиком, ни одной строчки которого еще никто не напечатал.

У знакомства нашего своя история, довольно забавная. Вначале мне передали катушку — кассетных магнитофонов еще не было, как не было ни компьютеров, ни Интернета, ни мобильных телефонов, ни формата MP3, да ничего важного из реалий сегодняшней жизни не было, была просто совсем другая жизнь.

И вот эта-то жизнь зазвучала с катушки. Пленка разматывалась, молодой Шахрин пел про то, что «Я был солдатом твоего таланта», пел про «Завяжи мне глаза...» и еще разные другие песни, от которых я просто в тот самый вечер взял и обалдел. После чего позвонил приятелю, который дал мне катушку и попросил, чтобы Шахрин как-нибудь позвонил мне.

Он позвонил, и через несколько дней, вечером, мы встретились. И где-то на год одним из главных моих занятий стала необходимость доказывать всем и везде, что *ЧАЙФ* (тогда название писалось по-другому, но не в этом суть) — это не просто круто, со временем это станет просто очень КРУТО! Мне не верили, хотя ребят наши рокеры полюбили. Какой-то такой снисходительной любовью, свысока. Но ведь давно это было, и кто мог знать, что будет через двадцать с чем-то лет.

Весной 1985 года, в моем домашнем «кабинете», с помощью портастудии «Sony» и замечательного гитариста Миши Перова, Шахрин записал один из своих первых «номерных» альбомов — «Волна простоты». Бегунов в это время ходил по коридору, курил и пил чай.

Потом этот альбом, объединенный на одной катушке с еще более ранней записью, получил общее название «Жизнь в розовом дыму» и уехал в Москву, к «магнитописателям», которые сразу уяснили потенциал свердловского строителя, сказали «спасибо», а о деньгах никто из нас даже не подумал.

Просто — начала звучать музыка, из какой-то черной дыры взяли и возникли песни.

Они разлетались по стране, хотя тогда круг их слушателей был намного меньше, чем сейчас. Время ЧАЙФа настанет позже, вот только именно в те времена многим казалось, что оно вообще навряд ли настанет.

А я продолжал если и не дружить, то очень близко общаться с Шахриным, писал о них тексты в андеграундовые издания (до сих пор помню название первого, «Волна простоты», в котором взял да и обозвал Володю «уральским Бобом Диланом») да выступал пару раз «со вступительным словом» перед их редкими в доперестроечные времена концертами. В общем, продолжал помогать, чем мог, за что ЧАИФ меня позже отблагодарил — в начале лета 1988-го года взяли с собой на гастроли во Владивосток, город моего отрочества. Концерты отменили, зато мы с Шахриным чудесно провели время на яхте, проболтавшись в водах Амурского залива целый день, с раннего утра и до позднего вечера, и даже посетив под флагом Военно-морского флота закрытый тогда остров Русский, где ели уху из камбалы и собирали морских звезд и ежей да вытаскивали из воды трепангов, чтобы тут же отправить их обратно — не тащить же с собой в гостиницу, где и сварить не на чем!

В общем, временами мне кажется, что если не большая часть, то хотя бы половина моей жизни прошла рядом с Шахриным и группой *ЧАЙФ*.

Я помню унылость начала девяностых, когда группа уже была

тем, что есть, но все еще если и не перебивалась с хлеба на воду, то и не роскошествовала.

И появление первых клипов.

И начало заслуженной славы.

И то, как внезапно (только это так кажется, на самом деле в случае *ЧАЙФа* внезапности никакой не было, тихо-тихо ползла улитка по склону Фудзи и доползла так вверх, до самых высот) группа стала одной из самых популярных, а сейчас...

Что говорить о сейчас, когда ЧАЙФ отметил свое двадцатилетие в 2005 году серией концертов на самых престижных площадках страны, когда число выпущенных ими альбомов без печатной (или интернетовской) дискографии плохо поддается счету, а сам Шахрин получил почетный титул посла Доброй Воли ООН, наряду с Боно и Анжелиной Джоли, только в его компетенции не Африка или еще какие-то там экзотические места, а Россия, да и круг обязанностей не расплывчат, а точно оговорен — борьба с туберкулезом.

Так что мог бы он, скорее всего, обойтись и без моей помощи в подготовке этой книги, но если попросил — отчего бы не помочь? Мы даже должность мне придумали хитрую — системный администратор.

В начале лета файлы были доставлены ко мне на трех компакт-дисках, я перенес их в свой компьютер и приступил к сборке.

И понял, что Шахрин придумал блестящую идею. Это не автобиография и не проза, это всего лишь какие-то файлы, касающиеся самых разных сторон жизни лидера ЧАЙФа и самой группы, в разное время, с начала восьмидесятых и по нынешнюю пору.

Но файлы бывают скрытыми, а бывают и открытыми, то есть — в свободном доступе, когда любой может их прочитать.

Наброски, фрагменты, тексты, самые удачные интервью.

Документальность и спонтанность — вот в чем, на мой взгляд, изначально заложенное преимущество идеи Шахрина, я же, как «системный администратор», лишь унифицировал, что называется, язык программирования, снял закрывающие коды да придал этим файлам некоторую общую структуру, подготовив их для использования в «бумажном» формате.

А ведь познакомились мы с Шахриным в то время, когда никаких таких компьютеров еще не было. Впрочем, давно это было.

Андрей Матвеев

Андрей Матвеев — писатель и журналист, в свое время был одним из основателей Свердловского рок-клуба. Автор документальной книги «Live rock-n-roll. Апокрифы молчаливых дней», названной В. Шахриным «лучшей книгой о русском роке», и многих романов — «Частное лицо», «Случайные имена», «Замок одиночества», «Ремонт человеков», «Любовь для начинающих пользователей» (два последних под псевдонимом «Катя Ткаченко»), «Летучий голландец», «Зона неудач» и др., живет в Екатеринбурге.

БАЙКИ.DOC

Doc1.doc

Не знаю, что это за жанр, но написал это в декабре 1983-го. Текст был опубликован в одном из первых изданий русского Rolling Stone.

24 декабря 1983 года, город Свердловск. Общежитие САИ. Только попав в фойе, мы окончательно убедились, что это не преждевременная новогодняя шутка. Скопление народа (скопление средних размеров) ждет *Питерских кумиров*. Устроители концерта заметно нервничают, пора бы и начинать, а кумиров нет. Они не могли знать, что в это время Майк и Цой (именно они скрываются под личиной кумиров) со своими друзьями на двух таксомоторах уходят, заметая следы, от преследования работников *Обл. отдела культуры*. Последние отнюдь не хлебом и солью встречают ленинградских музыкантов. Работники культуры желают отнять у самодеятельных артистов разрешение на выступление, выданное клубом туристской песни, и выдворить псевдотуристов из города. Моя бабушка сказала бы, что это чистое свинство, что сказал я — нетрудно догадаться. Молодость и темперамент взяли свое, у парадного общаги скрипнули тормоза, и нам предложили занимать места в зале. Каждого входящего в зал пристально осматривает сотня пар жаждущих глаз. Как оказалось, присутствующие неплохо знакомы с творчеством гостей, но никто не знает их в лицо. Я думаю, что если бы час назад кто-то, представившись Майком, попросил у меня добавить 10 копеек на любимый портвейн, то мог бы нарваться на грубость. Один из устроителей делает залу многозначительные жесты, что, мол, СЕЙЧАС! В зал резвой походкой входит Вовчик Бегунов (мой школьный и армейский друг), и я, конечно, поприветствовал его, бурно зааплодировав (ведь я приличный человек и не буду кричать на весь зал: здорова, Бегунов!). Зал, очевидно приняв его за одного из гостей, взорвался аплодисментами (странно, что есть еще в Свердловске люди, не знающие Бегунова). Тот, немного удивившись, что его все знают и любят, раскланялся и занял место в первом ряду. Но вот наконец-то появились два молодых человека с расчехленными инструментами и заняли места на весьма условной сцене. Да, это они!

Как гласит народная мудрость, встречают по одежке... На обоих все исключительно неброское и скромное, даже, по-моему, отечественное. Нам почему-то это показалось симпатичным, тех же, кто вырядился, как на дискотеку, это явно разочаровало. Позже стало ясно, что тех, кто смог попасть, а не тех, кто хотел

попасть на концерт, в зале явное большинство.

И вот первые аккорды, выключается верхний свет, Майк представляет Цоя, Цой представляет Майка. Майк бодро поет первую песню, в конце которой звучат слова: Я ЛЮБЛЮ *АКВАРИУМ* (в зале аплодисменты), Я ЛЮБЛЮ *ДИНАМИК* (аплодисменты), Я НЕ ЛЮБЛЮ *МАШИНУ ВРЕМЕНИ*, ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ ТОЛЬКО ПОДПОЛЬНЫЕ ГРУППЫ (мощнейшие аплодисменты)! Затем последовал ряд песен, которые можно объединить общим названием «Времена года». Цой исполняет песню «Весна», Майк, в ответ на это, поет свое чудесное «Лето» (правда, звучит это весьма издевательски — декабрь на дворе). Цой говорит, что в ответ на майковское «Лето» он написал свое «Лето», и, надо признаться,— получилось очень неплохо. «92 дня лета, солнце в кружке пивной, солнце в грани стакана в руке»,— подпеваю я и мой сосед. Какая-то дама, по виду староста группы или старшая по этажу, пытается заткнуть нам рты и всячески урезонить.

Но когда русскому человеку хочется петь, остановить его может только турецкий ятаган или в крайнем случае трамвай. Чей-то робкий, слегка пьяный голос кричит: «Майк, "Город N!"», но Майк поет о «тех мужчинах, которых она знала». Мне показалось, что это далеко не лучшая его песня, и, в подтверждение моих мыслей, тот же голос, но уже понастойчивей, кричит: «Майк, "Город N!"» Но очередь Цоя, и он поет свои хиты «Восьмиклассница» и «Алюминиевые огурцы». К нашим голосам присоединяется большинство зала, и мы дружно тянем «УУУУ, восьмиклассница!».

Дама, что делала нам замечания, наконец-то поняла, что «про крышу дома моего» сегодня петь не будут, и тихо вышла. Зал аплодирует все дружнее, свистит, улюлюкает, в общем, становится похоже на концерт, а уже прилично пьяный голос все настойчивее кричит: «Майк, "Город N!"»

Майк читает записки, но все же реагирует на голос из зала:

— Будет, все будет, ребята!

В записке просят «Пригородный блюз». Майк рассказывает, что это песня принесла им дурную славу:

— После нее нас все считают панк-группой, ну какой я, к черту, панк, я старый человек, я рокер!— говорит Майк и поет совсем новую песню «Гопники». В ней речь о тех, кто слушает *Арабески* и *Отаван*, кто не может связать двух слов, не сказав между ними ноту «ля», о тех, кто мешает нам жить, о гопниках одним словом. Нам песня приглянулась, и мы выражаем симпатию вслух. Некто, дойдя до нужной кондиции, забравшись на подоконник, голосом потерпевшего истерично орет: «Майк,

"Город N!"» И падает с подоконника.

— Там что, уже стреляют?!— реагирует Майк.— Это очень длинная песня, и слова я плохо помню!

Зал дружно:

— Напомним!

И прогулка в уездный город N состоялась. Песни сменяли друг друга, одни чуть лучше, другие чуть хуже, но, в общем, концерт был замечательным. Абсолютно неожиданно для зала Майк спросил:

— Не пора ли заканчивать?

Зал закрутил головами и зашумел, как дубовая роща перед грозой. Становится ясно, что ребята все-таки споют «Пригородный блюз»: я слышу, как, переговариваясь между собой, они решают, какие слова спеть в начале. И вот они начинают в бешеном ритме: «Я сижу на даче и читаю...» Почувствовав, что скоро действительно придется прощаться, из зала посыпались вопросы.

Зал:

— Виктор, как ты относишься к Волану?

Цой:

— Майк его любит больше, но я его тоже люблю!

Зал:

— Майк, ваше кредо?

Майк:

— Как говорил Остап Бендер: всегда!

Зал:

— Майк, почему ты в очках? (весь концерт Майк играл в темных очках).

Майк:

— А почему ты в штанах?

Реплика из зала:

— Сыграйте по своей любимой песне, и разойдемся с миром!

Майк поет что-то из классики рок-н-ролла (на английском языке), Цой уходит от ответа, ссылаясь на незнание языка.

Зал:

— «Московский блюз». Майк:

— Ребята, здесь же не Москва!

Майк снимает с плеча гитару, которую на протяжении всего концерта так и не смог настроить, Цой расстегивает до конца красную рубаху и тоже раскланивается. ...Мы под сильнейшим впечатлением выходим под фонарный свет. Декабрьский мороз щиплет нас за возбужденные уши, постепенно приводя в себя (конечно, только тех, кто из себя вышел). Я тащусь домой на последнем трамвае, точно зная, что ночью мне приснится

продолжение и я в унисон со вьюгой за окном буду петь во сне «ууу, транквилизатор» и буду улыбаться. Спасибо тебе, Миша! Спасибо тебе, Витя! Спасибо тебе, подпольный рок!

P.S. Спасибо также всем великим мастерам звукозаписи, которые оставили нам лишь приятные воспоминания о концерте и кучу испорченной пленки.

1983, ВИА «Песенка» (типа, подпись такая была).

Doc2.doc

Некое странное литературное произведение. Зачем-то написал, зачем-то сохранил. По-моему, году в 1996-м.

«Было же время!» — говорил каждый из нас хоть раз в жизни. А если честно, то этот вопрос мы задаем себе чуть ли не каждый день, спрашиваем и тщетно пытаемся понять, куда все ушло и кто во всем виноват.

Начало семидесятых — золотая гитарная пора, по крайней мере у нас во дворе. Гитара — она была в каждом подъезде, в каждом дворе, в каждой компании. Дворовый опыт резюмировал: «Кто тебя полюбит, если ты не знаешь хотя бы пары аккордов...», ты — ноль, если не можешь «забацать» вступление «Шизгары». И, как следствие этой струнно-щипковой армии, плодились, как котята у подвальной кошки, сотни ансамблей, таких же бездомных и никому не нужных, но таких же смешных и свободных. В школах и студенческих общагах они самозабвенно обезьянничали, подражая своим «забугорным» рок-н-ролльным соплеменникам. Если ты это помнишь, то нет смысла описывать все в красках; если ты этого не помнишь, то и объяснять бесполезно. Тебе никогда не понять, какой это был кайф — каждую субботу мы стаскивали свои пожитки в спортзал (пожитки — это самое подходящее название для тогдашней аппаратуры, уж она-то пожила, уж она-то повидала!). У нас был микрофон, бывший хозяин которого утверждал, что в него пела Клавдия Шульженко. А еще перед каждым выступлением мы подклеивали динамики и подпаивали отлетевшие провода; умеющие же настраивать гитары делали это за всех, и часам к шести все начиналось.

Те, кто приходил из двух десятых и двух девятых классов, казались нам огромной толпой, хотя почти каждого мы знали по имени. По тайному сигналу наши люди вырубали свет в спортзале, и начиналась всеми нами любимая игра. Мы становились музыкантами, да что уж там, мы становились Битлами, а все остальные — нашими преданными фэнами (даже те, у кого мы за пару часов до этого, просили списать или сшибали двадцатчики на сигареты).

Мы трясли патлами (по мнению директора школы, то, что хоть чуть-чуть закрывало уши, уже являлось жуткими патлами). Клеши, бахрома, распущенные волосы девчонок — все это тряслось и крутилось в безумном танце. Вода стекала ручьями по сине-масляным стенам спортзала. Вновь рвались динамики, горели усилители, но все это было уже неважно. Мы все вместе

молились своим богам, мы совершали дикий, но искренний обряд. Мы были похожи на перепившего шукшинского попа, скачущего на швабре вокруг стола с криками «верую, верую!». (Кстати, мне этот поп вполне симпатичен.) Мы любили друг друга, хотя, конечно, били друг другу морды и отбивали друг у друга девчонок; но все-таки мы верили и любили, по крайней мере, пока звучала вся эта офигительнейшая лажа, которая в данную минуту и была рок-н-роллом.

По-моему, в 75-м слова «дискотека» и «диско-музыка» как-то незаметно вошли в лексикон нашего двора. Двор купился на светящиеся огоньки с магическим названием «цветомузыка» и на стереозвучание. Двор запел «Варвара жарит кур...» и, закатив глаза, слушал на первых переносных кассетниках *Бони М*. Старенькие семирублевые гитары куда-то пропали, живая музыка скромно отошла в тенек.

Храм был разрушен, вера разорвана на маленькие кусочки. Те, кто уцелел под обломками храма, разделив между собой кусочки веры, разбрелись каждый по своим жизненным дорожкам. По всей стране, где отшельниками-одиночками, а где и полусектами-полуколхозами хранят они бережно цветастые заплатки своей молодости. Они все такие разные: совсем седые, не очень лысые и беспардонно кучерявые мужчины, и женщины в костюмах, и наоборот; но каждый из них нет-нет да и спросит: «Куда все это ушло, кто во всем этом виноват?..»

Так вот, недавно я вспомнил: у нас во дворе первый кассетник купил Я!

1989 год. В. Шахрин

Doc3.doc

ЧЕТВЕРТЫЙ СТУЛ

Вот что гласит народная мудрость по поводу создания этого альбома.

В далеком 90-м году прошлого века в городе Свердловске (ныне ЕКБ) появился молодой человек с идеей снять фильм по сценарию Тонино Гуэры. Группе *ЧАЙФ* было сделано лестное предложение записать саундтрек к этой будущей нетленке российского кинематографа. Сценарий был хорош, до сих пор в архивах группы есть небольшая самиздатовская книжка с надписью на обложке «Четвертый стул». Все действие сценария разворачивалось в стенах небольшой квартиры, поэтому был придуман мягкий, комнатный звук. На восьмиканальной кассетной портастудии в течение одной недели, при маленькой помощи своих друзей, мы записали все оговоренные 12 песен. Режиссер пропал как-то странно, не по-русски. Оплатил все студийные расходы и не потребовал прав на фонограмму. Прождав добрых полгода и поняв, что «кина не будет», музыканты решили выпустить в свет самостоятельный альбом, назвав его, в знак благодарности, «Четвертый стул». В виниловом варианте на альбоме было 10 песен, сейчас у вас есть возможность слушать полный вариант этого альбома. Группа искренне благодарит всех людей, имеющих отношение к этой пластинке, и, конечно же, всех тех, кто держит ее сейчас в руках. Приятного вам времяпровождения.

(Эти небольшие истории об альбомах писались к выходу «Багет-серии» — переизданию старых альбомов.)

Очередное раздвоение личности и взгляд со стороны.

Doc4.doc

Для одной из программ на МУЗ-ТВ попросили написать краткие характеристики участников коллектива. Вот что получилось.

ЧАЙФ.

Владимир Сергеевич Бегунов-Гуляев-Гималайский — гитара.

Неисправим, неуправляем, непредсказуем.

Два раза одно и то же соло не играет.

Говорит быстрее, чем думает.

В группе появился до ее рождения. Одноклассник, однокурсник, однополчанин, сослуживец В. Шахрина.

Молодые музыканты Екатеринбурга зовут его *Красный Би Би Кинг*.

Несмотря на то что уже 12 лет не употребляет алкоголя, каждый считает своим долгом предложить ему выпить.

Многие уверены, что видели его пьяным на прошлой неделе.

Валерий Северин-Наливайко.

Играет на барабанах, но об автомобилях знает все! Шутит редко, но жестко. В группе с 1989 года.

Находится в вечном поиске своих этнических корней. Вот несколько вариантов: ирландец, белорус, уральский кержак-старовер, албанец, литовец, последний атлант, зеленый человечек с Марса.

Вячеслав Двинин и Пожарский — бас.

Вызывает у коллег по группе священный трепет, так как единственный знает ноты.

В группе с 1996 года.

На первой репетиции сыграл на басу 80 песен *ЧАЙФа*.

Собран и надежен, чем прекрасно стабилизирует обстановку в коллективе.

Являясь молодым отцом, знает наизусть море дурацких детских стишков.

Читает их с выражением, доставляя огромное удовольствие двухгодовалому сыну и соратникам по группе.

Шахрин Владимир Владимирович, по отчеству не любит,

потому что сам пугается.

Человек-маятник.

Раскачивается от безудержного веселья до нечеловеческой тоски, от расчетливого прагматизма до откровенного разгильдяйства.

Жесткий, как крышка рояля, и романтичный, как легкая черноморская волна.

Любит отдыхать в Париже и деревне Григорьевка (Челябинская область).

По поводу наметившейся лысины на затылке не комплексует.

Илья Спирин — директор.

Настоящий, замечательный директор.

Илья Не Пьет Совершенно, но когда немного выпьет, то превращается в Изю, а Изя очень любит выпить.

В силу своей профессии очень переживает, что не еврей.

В студенческие годы, чтобы попасть на концерт *ЧАЙФа*, записывался в дружинники, теперь имеет возможность посещать все концерты бесплатно. А вот не посещать *не может*!

Поет очень редко, очень громко и очень противно.

Даниил Карлович — звукоинженер.

Для своих просто Карлыч.

Говорит, что имеет супербайк *Ямаха* и состоит в мото-банде

Никто его на мотоцикле не видел — наверное, врет, хотя периодически хромает и покупает всякую мото-хрень.

С соевым соусом может съесть все.

Саня — Мальчик-с-пальчик или Человек-гора — техник группы.

У группы Роллинг Стоунз 40 сценических техников, всю эту работу Саня делает один.

Может подготовить группу к выступлению в любом месте планеты Земля за 15 минут, а если очень надо, то и быстрее.

Покладист. Добр, не агрессивен, но может и покалечить.

Жениться ему надо (наверное)!

ЛЮДИ ЗА КАДРОМ:

Дмитрий Гройсман — арт-директор, прозорлив, как Кутузов, точен, как калькулятор. Мы все видели его летящим на дельтаплане, это феерическое зрелище. Если вы не знаете *как*, спросите у него.

Марина Залогина — пресс-атташе. Романтична, смешлива, застенчива.

До сих пор верит, что артисты могут быть порядочными людьми.

Любит *Мумий Тролль*, *Агату Кристи*, Л. Агутина, *ЧАЙФ* и ориентальных кошек. В своей профессии достигла заметных, значительных высот, да и при матерных словах из уст артиста уже почти не краснеет.

Doc5.doc

ЗАПИСКИ НА САЛФЕТКАХ (кое-что потом использовалось в песнях).

Доля иностранца
Как у вегетарианца
Выбор ограничен
И заняться нечем

(Алматы, 2001)

Два кольца плюс два кольца
Разговоры без конца
Папа с сыном водку пили
За свои автомобили

(ауди-клубу)

Какой же он лохматый
Мягкий и приятный
Абсолютно новый
Свитер из ангоры

(моему приобретению)

Не мечтали, не гадали
Из заморской дальней дали
За банальные рубли
Купил он туфли от Бали

(приобретению Ильи)

Жалюзи и штора
Ангелы и воры
Облака и горы
Мажоры и миноры

(Алматы — Москва)

Doc6.doc

Пойман себя на мысли, что, давая интервью о делах давно минувших дней, рассказывая о каких-то событиях, вызываешь их в памяти, как кадры какого-то фильма. Просто когда-то смотрел этот фильм и сейчас его вспоминаешь. Полное ощущение, что это было не с тобой. Поэтому легко, без угрызений совести слегка меняешь события, что-то добавляешь, что-то сознательно упускаешь. Ведь каждый из нас, пересказывая содержание, фильма или просто анекдот, слегка импровизирует. В общем, чем глубже воспоминания, тем они менее документальны и все более художественны. Самое забавное, что, рассказав какую-то историю со своими изменениями несколько раз, начинаешь искренне верить, что так оно и было на самом деле.

Doc7.doc

Вот. Купил «Пятый Цеппелин» (это альбом такой, группы *Led Zeppelin*). У меня была такая виниловая пластинка году так в 1982-м. Многие не в курсе, но в то время в магазине можно было купить в лучшем случае А. Пугачеву (если повезет). Цеппелинов надо было покупать на туче. Туча — это музыкальный филиал вещевого рынка в г. Свердловске. Так как сам вещевой рынок был понятием стихийным и полулегальным, то туча вообще больше походила на сборища революционеров-бомбометателей. Соответственное отношение властей было очень логичным. Разогнать пластоманов на туче считали своим долгом и милиция, и воинствующие комсомольцы.

Стать пластоманом было легко, но хлопотно. Как вы догадались, пластоман — это человек с пачкой виниловых пластинок в руках. Приехал на тучу, достал пластинки из сумки, сделал шаг в толпу, и вот ты уже пластоман. Пластоманы бывали двух видов. Первые — это те, что приезжали на тучу с целью наживы, их интересовали в первую очередь деньги. Первых было немного, у них были самые толстые пачки с дисками, и все в аккуратных, полиэтиленовых пакетиках. Основная их задача была диск продать или поменять с добивкой, то есть в процессе обмена убедить клиента, что предложенный ему для обмена диск дороже и надо бы доплатить 10 рублей. Конечно, они тоже слушали и любили музыку, но их пачка дисков ничего не говорила об их музыкальном вкусе, только о благосостоянии.

Второй вид пластоманов составлял большинство, вот их в первую очередь интересовала музыка. Пачки у них были потоньше, пообтрепаннее, а глаза блестели охотничьим огнем. Такой вид пластомана целую неделю слушал свои 3—5 пластинок, переписывал их друзьям, ну а «сегодня» ему надо было максимально обновить свою передвижную фонотеку и, конечно же, пообщаться, поделиться своими ощущениями и послушать мнения других о другой музыке. Именно так, в поисках и трудах, в жару и на морозе формировался музыкальный вкус молодых людей в период социалистического застоя. Пластинки стоили недешево, в 70-х от 40 до 80 рублей (стипендия у нас в техникуме была 18—25 рублей), и поэтому первую пластинку покупали в складчину, на двоих. У меня были такие пластинки «на двоих» с моим другом Серегой Денисовым, помню не все, но первый *Куин (Queen)* и «Мосты и стены» Дж. Леннона (John Lennon's Walls and Bridges) — помню. К осени 1978-го у меня был десяток своих пластов. За месяц до ухода в армию

все пластинки были проданы за ненадобностью, а на вырученные средства бурно прошли последние денечки на гражданке. После возвращения из рядов нестерпимо ощутил нехватку этих поездок на тучу, ее атмосферы и даже запахов. Выкроив из бюджета 40 рублей, в один из выходных поехал приобщаться. Цены выросли. Появились новые герои — *Бони М, Смоуки (Boney M., Smokie)*, и стоили эти герои уже значительно больше ста рублей. В общем, смотрелся я со своим «сороковником» весьма по-сиротски. Через пару часов мною был куплен сборник лучших песен Т. Рекс (T. Rex, Get it On) за 30 рублей, мне повезло, что в Свердловске Марк Болан был совсем непопулярен. На оставшийся чирик (10 рублей) у очень подозрительного чувака и была куплена пластинка «Пятый Цеппелин» без конверта. Если говорить о коммерции, то покупки мои были так себе, если же говорить о музыкальной составляющей, то я вернулся в жизнь пластомана очень убедительно.

Наслаждался этими двумя пластинками я долго и самозабвенно, но надо было меняться. Ехать с одним диском — это унизительно, да и поменять Болана было проблематично. «Цеппелин» же в нашем городке знали, да и два диска — это уже почти пачка. Я уговорил свою молодую супругу (архитектора по образованию) изготовить обложку для альбома. Как выглядел оригинал — мы не знали, поэтому фантазия наша была ограничена только доступными нам подсобными материалами. Небольшая кучка иностранных журналов, аэрограф с компрессором от холодильника, перья и цветная тушь. Получилось очень живенько, с какими-то небоскребами, с замочной скважиной в правом верхнем углу. Этот шедевр был тщательно запаян в не очень прозрачный полиэтиленовый пакет из продуктового магазина. Сейчас я абсолютно убежден, что мы сделали отличный коллаж и по содержанию и по качеству. Даже выходные реквизиты на торце диска и фирменный ангел в углу конверта были как настоящие. И вот я слушаю на CD «Х оф зе Х» (Houses of the Holy, оригинальное название «пятого» *LedZeppelin*) и понимаю, что музыка не устарела совсем. Отличный альбом, ни одной проходной песни, но...

Но наша доморощенная семейная обложка была лучше этих ползущих по голым камням таких же голых, посиневших от холода гуманоидов. Я давно уже юноша зрелый, но в чудеса (в разумных пределах) верю: а вдруг у кого-то из вас пылится на полке виниловая пластинка *«Пятый Цеппелин»* в странном конверте? Дайте знать, мне было бы приятно вернуть в дом семейную реликвию.

Doc8.doc

Это записки из серии «военный репортер» — один день из гастрольной жизни российского артиста.

Гастроль в жаркий Ростов-на-Дону ознаменовалась двумя ключевыми событиями. Рыбалка и Зеленый концерт.

Рыбалка была запланирована заранее, и ради нее *ЧАЙФы* прилетели в Ростов за два дня до концерта. В аэропорту *ЧАЙФов* встречали местные друзья рыбаки (в свободное от рыбалки время музыканты) с удочками, спиннингами и другими рыбацкими прибамбасами. В гостинице бросили гитары и помчались на рыбные места (река Маныч). По дороге уговаривали себя, что сейчас наладим снасти и спать, чтобы с первой зорькой на промысел. Приехали к месту дислокации к десяти вечера и решили поужинать чем бог послал. Шашлыки, свежая картошечка, свежее пивко, ну и винца маленько. В два часа ночи Шахрин начал уговаривать рыбаков разойтись по койкам, чтобы не проспать зорьку. Коллектив возмутился, мол, не фиг худрука давать, когда хотим, тогда и ляжем, хорошо сидим и всякое такое. Шахрин решил заразить всех личным примером и, демонстративно зевая, удалился на койко-место.

Проснулся Вова часов в семь утра и, повалявшись часок, насладившись тишиной и чистым воздухом, решил пойти прогуляться, заодно и посмотреть, как там успехи у рыбаков. Встретив во дворе местного жителя, не рыбак Шахрин поинтересовался, давно ли ушли настоящие рыбаки. Удивился местный житель и сказал, что час назад угомонились и вы первый, кто проснулся. «Ха-ха-ха!»,— сказал Шахрин и пошел на речку купаться. Через некоторое время к купальщику примкнули Слава Двинин и Илья Спирин. К двенадцати дня, когда солнце припекло по полной схеме (+40 °С) и все в округе вернулись с уловом, наши чудо-рыбаки проснулись и потребовали завтрак. Ростовские друзья сказали, что не время впадать в отчаянье, что есть здесь неподалеку одно местечко, где рыбы тьма в любое время суток, только рыбалка там платная. Купили лицензию, к часу дня крючки с наживкой упали в воду. Врать не будем, деньги взяли не зря. Рыба была, и очень приличных размеров. Была и уха, и жареная щука, и за пивом ездили еще два раза (причем в последний раз купили и водки). Был и местный бард, которому по доброте душевной Бегунов настроил гитару. Пел он, прерываясь только на принятие жидкости, часов шесть. Были веселые соседи (полковники-десантники со своими боевыми подругами), пили они в сто раз больше (ну, в семьдесят-то точно!) и развлекались

очень круто. Били окна у собственной машины (из-за женщины), дрались, мирились и вспоминали Чечню.

К девяти вечера, загрузив остатки улова и уставших товарищей (были и такие), быстро помчались до городу Ростову. Хорошая была рыбалка, сказал Бегунов, улыбаясь во всю обгоревшую физиономию (с нежно-розовой полосой от банданы). И все с ним согласились.

Памятка артистам, идущим за нами. Есть такая старинная традиция — отмечать последний концерт в туре легким бардаком на сцене и публичными шутками над коллегами по бизнесу (можно добавить еще парочку хороших зеленок).

Зеленый концерт. (Зеленка — такая древняя артистическая традиция проведения последнего концерта в туре.)

Тур под вывеской *САМСУНГ* заканчивался. Ростов, суббота, жара сумасшедшая. Первой играет Чичерина, и на закрытой сцене ребята чувствуют себя как в теплице. *ЧАЙФы* решили шутить по-доброму и на одной из песен с очень серьезными лицами вышли на сцену с салфетками и, не обращая внимания на рев публики, начали вытирать пот с «чичеринцев». Когда процедура вытирания была закончена, на сцене появился Бегунов и начал поливать артистов водой из бутылки. Сделав свое грязное дело, *ЧАЙФы* с таким же невозмутимым видом удалились со сцены.

Чичерина дала «ответку», и в песне «40 тысяч километров» поменяла слова на «ой-йо». На последнем куплете Шахрин вышел на сцену, пригласил Юлю на танец, и в танце дуэт допел песню до конца. Всем, включая публику, номер понравился. Во время выступления *ЧАЙФов* по сцене, танцуя египетский танец и летку-енку, выползала живая змейка из всех «чичеринцев» и технической группы тура.

Ну а вечером был банкет!

Doc9.doc

Из области часто встречающихся вопросов.

Ну как этот ваш БГ умеет напустить загадочности и магического тумана на ровном месте? Отвечаю: не знаю как, но умеет, на то он и гений!

1996 год. По стране катится предвыборная кампания, очень уверенно чувствующие себя коммунисты сидят по парткомам и баням и делят портфели, которые более чем реальны. Люмпен наигрался в демократию и хочет обратно в нелюбимый, но привычный совок. Доморощенные демократы, в основном из бывших коммунистов, судорожно пытаются всеми средствами удержаться на очень сильно шатающемся стуле государственной власти. По стране срочно создаются десятки новых прогрессивных телеканалов, сотни радиостанций, а непосредственно по далям и весям колесят несколько агитбригад из популярных артистов. Та пресловутая коробка из-под ксерокса наверняка не была сиротой, у нее были братья и сестры. Небольшая коробочка из-под ботинок фабрики «Скороход» досталась и артистам в жанре рок.

Сразу оговорюсь, что до сих пор не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу участия. Ситуация в то лето была вполне однозначной. Или мы оставляем «зёму» Ельцина президентом, или возвращаются коммуняки. Причем предводитель последних сам по себе не так уж и страшен, но за его спиной плотной колонной стоят тысячи Шариковых. Не могу сказать за всех, но *ЧАЙФ* принял участие в этих агитках по убеждениям, хотя деньги, конечно же, были нужны. Сам Ельцин на рок-сцене не появился ни разу, хотя на поп-концертах задорно выплясывал и играл на ложках, но мы не скучали. Артисты были достойные, концерты были фееричными. В городе Тольятти к нам присоединились Андрей Макаревич и Борис Гребенщиков.

Место действия — ледовый Дворец спорта. Десятки артистов тусуются по коридорам, в ожидании своего выхода, вначале на настройку, а позже непосредственно на свою часть концерта. Ко мне подходит полный божественной ауры Борис и после нескольких дежурных фраз о планах и о творческих успехах, понизив голос, сообщает, что недавно вернулся из Бразилии и привез волшебные пилюли из коры реликтового болотного бразильского баобаба. За точность ботанического определения не отвечаю, но звучало мистически убедительно. Мастер извлек из кармана пригоршню коричневых капсул и отсчитал мне штук пять. Я попытался что-то промямлить, про то, что я не употребляю и вообще не понимаю, что с этими таблетками

делать, но гуру сказал, что это не наркотики, это совсем другое, загадочно закатил глаза, поправил спадающую прядь волос и медленно удалился в коридорную даль.

Я действительно не имею дело с наркотиками, и поэтому пять капсул в кармане жгли мне ногу и визжали милицейской сиреной. Войдя в гримерку, я увидел, как девчонки из группы Колибри, сбившись в стайку, разглядывают такие же капсулы и спорят, когда же их надо пробовать: до концерта, или лучше не рисковать и приобщиться к тайному бразильскому пониманию мира после шоу. Молодую группу Сплин в другом углу гримерки подобный вопрос не мучил. Они решали задачу, поскольку же штук единовременно надо принять. В коридоре ко мне подошел Алик Потапкин (ударник Наутилуса) и прямо в лоб спросил:

— Будешь?

На ладони у него лежали бразильские пилюли, я начал немного волноваться, чем закончится сегодняшний концерт, что увидит публика и не повяжут ли всех нас. Я поделился всеми этими новостями с другом Бегуновым.

— Не надо выкидывать и не надо принимать, надо спрятать! — сказал Бегунов.

Так решили не все, и спустя некоторое время я заметил, как странно люди в гримерках смотрят друг на друга. Очень внимательно и напряженно смотрят. На вопросы типа «ну как?» и «ну что?» раздавались туманные ответы: «Ну так... Что-то есть, но пока не могу разобраться в ощущениях. Мастер же сказал — это не наркотики, это...»

Народ, явно не находя заметных изменений в себе, пытался увидеть изменения в окружающих, и от напряжения, ожидания и общего напряга эти изменения видел.

Вечером после концерта в дверь моего гостиничного номера постучали. Я открыл. На пороге стояли Гребенщиков и Макаревич. Кумиры были пьяны.

— Пошли водку пить!— сказал Андрей Вадимович. И сказал таким знакомым с детства голосом.

— Не обижай стариков, не отказывай!— вторил ему с не менее знакомыми интонациями Борис Борисович. По-моему, в этот момент я ощутил себя самым счастливым человеком на земле. Кумиры пришли, сами пришли, и зовут пить водку.

И мы сидели в номере и пили. Признаюсь, было очень интересно, но не всегда понятно. Книги, про которые говорили, я в основном не читал, фильмы не смотрел. В странах, о которых шла речь, не бывал. Смею надеяться, что за прошедшие 10 лет я кое-что наверстал. В одну из пауз, когда содержимое стопки падает внутрь организма и россиянин смачно выдыхает и крякает,

я робко спросил, как же все-таки правильно распорядиться волшебными капсулами. Андрей сделал удивленное лицо, он был явно не в курсе, а Боря, очень обыденно и почти без улыбки, рассказал следующую историю:

— Иду по коридору Дворца, не знаю, чем себя занять. Вдруг из открытой тренерской комнаты тольяттинской «Лады» выскакивает человек и начинает радостно трясти мне руки, обнимать и, как водится, говорить, что он на моих песнях вырос. В порыве восторга он предлагает:

— А давайте я вам клюшку подарю!

— Да зачем мне летом, в дороге клюшка...

— Ну щитки и краги!— не унимается человек из тренерской. — Хорошо, тогда возьмите банку со спортивным питанием, вот в этих коричневых капсулах комплекс витаминов и других полезных веществ...

Длинная пауза, аплодисменты. Что-то еще комментировать? Мне лично все ясно: БГ — гений!

P.S. Когда я выползал из звездного номера, расклеившиеся от счастья аксакалы заказывали по телефону еще одну бутылку водки. А под утро я проснулся от приступа смеха.

Doc10.doc

From: Андрей Матвеев.
To: Владимир Шахрин.
Subject: Шевчук.
Message: Володя, поясни суть вопроса с Шевчуком, читателям может быть не все ясно.
Обнимаю, А. М.

From: Владимир Шахрин.
To: Андрей Матвеев.
Subject: Re: Шевчук.
Message: Андрей, друг мой, история эта смешная и драматичная одновременно. Летом 2000 года, передвигаясь по Волге на специально оборудованной для концертов барже, во время наших посещений местных радиостанций практически в любом городе журналисты рассказывали нам о том, что за несколько дней до нашего визита у них на радио был Юрий Юлианович и очень нелестно отзывался о группе *ЧАЙФ*, обвиняя нас в продажности и предательстве идей рок-н-ролла. После то ли пятого, то ли шестого такого интервью мы решили сообщить Ю. Ю., что мы в курсе происходящего, нам показалось, что, написав открытое письмо в злобно-шутливой форме, мы сможем все перевести в разряд дружеских «разборок». Юра юмора не понял, и два года после этого мы находились в смешной и жесткой конфронтации, периодически вступая в публичную словесную перепалку. В настоящий момент вся эта история давно в прошлом, мы сейчас в хороших, дружеских отношениях, но в моем компьютере это письмо осталось.
Обнимаю, В. Ш.

Что происходит с Ю. Ю. Шевчуком? Вы тоже заметили, что что-то происходит? С Юрой Шевчуком у нас нет и быть не может никаких конфликтов. Юра — талантливый поэт и воспитанный интеллигентный человек, к тому же мужчина. Если говорить о конфликте, то, скорее всего, речь идет о полном комплексов, самовлюбленном человеке, выдающим себя за Юрия Шевчука. Нет, серьезно, уже несколько лет мы убеждены, что произошла страшная подмена. Ну не мог отличный уфимский парень Юрка Шевчук в такой оскорбительной форме публично высказываться в адрес, во-первых, женщины, во-вторых, уважаемой артистки А. Б. Пугачевой. Не мог радетель за молодые таланты поливать грязью молодых артистов, как-то: *Мумий Тролль*, *Земфира*, *Танцы минус*,

Смысловые галлюцинации, *Сплин* и др. Не мог старинный приятель Юра говорить журналистам ничем не подтвержденную чепуху про группу *ЧАЙФ*. Перед нами вот уже несколько лет плод тщательно подготовленной авантюры по подмене доброго, обаятельного артиста на старого, занудного лектора с мутной лекцией на тему «Я знаю, как нам обустроить нашу жизнь». Мы думаем, что лет 6—7 назад представителям темных сил удалось каким-то образом изолировать настоящего Юру, предварительно завладев его тетрадями со стихами, и внедрить человека с внешним сходством (благо борода и очки присутствуют) и удачно имитирующим голос (хорошие пародисты и не такие трюки проделывают). Все вы видели, что именно с этого времени человек, выдающий себя за Юрия Шевчука, выступает на сцене с подставкой для текстов. Он элементарно не может запомнить чужие стихи. У нашего Юры никогда не наблюдались эти пренебрежительные, барские взгляды на людей меньшего достатка. Человек, выдающий себя за Юрия Шевчука, постоянно ставит себя в пример, говоря, что он не играет концертов в клубах и на заказных мероприятиях, тем самым публично унижая достоинство сотен музыкантов, которые, за неимением спонсоров типа «Русское золото» и БАШКРЕДИТ-Банк или просто имея гораздо меньшие гонорары, честно зарабатывают свои небольшие деньги в клубах, играя живые концерты и исполняя на них *свои* песни. Почти все популярные артисты принимали участие во всевозможных политических акциях, и никто из них не делал никаких политических заявлений и не вступил ни в какие организации. Группы просто пели свои песни, надо сказать, к огромному удовольствию публики, и получали заслуженные деньги. Это очень хорошо, что некоторые могут себе позволить ездить только на дорогих машинах и вкушать в приличных ресторанах. Но хорошо бы и помнить, что некоторые обедают в столовках и едут на работу в трамвае.

Хотелось бы привлечь общественность и органы к этой темной истории об исчезновении любимого страной, умного и справедливого артиста Юрия Шевчука. Кто остановит самозванца Ю. Ю.?!

Теперь пару слов о конкретных выпадах в адрес группы *ЧАЙФ*. То, что Ю. Ю. называет принципами, мы называем *рамками*. В рок-н-ролле правил нет, именно поэтому мы и начали его играть еще в школьном возрасте. В казино не играли ни разу (захотим — будем, и разрешения не спросим). В клубах даем десяток концертов в год (очень нравится). В альбоме «Время не ждет» лишь одну песню, да и то с натяжкой, можно назвать веселой.

Рок-н-ролл с оптимистичным взглядом на жизнь и позитивной энергетикой — это Элвис Пресли, Чак Берри, Джерри Ли Льюис, *Криденсы, Иглз, Манго Джерри, Роллинг Стоунз*, Би Би Кинг, продолжать? О продажности… Может, Ю. Ю. не в курсе, но мы играли и в Чечне и в Таджикистане, дали несколько концертов в госпитале для ветеранов войн, семь лет помогаем детскому отделению областной психиатрической больницы, выходим на субботники с екатеринбургскими школьниками, выступаем на важных для страны праздниках, отдаем свои песни на благотворительные пластинки и т. д. Юра, наш старый приятель, *настоящий* Юрка Шевчук, если ты нас слышишь — подай нам знак! Мы по-прежнему любим тебя и надеемся, что все образуется и мы, как прежде, споем вместе про «Не стреляй» или «Поплачь о нем» и будем радоваться, что мы *есть*, что мы *разные*, что у нас есть возможность делать свое дело каждому по-своему. Иногда лучше петь, чем говорить.

Вот собственно, то самое письмо Чубайсу, которое он якобы не получил и из-за которого потом поднялся такой шум, благодаря статье в газете «Известия».

Уважаемый Анатолий Борисович, здравствуйте. Это Шахрин Владимир, тот самый Шахрин, что поет песни в группе *ЧАЙФ*. Признаюсь честно, никогда не писал официальных писем и не умею этого делать, посему прошу это обычное письмо считать официальным.

Анатолий Борисович, в следующем, 2005 году (да, с наступающим Вас), исполняется 20 лет со дня первого концерта группы *ЧАЙФ*, в общем, у нас грядет юбилей. Хотелось бы достойно отметить эту дату. Хотелось бы избежать банальных банкетов с салатами оливье и сделать что-то интересное и запоминающееся.

В начале 90-х годов *ЧАЙФ* придумал и осуществил несколько музыкально-экологических экспедиций с названием «Рок чистой воды». Основным девизом этих акций был тезис, что только человек с чистой душой может быть действительно озабочен проблемами экологии, природы и искусства. **Экология души** — вот та мысль, на которой хотелось бы снова акцентировать внимание во время чествования юбиляра. Есть, на наш взгляд, очень интересная идея проведения юбилейного тура (подробности прилагаются). Но конечно же, нам необходим хороший финансовый партнер для *«Сбычи мечт»*.

Памятуя о наших совместных работах и опираясь на личные симпатии к Вам, хотелось бы (потупив взор и ковыряясь пальцем в ладони) попросить Вас рассмотреть возможность выступить в роли такого финансового партнера в наших грандиозных проектах.

Еще менее официально — Анатолий, поздравляю Вас с наступающим Новым годом!

Желаю не растерять оптимизма и позитива и с присущим Вам чувством собственного достоинства вступить в 2005 год!

Пусть все будет так, как вы захотите.

В. В. Шахрин

From: Андрей Матвеев.
To: Владимир Шахрин.
Subject: Чубайс.
Message: Володя, дружище, извини, но опять требуется

пояснение к истории с А. Чубайсом: читателям тоже может быть не все понятно, да и я не очень понял.

Обнимаю, А. М.

From: Владимир Шахрин.
To: Андрей Матвеев.
Subject: Re: Чубайс.
Message: Андрей, друг мой, хорошо, что ты продолжаешь жить по рецептам профессора Преображенского и не читаешь русских газет. Суть проблемы в одной из публикаций газеты «Известия» с заголовком «Шахрин разочаровался в Чубайсе». В этой статье была упомянута рассказанная мною корреспонденту история о том, как после прямого эфира у Познера, когда я сказал, что на меня жуткое впечатление произвела картина, виденная перед этим в Волгограде,— возвышающаяся в темноте и абсолютно неподсвеченная фигура Родины-матери на Мамаевом кургане. А разговор в передаче шел о патриотизме, в студии присутствовал и Чубайс. Очень скоро из его секретариата пришло письмо о том, что освещение на Мамаевом кургане восстановлено и скульптура освещена.

Это первая часть. Есть и вторая. Чуть позже, по личной просьбе Александра Борисовича, я озвучил эту историю на одной из московских радиостанций. Аудиофайл с записью программы активно использовался в предвыборной компании. Как ты понимаешь, денег за это я не попросил. В преддверии же двадцатилетия группы я написал несколько писем в секретариат А. Б. и ему лично с предложением рассмотреть возможность для РАО ЕЭС стать партнером юбилейного тура группы *ЧАЙФ*. Ответа не было, и на все наши попытки связаться и выяснить судьбу этих писем секретариат его упорно отмалчивался. Вот об этом несостоявшемся сотрудничестве я и упомянул в беседе с корреспондентом «Известий». Потом я узнал, что в секретариате начали уверять, что никакого письма не было, но в моем компьютере оно осталось. Вот оно, ничего неприличного мы Чубайсу не предлагали!

А вот и сценарий тура, который прилагался к письму А. Б. Чубайсу.

Общая идея тура посвященного двадцатилетию группы *ЧАЙФ* в 2005 году.

Нам видится тур *ЧАЙФ* XX лет состоящим из нескольких концертных серий.

СЕРИЯ 1, ВОЛГА-ВОЛГА, ИЮЛЬ 2005.

На большой сухогрузной барже монтируется полноразмерная сцена со звуко- и светооборудованием. На этой же барже строится временный жилой городок, по принципу строительных вагончиков, для проживания технической группы. Баржа оформлена рекламными щитами представляющей компании и символикой группы *ЧАЙФ*.

Наша чудо-баржа передвигается по реке Волге от Костромы до Астрахани (города можно корректировать). В каждом крупном городе, где есть договоренность о проведении концерта, баржа подходит к центральной набережной и *ЧАЙФ* играет двухчасовой концерт (вход на концерт свободный). К концу концерта, уже в наступившей темноте, устраивается световое и лазерное представление.

В концерте помимо группы *ЧАЙФ* могут принимать участие дружественные коллективы и специальные гости.

Концертная площадка на барже позволяет одновременно решить задачи с аппаратурой, с оформлением сцены, размещением, питанием, гримерными комнатами и передвижением тура из одного города в другой.

В 2000 году группа *ЧАЙФ* принимала участие в подобном туре и имеет точное представление о том, как это будет выглядеть. Есть и весь необходимый персонал для обеспечения технической и организационной части тура. Предполагаемые города: Кострома, Ярославль, Казань, Нижний Новгород, Тольятти, Самара, Саратов, Чебоксары, Волгоград, Астрахань.

СЕРИЯ 2, ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО, август 2005.

Вторая серия тура может представлять из себя серию концертов по городам средней полосы России. В этой части страны можно выстроить концертный график с переездами артистов и аппаратуры на расстояния, не превышающие 300 км. Это позволит использовать одну сцену и один комплект звуковой и световой аппаратуры, что, в свою очередь, подразумевает одинаковое концептуальное оформление сцены и единый, качественный уровень концерта. Предполагаемые города: Тула, Орел, Липецк, Белгород, Тверь...

СЕРИЯ 3, СТОЛИЧНАЯ, сентябрь 2005.

Третья серия тура включает в себя концерты в Москве, Питере и Екатеринбурге. Эти концерты будут представлять из себя большие гала-концерты, где в первом отделении приглашенные звезды будут петь свои версии песен группы ЧАЙФ, а во втором отделении непосредственно сам ЧАЙФ. Во время концерта на сцену будут выходить известные люди страны для поздравления группы (артисты театра и кино, политики, спортсмены). Могут быть добавлены Киев, Минск и другие столицы ближайшего

зарубежья, а также крупные города Сибири и Дальнего Востока.

Ко всему туру планируется выпустить юбилейный комплект альбомов группы, состоящий из 20 CD-дисков, печатную продукцию, футболки, бан-даны и другую атрибутику.

Нам не хотелось бы видеть афишу и оформление сцены пестрящими десятками мелких спонсоров. Хотелось бы сотрудничать с сильной, *представляющей* весь тур компанией.

Doc12.doc

Старый Новый Рок — фестиваль в Екатеринбурге. Фестиваль уникальный, без форматов, многонедельный, с гала-концертом 13 января. Фестиваль ориентирован на новые имена. Здесь работают одновременно три сцены. С 2003 года ведут фестиваль В. Шахрин и В. Бегунов в образе новогодних негодяев: Деда Отмороза и Зайца — Шаловливого Пальца. Был и третий ведущий, Алексей Могилевский, в образе Старого Нового года. Ведущие часто используют приемы традиционных детских новогодних представлений. Вот один из сценариев (первый вариант).

Новый год

Я Новый год!
Че ржете, я правда Старый Новый год
Вы ждали праздника?
Меня вы ждали?
Вот! *(принимает красивую позу).*
Вот я пришел, пришли и вы, мои друзья,
Пришли певцы и гитаристы,
Ударники пришли, приперлись и басисты,
Пришли охрана и пивной обоз,
А где же Заяц? Где же Отмороз?
Вот что, друзья: давайте сунем пальцы в рот
И свистнем...
Чур, не блевать!
Не время портить праздник.
Приди к нам, Дед! *(взывая вдаль)*
Приди к нам, розовый проказник! *(взывая вдаль)*
Скажу я три волшебных слова:
ЕЙН, ЦВЕЙН, ДРЕЙН,
И зал взревет, как сто один харлей!
(кричит в зал) ЕЙН, ЦВЕЙН, ДРЕЙН!

Из-под елки вылезает Заяц.

Заяц

Ну хрена ль разорались, детвора?
Неужто грянуть музычку пора?
Щас Дед придет,
Припрет волшебный посох...
(шепотом) припрет... душевное словечко...
Забилось от волнения сердечко,
Щас не об этом, дело надо говорить,
наш дедушка пытается рубильник подключить,

там заколдованный электрик мутит фазу,
волшебным посохом его наш дед подлечит сразу.
Чу, слышу твёрдый шаг и шелест
положительных вибраций...
Давайте-ка, ребята, не жалейте для дедушки оваций!

Зал рукоплещет, появляется Дед Отмороз.

Дед Отмороз
Ну, здравствуй, мой ушастый друг Гораций,
Каких ты пиплу обещал вибраций?
Ой, кто здесь? Кто пробрался в лес волшебный?
(Обращается к Зайцу, который пьет из горла.)
Морковный сок?

Заяц
Конечно, сок,
а что еще здесь можно пить?

Дед Отмороз
А сок кошерный?

Старый Новый год
Забегался наш дедушка,
по саунам, по горнолыжным базам,
кончай нести пургу,
пора уж фестиваль начать, зараза!

Дед Отмороз
Блииизится уже развязка,
Все страшнее будет сказка,
Морские дьяволы и плетки...

Заяц
Дураки на вертолете...

Дед Отмороз
Пантеры, свиньи, пауки...

Заяц
Из могилы две руки...

Дед Отмороз
Выйдут двое из ларца,
Одинаковы с лица,
Голос Гамлета отца...

Заяц
Упа дрица ца ца ца!

Дед Отмороз
Сбил меня ты с нужной мысли...

Заяц
Рифма есть — *Агата Кристи!*

На сцене *Агата Кристи.*

Дед Отмороз
Все, началось, блин,
Сорвало с крыши гайки,
Смешались в кучу джинсы, майки...
Заяц
Чувихи, чуваки смешались тоже,
Но по согласию
Все мирно и никто не бьет по роже!
Старый Новый год
Мы рады видеть всех на фестивале,
Тут будет и панк-рок и хали-гали!
Дед Отмороз
Панк-рок в альтернативном зале за углом,
Акустика в отдельном зале небольшом,
Кому же уходить отсюда влом...
Заяц
Не дергайтесь, и здесь не будет скучно,
К двенадцати у всех у нас заглючит...
Дед Отмороз
Поймем и мы, кто на поляне лучший!
Старый Новый год
Москва — Луна, встречайте их покруче!

Играет вторая группа, 3 песни. В это время Старый Новый год уходит на акустическую сцену и своими словами говорит о ее регламенте и специфике.

Дед Отмороз
Ну что, детишки, как проходит расколбас?
Заяц
Я знаю рифму: бен Ладен — педераст!
Дед
Вот вроде розовый, а все с коричневым оттенком...
Заяц
Я знаю рифму: Агилера, покажи коленку...
Дед Отмороз
Попрыгай лучше возле елки, позабавь детишек,
Привез из Амстердама я волшебных шишек,
Сейчас как пыхну из волшебной палки!
Заяц
Я знаю рифму: пыхай хоть три раза —
Меня-то не берет, а группа выйдет сразу...

Дед Отмороз
Три раза пых, и вот свершилось чудо!
Вот группа *Дюрер*. Ребята, вы откуда?

На альтернативной сцене.
Дед Отмороз
Здесь совсем другой формат,
Посмотри-ка на ребят,
И прикиды, и хайры,
И широкие штаны,
Трэшем плющит не по-детски,
Поют по-русски али по-немецки?
Заяц
Отстал от жизни, Отмороз,
Трэш — говно, металл — понос,
Хардкор, панк-рок, альтернатива,
Вот така здесь перспектива!
Дед Отмороз
Помню, как-то группе СТРЭНГЛЕРЗ
Подогнал тексты на сленге....
Заяц
А помнишь, как в 79-м
Секс Пистолз англичан покрыли матом?
Дед Отмороз
Бородою о паркет!
Жаль, что здесь паркета нет!
Раззуди плечо, народ!
Заяц
Кто там следующий идет?

Выходит следующая группа.

На главной сцене.
Старый Новый год
Дембель Заяц, ну и Дед,
Не видал бы их сто лет,
Ушли на панковский тусняк,
Танцуют танец краковяк,
Развлекают молодежь,
Неформалы. Что возьмешь!
Мы же здесь без Отмороза
Будем петь и строить козы,
Без блудливого зайчишки
Мы, девчонки и мальчишки,

Встретим дорогих гостей
Из соседних областей.

Выходит *Звезда Полынь*, 3 песни.

Дед Отмороз
Ни фига себе шизгара!
Такого не видал угара,
Помню, так и я кутил,
Когда Санта заходил.
Заяц
Санта-Клаус — поц и лох,
Вот олень его не плох...
Аппетитный был олень!
Ищет Клаус третий день
Того волшебного олешку...
Дед Отмороз
Удались у нас пельмешки!
Ну а Санта, как младенец,
Затянул ИХ БИН ВЛАДЕЛЕЦ!
От волнения весь дрожит...
Заяц
Снегурка он, а не мужик!
Дед
В рок-н-ролле бабы ВО!
Не боятся ничего!
Там, в единственной гримерке,
За простой тряпичной шторкой...
Заяц
Есть в той шторке чудо-дырка,
Тыща пикселей картинка.
Дед Отмороз
Ты опять про пикселя!
Я тут, детишек веселя,
Весь в поту, в мозолях руки!
Заяц
Одичал ты, Дед, от скуки,
Без нормальной женской ласки!
Вот тебе ансамбль из сказки!

На сцене Татьяна Баграмян, 3 песни.

Дед Отмороз и Заяц — Шаловливый Палец идут на акустическую сцену.

Дед Отмороз
Прямо как в сказке про подснежник —
Вон идет через валежник.
Заяц
С лентой алой в волосах,
В тренировочных штанах,
Ни дать ни взять, а братец Май!
Дед Отмороз
Давай, братишка, запевай!
Сядь у нашего костра,
Дык, ты не брат, дык, ты сестра!
Заяц
Это даже еще лучше,
Ну и ты народ послушай.
Дед Отмороз
Про любовь и про снежинку,
Ну и про желтые ботинки,
На буддистский наш мотив...
Заяц
Рифма есть — презерватив!
Дед Отмороз
Ты людям праздника не гадь,
На краю поляны сядь,
Отдохни от шума-гама...
Заяц
Группа перед вами прямо!

Представляют артиста.

Главная сцена.
Старый Новый год
Снова нет волшебной пары,
Там, где песни под гитару,
Они шутят и смеются,
Над артистами стебутся!
Там, смотрю, рекою пиво *(показывая вдаль),*
Старый мельник, что за диво,
Вам привез и нам помощник,
С пивом всем немного проще,
Вот опять на сцене гости,
Их мы дружно все попросим,
Дать просраться всем, кто в зале,
Что, мы зря их все так ждали?!

Выходит группа *Пиночет*, 3 песни.

Старый Новый год уходит на альтернативную сцену.

Старый Новый год

Нету сил, Терпеть нет мочи,
Можно я скажу попроще
О веселом и не очень...
Расскажу я в двух словах
О фестивальных спонсорах!
(Говорит своими словами о спонсорах, делая акцент на спонсорах площадки.)
Все, уже истек мой срок,
Начинается панк-рок!

На главной сцене.

Заяц

Все, не можу, нету сил
(рука в кармане). Кто морковку откусил?
С чем теперь приду к зайчихе?

Дед Отмороз

С такой проблемой надо тихо,
Вот тебе еще морковка {достает морковь)!

Заяц

Знаю рифму — ай да Вовка!
Девчонки, кто со мной в буфет?
Будем делать мне...

Дед Отмороз

Омлет!
Все, ни слова о моркови,
Иначе будет море крови,
Щас как дам волшебной палкой!

Заяц

Че, и посоха не жалко?

Дед Отмороз

Быть кровавому потопу!

Заяц

Знаю рифму — иди ты в жопу!

Дед Отмороз

Рву свои седые дреды,
Где скороходы, мои кеды?
Ухожу к попсе на елку,
Ему морковь, а хрена ль толку?

Заяц

Ладно, Дед, не кипешись,

Сядь под ель и оттянись,
Грянет щас уральский рок,
А моркву припрячу впрок
(показывает морковь залу)!

Выходит группа *Лимонад*, 3 песни.

Дед Отмороз
А где наш Старый Новый год?
Спеть на троих про поворот?
Старый Новый год
Здесь я, что скакать козлом,
Пыхать даром волшебством,
Я привел отличный бэнд,
Сейчас подключат, ай момент!

Выходит группа *Плюм-бум*, 3 песни.

Дед Отмороз
Как тут Старый Новый год?
Врал, поди? Он вечно врет!
Заяц
Как, ребята, бодрость духа?
Дед Отмороз
А у нас опять непруха!
Мы забыли объявить,
Без чего не может жить
Ни футбол, ни фестиваль...
Заяц
Даже сам Бабрак Кармаль!
Дед Отмороз
Спонсор — это, братцы, свято!
Поаплодируем, ребята!

Читают список спонсоров.

Дед Отмороз
Вам спасибо, господа!
А это кто идет сюда?
Заяц
Это что за паренек,
Знаешь песню про ларек?
Дед Отмороз
Знаешь, ну тогда не пой,

Не пой и про «какую боль»,
В общем, ты играй, что знаешь,
Пошли, косой, ты им мешаешь!

Выходит *Мото-роллер*, 3 песни.

Старый Новый год
Да, шумно в сказочном лесу,
Вот и праздник на носу,
Вот и сказочный народ,
Песни бодрые поет.
Я один не веселюсь,
Грянет полночь — растворюсь
В том большом пивном стакане,
В резвом лампочек мерцанье,
Растворюсь в полночной песне,
В неприличном вашем жесте *(показывает факу)*,
На всякий случай — до свиданья!
Не по кайфу мне прощанья,
И пока еще не время
Бить себя гитарой в темя,
Еще пока никто не помер,
Объявляю новый номер!

Выходят *КедрыВыдры*, 3 песни.

Дед Отмороз
Вы еще тут не заснули?
Зашумел наш лес как улей!
Заяц
Куда ты, Дед, нас всех послал?
Что, можно? Эх, а я не знал!
Дед Отмороз
Играть пора,
Покрылись дреды пылью,
Завьюжила пурга, метели вдруг завыли,
(обращаясь к залу) завыли, загудели провода!
Заяц
(на народный манер) Вы такого не видали никогда!
Дед Отмороз
Готовьте ваши тушки и запаситесь пивом впрок,
Мы продолжаем СТАРЫЙ НОВЫЙ РОК!

Появляются *ESSE*, и звучат 3 песни.

Появляется Заяц с бутылкой водки и огурцом (ведущий говорит, что с шариком и банкой варенья).

Дед Отмороз
Вот вроде ты не Карлсон,
А морда вся в варенье,
Как будто бы в лесу
Сегодня день рожденья!
Заяц
Ну надо же, все в курсе,
И бобры, и лисы-чернобурки,
Один наш Дед забыл:
Сегодня бёздник у Жени Горенбурга!
Старый Новый год
Он мегамозг,
Он мистер Позитивная Улыбка,
Для этой пьян... Ой, праздника,
Он просто золотая рыбка!
Дед Отмороз
Ну, если рыбка,
То пусть тогда хоть тресни,
Но мне, деду, и вам
Споет *душеевну* песню!

Играет ансамбль *ТОП*.

Дед Отмороз
Скажи, мой друг,
Тебе тот голос из подполья
Не кажется знакомым
До волшебной боли?
Как будто где-то слышал,
Как будто в старой песне
Про бедного сержанта
Что съел свою невесту...
Заяц
Ты бы с волшебным посохом поосторожней,
Возьмут тебя когда-нибудь
На северной таможне!
Уже и голоса, и песни, и виденья...
Знать, вызрели в лесу опасные растенья!
Старый Новый год
Я тоже помню этот голос,
А Дед меня постарше,

Сейчас предстанет он во всей красе,
Владимир Шахрин [64] Открытые файлы
В ансамбле всех времен,
Апрельском Марше!

Выступает ансамбль *Апрельский Марш.*

Заяц
Вот сейчас должно случиться,
Что и твой посох пригодится,
Сейчас как вштырит, как попрет,
Что ни песня — то улет!
Дед Отмороз
Ждал я этого момента,
Нужного ингредиента
Года два, а то и боле,
Орет лесной народ — доколе!
Вот четверг, а вот суббота,
Пятницы нам всем охота!
Старый Новый год
Два чудесных молодца,
Ансамбль *Пятница*!

Выступает ансамбль *Пятница.*

Ведущий говорит о том, что герои потеряли Снегурку, где она?

Заяц
А Снегурка твоя дура,
Вся волшебная ментура
Ищет праздничный костюм,
Отморозила весь ум
И себе, и силам власти...
Как смогла в маразм власти!
Дед Отмороз
Не гони на малолетку,
Позабыла, видно, детка,
Что сдала в ломбард наряды.
Больна она, а вы и рады,
Без нее — как гомосеки
Мы втроем, на дискотеке!
Старый Новый год
Шлем Снегурке наш привет,
Убили негра или нет?

Играет ансамбль *Запрещенные Барабанщики*.

Дед Отмороз
Дети, вы не утомились?
Заяц
Газировкой не облились?
Старый Новый год
Не облопались конфеток?
Дед Отмороз
Не блевали в туалетах?
Заяц
Не заснули там в прихожей?
Дед Отмороз
Не заработали по роже?
Старый Новый год
Познакомились друг с другом?
Дед Отмороз
Орлы, нашли себе подругу?
Заяц
Девчонки, взяли на такси у друга?
Дед Отмороз
С Новым годом! Киз дер быш,
А по-русски: группа *ЧИЖ*

Играет ансамбль *ЧИЖ и К°*.

Ведущий
Есть конец у каждой сказки,
Скинули артисты маски,
Вот Шахрин, вот Могилевский
Бегунов всем вам известный
Я, Серега Чернышев,
Объявлю и был таков!
Дальше в сценарии бардак,
Не написано никак,
Должен я вам объявить
То, чего не может быть:
На сцене хор ветеранов отечественного
Шоу-бизнеса имени пятого фестиваля
Старого Нового Рока!

Doc13.doc

В детстве я был мальчиком очень влюбчивым. Память каким-то чудесным образом сохранила детские влюбленности. Вот девочка из детского сада, и у нее огромный бант, и мы танцуем на утреннике венгерский танец. Я зачем-то помню имя — Оля Филинкова. Вот девочка из нашей группы по плаванию. Мы идем после тренировки в «Урале» до остановки троллейбуса, и я чувствую себя очень счастливым, если она соглашается съесть со мной в булочной пирожок по 5 копеек и кофе с молоком по 11 (какие-то карманные деньги у меня были всегда). А вот первое любовное разочарование: лето, пионерлагерь «Орленок», я старожил лагеря, остался с прошлой смены и встречаю следующую. Вижу ее (ни лица, ни имени не помню) — богиня в ситцевом сарафане. Я-то знаю, что в нашем лагере действует на девчонок безотказно — качели-лодочки. Бегу, занимаю очередь и приглашаю ее на аттракцион. Мы качаемся, знакомимся, какие-то дежурные слова. Качели взлетают, как в той детской песне (выше ели, не ведая...), ситцевое платьице чудесно развевается на ветру. Не знаю, как реагирует на качели женский организм, но у мальчиков начинает щекотать в паху, а потом и вовсе начинает подташнивать, как вы знаете — я мальчик. При первых рвотных позывах я начал спрашивать, может, она устала или ей нехорошо. Хорошо!— кричала она и заливалась смехом. А может, мы уступим качели другим ребятам. Они тоже хотят качаться? Нет, там никого нет, давай еще сильнее!— отвечала незнакомая мне девочка. Ветер в очередной раз подхватил ее подол. Ножки-то у нее кривенькие и коленки синенькие, заметил я. Не помню, что заставило нас остановиться. Может, кто-то из старших, может, горн протрубил к обеду. Блевал я качественно и долго, на обед *не ходил*. Когда много лет спустя я прочитал на плакате в одной больнице *«Случайные связи опасны»*, то уже знал об этом.

Doc14.doc

Моя теория «О естественной среде обитания, или Жизнь болотного карася» уже не раз мною же и озвучивалась. Повторю в двух словах.

В заброшенном, гадком, ничем не выдающемся болоте живет, и, надо сказать, счастливо и продуктивно живет, болотный карась (золотистый). Наивно думая, что данная рыба заслуживает лучшей жизни, его, карася, переселяют жить в чудо-аквариум. Все там охренительно замечательно, и вода чистая, и рыбки золотые плещутся, и корм с неба сыплется по графику, и кислород подают через трубочку. Вот только через месяц наш карась обыкновенный потускнеет, поскучнеет и люто затоскует, а то и вовсе сдохнет. А вы спрашиваете: почему мы не переезжаем в Москву. Многие наши уехали, и что? Стало лучше? Или написали что-то более стоящее, чем в родном болоте?

Яркий пример — любимый мной Вуди Аллен. Этот парень может творить и жить только в Нью-Йорке. В Техасе его бы линчевали, а в Европе сожгли на костре. А может, он там ничего бы такого замечательно циничного и самоироничного не сваял.

Естественная среда обитания!

Doc15.doc

Песни для концерта ЧАЙФстори во МХАТе. Отличный был концерт. Прекрасной идеей стало приглашение на роль конферансье Димы Соколова (Сокол) из команды КВН «Уральские пельмени».

МХАТ ЧАЙФstory

83-85
Традиционная
Марьиванна
И он сам
Мой блюз
Бичи
Я был солдатом
Моя квартира
Будильник
Уже

85-88
Твои слова красивы
Рок-н-ролл этой ночи
Пиво
Зинаида
У взморья
Оранжевое настроение
Дуля с маком
Высота

88-92
Ковбои
Всему свое время
Вперед
Не дай мне повод
Давай вернемся
Ой-йо
Зимнее море
Поплачь о нем

92-96
Не спеши

Мама
Город мой
Псы
17 лет
Но это так
Внеплановый концерт
Четверо парней

96-2000
Всё хорошо
Твои сны
Ничего не пишется
Кошка
Силы небесные
Светлая муза
Аргентина — Ямайка 5 : 0
Я рисую
Серега

2000-2003
Время не ждет
Не доводи до предела
Дурные вести
Она мила
Кама-река
Обе подруги

За полшага
Уезжаю
Сальто назад
Париж

Doc16.doc

Меня зовут Владимир Шахрин, летом 1998 года, в качестве подарка на день рожденья, мой родной трудовой коллектив (с лаконичным названием ЧАЙФ) отправил меня и мою лучшую половину на недельку до городу Парижу. Отчетливо понимая, что я не Гоголь, все-таки попытаюсь в нескольких словах рассказать о нашем пребывании на чужбине. Поехали!

Начнем с того, что *это* — шикарный подарок, неделю с любимой женщиной в Париже. Звучит неплохо. Так что 17 июня с одной небольшой сумкой мы с женой отправились получать мой подарок.

Екатеринбург — Москва — Рига — Париж.

Три взлета, три посадки, с перекурами по два часа. В порту им. Шарля де Голля все время поглядывали по сторонам с мыслишкой, где здесь, если что, культурно стошнить.

Надо отметить, что все мои знакомые, когда-либо бывавшие в Париже, прочли мне лекции о том, как выжить в этих каменных джунглях. Рассказывали так старательно и подробно, что я, как космонавт, был готов к любым ситуациям. «Французы — скряги!» — говорили бывалые, и, увидя свой номер, я сказал Лене:

— Не такой уж он и маленький!

По полметра вокруг кровати все-таки есть, а сама кровать вполне соответствует романтическим планам. Дверь в санузел откатная, но ходовая убита наглухо, одним словом, катается плохо. Опыт старого гастролера по советским отелям подсказывает простое техническое решение — выламываю дверь и ставлю ее рядом. Телевизор работает, горячая вода есть, чем не жилище. Теперь по стаканчику чаю и топтать старушку Европу.

Тьфу ты, ёмаё, только зазевался — вляпался в собачье дерьмо. Надо сказать, что нас и об этом предупреждали, но мы думали, клевещут. Нет, ребята, какие уж тут шутки — романтичного юношу, потерявшего бдительность в этом жестоком мире наживы и чистогана, поджидают засады на каждом углу. Впредь под ноги мы смотрели очень внимательно (наступил еще каких-то пару раз, и все).

Гуляем! Не могу понять, отчего так хорошо — вроде бы жарко, на вывесках ни хрена не понятно, все стены ухряпаны стремными граффити (то ли Фантомас, то ли Зорро), а вот хорошо, и все тут. Понял только наутро (три посадки помогал тормозить): да ведь мы же сто лет просто вдвоем нигде не были. Никто в этом городе не знает нас, мы не знаем этого города.

Кроме нас, никого нет.

УУУУУУУУУУ АААААААААА ХОРОШО!

Извините, отвлекусь — сижу сейчас, изображаю из себя Гоголя, подходит жена, берет меня за руку и ведет на кухню, а там ни с того ни с сего — пиво и тазик с креветками (а некоторые до сих пор не верят в любовь).

Вкусно! Но сейчас не об этом, сейчас о Париже. Уличные кафе представляют из себя бесконечную вереницу столов и стульев на узеньких пешеходных тропинках. Посещение подобных заведений — занятие весьма странное. Мы решили приобщиться к французским народным массам и заказали кофейку: прохожие тебя задевают и при этом постоянно бормочут, *пардон*, мол, и все такое. Машины, того и гляди, зацепят боковыми зеркалами; в общем, с первого раза не очень понятен этот общепит. Но кофе, надо сказать, отменный.

Вечером посещаем небольшой домашний ресторан. Хозяева — муж и жена, они же делают всю работу в зале. Все безумно вкусно, объелись, как Винни-Пухи, а если учесть, что вина из бочки было сколько хочешь, то можно признаться, что первый вечер я помню весьма смутно.

Утром — завтрак с ломовыми круассанами и на обзорную экскурсию по городу. Два с половиной часа мы смотрим из окна автомобиля на заграничную жизнь и слушаем нуднейшие комментарии гида. Я смотрю в глаза своей спутницы, и она без труда читает в них: *«Какого лешего, это мы и в Клубе кинопутешественников посмотрим!»*

В этот момент машина притормаживает в районе Триумфальной арки, и мы выходим на Елисей-ские Поля. Чтобы ознакомиться с видами на урожай этих самых полей, поднимаемся на Триумфальную арку.

Вот тут я два раза и офигел. В первый — поняв, какая она огромная (50 метров), и во второй — когда стремительной ланью моя жена взбежала наверх, а я, старый конь, за ней увязался. Вид потрясающий. Я понял, что когда говорят *«Пролетая как фанера над Парижем»*, то воображаемую фанеру запускают именно с этого места. Сфоткались, заснялись и спустились вниз, естественно пешим ходом. Ну и прошлись по Елисейским Полям…

Я смотрел на это великолепие и думал: «На Эйфелеву башню не полезу, ни за какие коврижки». (Забегая вперед, скажу — слово свое сдержал.) В общем, ноги я стоптал по самые коленки и, как потомственный уральский боярин, поймал такси и в «Яр», то бишь отель. Надо отметить, что мысли о замечательной кроватке в номере посещали мой воспаленный мозг подозрительно часто.

Может, и вправду что-то в парижском воздухе витает, а может, какого зелья в чай подсыпают басурмане. В этот день, пожалуй, стоит отметить обед во вьетнамской столовке, где подавали божественные креветки, по сказочно низким ценам. Очень хотелось сказать вьетнамским братьям что-нибудь хорошее, но, кроме «Хо Ши Мин — чемпион!» по-французски, в голову ничего не шло, пришлось ограничиться нашим русским «мерси». Вечером гуляли по окрестностям гостиницы. Оказалось, очень миленький райончик, а в завершение прогулки вышли к церкви Сан Северин и засняли ее на видео — в подарок Валере Северину (Уже дома Валера, увидев такую красоту, чуть не прослезился, выпил, закусил и изрек: «Вот сюда помирать и поеду!..» и еще раз выпил. Все барабанщики очень романтичные создания.)

На следующий день решили основательно подтянуть на должную высоту наш культурный уровень. Прямо к открытию подъехали к музею д'Орсе. Еще раз убеждаемся — экономный французы народ: бывший вокзал за ненадобностью переделали в один из лучших музеев мира. Обездолили, одним словом, местных бомжей. Я, конечно, патриот и считаю, что у нас в Е-бурге на вокзале тоже есть на что посмотреть, но Гоген, Моне, Сезанн, Ван Гог, Ренуар втыкают будьте-здрасьте!

И еще оказалось, что оформление нашего альбома «Реальный мир» есть не что иное, как вид на огромные часы, открывающийся посетителям музейного буфета (ох и дуют же нас, деревенщину, столичные дизайнеры). Если серьезно, то музей шикарный, и, что приятно, все можно фотографировать и снимать на камеру.

После пищи духовной нестерпимо хочется сделать что-нибудь хорошее и полезное. Заходим в мексиканский ресторанчик, берем пива и «начос». Жена говорит, что я гений (в данной ситуации с ней трудно поспорить — чувствую себя настоящим *мачо*).

Надо сказать, что к этому моменту мы вполне освоили метро, оказалось, очень удобно, да и занятно. Типчики в метро попадаются похлеще Бегунова, но самые колоритные — это, бесспорно, футбольные фанаты. К вечеру пиво давит им на мочевой пузырь, моча, соответственно, ударяет в голову, и, видимо, с такой силой, что башню сносит полностью. Взрослые мужики скачут и орут, как последние рокеры на своих междусобойчиках. Алкаши местные тоже любят попеть дурным голосом в метро. Последние, в отличие от бескорыстных болельщиков, просят подать на бутылочку бордо, и, судя по их довольным, пьяным рожам, подают неплохо.

В отеле нас ждал сюрприз — под нашими окнами завелись барабанщики. Я уже говорил, что французы — народ жадный, так вот, они еще и ленивые. Им ноты учить лень, на рояле

репетировать страсть как не хочется. Зато они, как оказалось, обожают стучать в барабаны, а так как барабанить в одиночку все равно что в одиночку водку трескать, они сбиваются в группы и гремят хором. Как любому большому художнику, им хочется народной любви, и они исполняют свои шедевры под окнами ни в чем не повинных туристов. Скажу сразу, играли они три дня, до полпервого ночи; на их счастье, не было у меня, как у Марадоны, с собой духового ружья, уж я бы им показал, как стреляет отставной российский пограничник (всем барабанщикам большой привет).

Следующий день начался прекрасно! Погода отличная, под окнами ни одного барабанщика. Мы идем гулять без цели. Маршрут абсолютно от балды, иногда достаем карту, ориентируемся на местности и идем куда глаза глядят. Признаюсь, что подобный вид туризма в Париже себя оправдывает, потому что, куда бы ты ни направлялся, обязательно выйдешь к какому-нибудь историческому памятнику или просто красивому месту. Одним словом, примерно к обеду мы вышли к Люксембургскому дворцу и решили промочить горло бутылочкой винца, соответственно в Люксембургском саду.

Про то, что ноги я загубил в первый же день, я вам уже говорил. Как оказалось, ботиночки на тоненькой кожаной подошве никак не способствуют оздоровлению усталых, натруженных ног.

Я все это говорю к тому, чтобы вы не подумали, будто ваш покорный слуга какой-нибудь конченый алкаш, бухающий по любому поводу. Нет, ребята, просто бутылочка вина — это хороший повод окаменеть на некоторое время. В общем, сидим в Люксембургском саду, птички поют, французики щебечут *мерси, мол, пардон, силь ву пле* и все такое. Вино розовое холодненькое, бутылочка в испарине, как доктор прописал. Вдруг, чу, слышим, где-то киловатты с децибелами бухают, не иначе как буги-вуги играют. Решили сходить, посмотреть. Подходим к большому проспекту и видим нечто, с первого взгляда напоминающее нашу социалистическую первомайскую демонстрацию — машины в цветах и шариках. Вокруг машин какие-то люди в карнавальных костюмах под рейв выплясывают. Вот павлин-мавлин хвостом трясет, вот двух чертей какая-то дамочка плеточкой стегает. И тут мне моя любимая и говорит:

— А ведь это в женском платье не женщина, и у павлина, что голой задницей крутит, спереди что-то явно бугрится!

Пригляделись — батюшки-святы, дак это же педерасты ряженые и подельницы ихние, которым и без мужиков нормально.

Как потом оказалось, у них в этот день был праздничный

митинг в поддержку самих себя. Ну хоть меня покрась, но на угнетаемое сексуальное меньшинство это совсем не похоже. Колонне протестующих не видно было конца. Здоровенные танцующие педерасты размахивали флагами цвета радуги и веселились, как на свадьбе. Как оказалось, по всему Парижу развешаны эти флаги. Так они свои педрильники метят. Уж не знаю почему, но на этом действительно чужом празднике жизни нам вдруг стало нестерпимо грустно. Вспомнилась оброненная как-то Бегуновым фраза: «Если трансвеститы и гомосеки люди будущего, то мне в этом будущем делать нечего!»

Нестерпимо захотелось реабилитировать Париж в наших глазах, и мы купили мне кеды.

Праздник советской семьи продолжается. Ура! Хо-ро-ши кеды!

Едем в отель и под звуки барабанного ансамбля вывешиваем на балконе альтернативный флаг — мои семейные трусы.

Вечером гуляем по Монмартру, бульвару Капуцинов, бульвару Итальянцев и внезапно выходим к знаменитой теплице. Ну вы знаете, такая треугольная, в Лувре стоит. Позволю себе повториться, вечером Париж очень красивый, даже непрофессионалу понятно, что подсветкой зданий и фонтанов занимались настоящие художники. Браво, господа осветители, мы получили истинное эстетическое наслаждение, да и в спортивной обуви все стало гораздо красивее. Вернувшись к месту якорной стоянки, обнаруживаем, что мерзавцы с барабанами угомонились. На Париж опустилась ночь.

Оказывается, Монмартров в Париже два; один — это улица, на которой мы были вчера, а другой — непосредственно тот самый пресловутый холм, где уже несколько веков любит потусоваться мировая творческая интеллигенция. С утра начинаем восхождение на самую высокую точку Парижа. На горе, как водится, местные попы построили церковь исполинских размеров, называется Сакре-Кёр.

Вокруг люди, не желающие трудиться физически, пытаются выудить из доверчивых туристов денежные знаки. Тут вам и художники (по нескольку лет продают одинаковые картинки), тут и живые статуи, главная задача которых ничего не делать, пока не звякнет монетка. Но как только вы поможете материально такой статуе, тут она вам и подмигнет, и рукой помашет, а может даже и сплясать (под шумок и ноги разомнет, да и просто почешется).

А вот и вездесущие чилийцы в пончо поют, естественно, «Эль Кондор Паса» (это песня такая, похоже, другой в Чили нет). Но безусловно, царем горы в этот день был местный духовой оркестрик. Таких лоховозов, ей-богу, в жизни не встречал (любой

наш убитый алкоголем жмуровской бэнд просто «Виртуозы Москвы» по сравнению с этими «Виртуозами Монмартра»). Но, как ни странно, именно все это плюс чудесный вид на город способствуют созданию прекрасного настроения и праздничной атмосферы.

Но что за праздник без кружечки темного пива? Страшное желание овладело мной и моей супругой. Надо сказать, с большим трудом находим бар, где подают «Гиннесс», и вот мы за столиком в углу утоляем свое желание, над столом на стене висят чьи-то старые лыжи и коньки (не иначе, кто-то из клиентов откинул), а пиво, если честно, кисловато, но мы стараемся этого не замечать.

По пути в отель заходим к итальянцам и берем ломовую пиццу, полируем все это сверху опять же пивком и, теперь уже окончательно, смотрим на мир влюбленными глазами.

К вечеру решаем, что быть в Париже и не побывать у Эйфелевой башни — слишком тонкое извращение. Опускаемся в метро, и минут через восемь мы там. В этот день гуляли аргентинские болельщики. Сегодня Аргентина надругалась над маленькой безобидной Ямайкой, со счетом 5 : 0. Ужас!

Как тараканы после дихлофоса, из всех щелей вылезают машущие бело-голубыми флагами фанаты. Они орут дурными голосами и норовят со всеми поделиться своей радостью, даже с ямайскими болельщиками, которые скромно, в уголочке, поют под свои барабаны грустные ямайские напевы. В знак солидарности с ямайским народом ночью я написал песню от имени потерпевших.

Можно исполнять на любую реггийную мелодию.

Сегодня солнце зашло за тучи,
Сегодня волны бьют так больно,
Сегодня умерла надежда Ямайки,
Моя душа плачет.
Зачем ты стучишь в мои барабаны,
Зачем ты танцуешь под мои барабаны,
Зачем ты поешь мою песню,
Мне и так больно.

Припев:

Какая боль,
Какая страшная боль:
Аргентина — Ямайка 5 : 0

Мне больно смотреть на это небо,
Такие белые облака на голубом,
Как твои бело-голубые флаги.
Я закрываю глаза,
Я вижу зеленые леса Ямайки,
Я вижу ее желтые пляжи,
Я вижу ее прекрасных женщин —
Их лица печальны.

Припев.

Наши женщины прощают нам нашу слабость,
Наши женщины прощают нам наши слезы,
Они прощают всему миру смех и веселье,
Даже Аргентине.
Так танцуй же, танцуй под мои барабаны,
Так пой же, пой мои песни,
Сенсимильи хватит на всех,
Пока звучит регги.

Припев.

Не устану говорить комплименты по поводу ночного Парижа. Он прекрасен. На подсвеченной Эйфелевой башне мы видим цифры, сообщающие нам, что до 2000 года осталось 559 дней.

Я уже говорил, что Париж, как оказалось, не такой уж большой город, поэтому уже на шестой день возникает вопрос — куда бы еще сходить. В Версаль не хотим, потому что нет желания смотреть на царские цацки и всю эту позолоченную дребедень. В Диснейленд не поедем из солидарности со своими детьми (они в этот момент в деревне Григорьевка). Концерт Боба Дилана и *Массив Атак (MassiveAttack)* через неделю. На футбол билетов нет. Куда податься бедному крестьянину?

Решили съездить в современный деловой квартал Ля Дефанс. Ну что сказать, в этих современных зданиях из стекла и бетона определенно что-то есть, а разбросанные тут и там малые архитектурные формы (вроде как современная скульптура) придают этой урбанистической картинке весьма несерьезную романтическую атмосферу. Вполне по-французски. Даже гигантская альтернативная арка смотрится хорошо. Больше всего мне понравились фонтаны, в которых понатыканы железные хреновины наподобие рыбацких коловоротов. Был бы я Шишкин, нарисовал бы этот фонтан и назвал картину «Рыбаки ушли».

Дальше мы заходим в заведение, где первый раз за неделю слышим русскую речь, и в очень больших количествах. Угадайте с трех раз, как называется это место? Правильно, это МАГАЗИН. Я не знаю, как он называется, но наверняка с прилагательным ГРАНД (большой). Действительно, очень большой, и, действительно, очень много соотечественников.

Как известно, когда всего слишком много, то уже ничего и не хочется. Сам не пробовал, но мне почему-то кажется, что на конфетной фабрике меньше всего хочется конфет, а в женской бане — женщин. Так и тут, чем больше ходим, смотрим, тем меньше желания что-нибудь купить. Заходим в китайский ресторанчик, берем чего-то непонятного, но очень вкусного, немного пивка, и на этом наш шоппинг заканчивается.

Вечер, как всегда, очень романтичный. Едем на остров Сите, где знаменитый собор ихней Парижской Богоматери и причал прогулочных корабликов. Берем билет и катим по вечерней Сене. Девушка-гид очень забавная, по-французски говорит нежно, с придыханием, а по-английски — сурово, как военные сводки. На верхней палубе орут австрийские болельщики, по сторонам сплошная красота. По набережным гуляют влюбленные, под мостами устраиваются на ночевку местные бомжи (так и хочется крикнуть голосом артиста Ульянова: «Привет вам, господа нищие!»).

После идем гулять пешком. На одном из мостов толпится народ — это какой-то журнал мод проводит фотосессию. Свет, гримеры, фотографы и, естественно, модель. Ножки кривенькие, ручки тоненькие, в общем, смотреть не на что. Такая худая и бледная, что хочется купить ей гамбургер.

Мы с женой обнимаем друг друга покрепче и усталые, но довольные идем до хаты до дому.

Вторник. Последний день в любой стране в общем-то одинаков: надо дощелкать пленку, потратить местные тугрики и попытаться понять, что еще можно успеть в плане туризма.

Мы идем искать военный магазин, который видели из окна такси. Точного адреса, естественно, не помним и поэтому параллельно отрабатываем всю программу на день. Очень интересные магазины, работающие по национальному и географическому принципу. Вот товары из Китая: тут и френчи а-ля Мао, и женские шелковые телогреечки. А в африканском нам приглянулась кушеточка из распиленного пополам бревна красного дерева, стоимостью 6000 франков.

Виды для фотосъемок самые что ни на есть парижские. Омрачают все это великолепие два крохотных нюанса — пресловутые цветастые педрильные флаги, которые постоянно

попадают в кадр (в этом районе, как оказалось, самый эпицентр однополой любви), и второе — то, что мой организм, меня не спрося, решил заболеть. Заболело сразу все: ноги, желудок, спина, горло, голова, да и температура до кучи. В план посещений вносим аптеку. Аптек в Париже как ресторанов, через каждые двадцать метров (французы очень любят поесть и полечиться). Взяли в аптеке упаковку «колес» и полчаса искали, где бы купить воды (кругом одно вино). Воду нашли, и в каком-то дворце очередного Людовика начинаю лечиться.

Дальше все было по стандартному сценарию советских фильмов про войну. Главный герой хрипит на ухо радистке (с которой у него, естественно, любовь): «Брось меня, мы вдвоем не дойдем до *наших*, брось меня, главное — выполнить задание и донести пакет» (в пакете сувениры для родственников и подарок Гройсману на день рожденья). Ну а мужественная радистка, естественно, ласково отвечает: «Родной мой, мы обязательно дойдем, впереди нас ждет долгая счастливая жизнь!» А сама из последних сил несет и секретный пакет, и изнемогающего боевого друга.

Все, как положено, закончилось хорошо — показали мы французикам, что такое настоящая любовь во вражеском тылу. Добрались до отеля, а там, кстати, выяснилось, что не все органы поражены страшным недугом (но на этом месте, по сценарию, камера ползет в потолок, свет гаснет, а дальше она уже будит его на завтрак).

Да, военный магазин мы так и не нашли. Среда. Упаковываем чемодан, съедаем по парочке дежурных круассанов, и в двенадцать за нами приходит машина. Мимо теперь уже знаменитого стадиона Сан Дени едем в аэропорт. В порту выясняются две новости, как положено одна хорошая, другая похуже,— болезнь отступила, и чувствую я себя на крепкую тройку с минусом, но зато рейс задерживается.

Попинали с парнишкой из Красноярска мячик и посетили центр беспошлинной торговли. Вот тут нас и ждала настоящая засада. Угораздило нас купить в подарок маме и папе настоящего французского сыра с плесенью. Ну, мы его понюхали, вроде бы пахнет, ну так он и должен пахнуть. Завернули нам его в пакетик. Через некоторое время народ в зале ожидания начал на нас оглядываться. Ну, думаем, узнали артиста, потом понимаем, что смотрят как-то не идолопоклоннически. Наверное, сыр чуют догадываемся мы, и заворачиваем чудо-покупку ещё в один пакетик. Входим в самолет и тут понимаем что сыр наш (будь он неладен) стал пахнуть еще больше. Быстро еще раз заворачиваем и закидываем на верхнюю полку. Теперь, если что, можно делать

вид что это не мы хулиганим. Я бы еще долго мог описывать все прелести путешествия с французским сыром, но, к сожалению, это уже много лет назад сделал писатель Джером К. Джером (слишком поздно мы вспомнили этот рассказ).

Одним научным открытием я все-таки с вами поделюсь. Дорогой сыр (пропади он пропадом) чем больше заворачиваешь, тем он больше пахнет. Да самое главное — сыр этот, вонючий с плесенью, безумно вкусный.

Дома нас встретили по-семейному тихо. С группой подельников выпили парочку бутылок французского вина. Бегунов заставил меня по просьбам трудящихся написать этот отчет о проделанной работе.

На прощание хочется сказать спасибо всем действующим лицам этого произведения (даже барабанщикам и сыроварам) и пожелать, несмотря на великолепие нашей Родины, когда-нибудь всем побывать в городе лягушачьих лапок и снесенной Бастилии.

Июнь — июль 1998 года,
В. В. Шахрин

Doc17.doc

Маленькая история об альбоме, для «Багет-серии».

«РЕАЛЬНЫЙ МИР»

Жарким августом 1996 года группа *ЧАЙФ* пересекла КПП с вооруженной охраной и въехала на территорию закрытого города с условным названием Свердловск-45. Здесь, в обстановке строгой секретности, почти два месяца записывался альбом «Реальный мир». Многое на этом альбоме *ЧАЙФы* делали впервые. Впервые на записи играл новый бас-гитарист В. Двинин. Впервые использовались цифровые технологии. В первый и последний раз все барабанные партии записывались в последнюю очередь, после гитар и вокалов. Из-за жуткой жары в студии практически всю запись музыканты провели в одних трусах. Есть даже любительские видеозаписи, поверьте, зрелище не для слабонервных. В свободное от записи время музыканты гуляли по маленькому военному городку, пугая местных барышень. Все попытки познакомиться пресекались на корню веским аргументом — узнают сразу все, а нам еще тут замуж выходить. Видимо, поэтому альбом получился такой серьезный и даже немного холодноватый. Сама группа очень гордится этим альбомом, считая его одной из самых интересных работ группы. После найденных оригинальных треков и цифрового мастеринга альбом зазвучал так, как его придумали музыканты.

Дополнительные треки и домашние демозаписи наглядно демонстрируют, что происходит с песней с момента ее сочинения по пути к вашему CD-проигрывателю. Музыканты группы ЧАЙФ благодарят всех, кто имел отношение к этому альбому, и желают вам сладостных мгновений в РЕАЛЬНОМ МИРЕ.

Doc18.doc

Эту информацию разместили на сайте «Старый Новый Рок», как ответ на многочисленную критику летнего фестиваля.

Скажу одну умную вещь, только вы не обижайтесь. Никто не знает точных критериев оценки *«рок»* и *«не рок»*. Для бабушки у подъезда *ЧАЙФ* — невыносимо тяжелая музыка, для любителя *«мяса»* — поп-музыка. *СВОБОДА* — это *право выбора*, наш фестиваль для свободных людей. Есть выбор на этапе *ехать — не ехать*, и далее до выбора музыки стараемся сделать ее *максимально* разнообразной и *новой*.

Музыкальный вкус — это вообще очень тонкая и деликатная тема. Он не говорит ни об уме, ни об интеллекте, ни о возрасте, ни о социальном положении. Многие мои знакомые, которых я очень уважаю, слушают, на мой вкус, *чудовищную музыку*. Подозреваю, что они не лучшего мнения о моем вкусе. *Ария* не лучше и не хуже *Пятницы*, они совсем *разные*, и отлично, что было *(на фестивале)* и то и другое. Судя по отзывам, десятка два групп нашли своих новых поклонников, а зрители открыли для себя парочку новых имен. А *это* как раз и было одной из главных задач фестиваля.

Все говорят про «Крылья» или «Нашествие», а много ли молодых имен попадает на эти фестивали? Все три наших сцены *были*, и *были* интересны.

Мы как раз и хотели показать максимально разнообразную музыку, у нас не было задач продвигать какой-то конкретный жанр. Три площадки позволяли в любой момент найти что-то по душе.

Аппарат на всех сценах был хороший. Если б вы знали, на каком говне приходится играть, гастролируя по миру! Причем за границей напороться на хреновый аппарат гораздо больше шансов, чем в России, хотя и у нас иногда выкатывают набор дров для камина. Оргкомитет на крепкую четверку справился со всеми административными и бытовыми проблемами. Невероятное количество согласований, разрешений, договоров пришлось утрясать. Проложили силовой кабель, восстановили освещение, возвели ограждения. Охрана. Пожарные. Медики. Местные власти. Расчищали поляны, устанавливали сцены и торговые конструкции, при этом общались с группами, делали промокомпанию, искали спонсоров, туалеты. Собаки, билеты, афиши... Это все я перечисляю для тех, кто считает, *как круто они заработали*!

Ребята, мы очень крупно потратились и за два дня до феста с

проданными 400-ми билетами не отказались от идеи и были готовы попасть на *очень* приличные деньги. Спасибо вам огромное, что вы поверили в наш с вами фестиваль и приехали. Правда — СПАСИБО! Если бы пиво и шашлыки были бизнесом Горенбурга и Шахрина, то вряд ли бы мы занимались таким сомнительным с точки зрения денег делом, как фестиваль. Нам действительно нравится эта музыка, нам действительно не безразлична судьба молодых парней с гитарами. Мы вкладываем в наш фестиваль всю душу и все наше умение и опыт. Конечно, не все идеально, и нет предела совершенству, и конструктивная критика вещь полезная и поучительная. Но от неприкрытого хамства граждан, годящихся нам в детишки, опускаются руки и пропадает всякое желание заниматься фестивалями для молодых артистов. СНР — это не конкурс, и мы об этом говорили сотню раз. Мы ничего не присуждаем и никого не награждаем. Некоторые спонсоры и партнеры фестиваля учреждают призы-подарки понравившимся *им* группам. Лично я узнал, кто стал на этот раз обладателем подарков вчера, прочитав информацию на этом сайте. *Никто* из оргкомитета к призам отношения не имеет.

Делаю трагическое лицо и сучу левой ножкой.

Мы облажались с выбором транспортной компании, это факт. Каюсь. Ну вот такой у нас ушлый народец, посидели шофера в лесу и придумали срубить бабла на тех, кто очень хочет домой, свинство полнейшее, прошу понять, что это не автобусы оргкомитета. Это люди на договоре, наших прибылей в транспорте — *ноль*! В любом случае — извините! Могу сказать, что организаторы многих фестивалей вообще не парятся по поводу транспорта, каждый едет, как может. Еще крупный косяк — плата за место за палатку. Я, если честно, и не знал об этом. Оказывается, за день до концертов было принято решение сделать палаточный городок не за пределами «Волны», а на ее территории. Решили, что лучше, если палатки будут на освещенной огороженной территории и под охраной. Это конечно же стоит денег. 100 рублей цена нормальная (на «Нашествии» — 500), но, конечно, надо было предупредить заранее, я-то вообще выгляжу кисло, так как лично по телеку вещал, что палатки бесплатно. По большому счету крупных косяков больше и не было.

На лице появляется улыбка: спасибо исполинских размеров всем, кто работал на фестивале, спасибо тем, кто поверил и поддержал фестиваль, и ГАЛАКТИЧЕСКОЕ СПАСИБО всем, кто приехал в качестве зрителей и сделал этот праздник!

Doc19.doc

Сценарий концерта 20 лет ЧАЙФ

Звучит музыка. В 19:00 голос по внутренней объявляет о начале концерта.

19:05 — начинаем транслировать видеопоздравления друзей и соратников

19:25 — камера из-за кулис провожает каждого из *ЧАЙФов* на сцену, зажигаются индивидуальные экраны артистов. Голос ДГ объявляет — дамы и господа, *ЧАЙФ*! Звуковой-световой эффект — Здравствуйте, родные!

1. Давай вернемся
2. В её глазах — в проигрыше Шахрин кричит в зал через мегафон
3. Время не ждет
4. Кончается век
5. Ты моя крепость
6. Не доводи до предела
7. Африка
8. Завяжи мне глаза
9. Обе подруги — Шахрин говорит о 20 годах и представляет сына Бегунова. В проигрышах сын с отцом устраивают гитарную дуэль
10. Не со мной
11. За полшага
12. Трамвай
13. В ночь по новым адресам — на экранах мультик без звука
14. Мимо
15. Не дай мне повод
16. Достучаться до небес — на коде полное затемнение, *ЧАЙФ* уходит со сцены, объявив песню памяти всем, кого сегодня с нами нет
17. Не зови — *клипсо звуком*, на последнем куплете выходят музыканты, Бегунов в той же одежде, что и в клипе. Играем коду песни живым звуком с видеорядом клипа на экранах
18. Ой-йо
19. Кама-река
20. Матаня
21. Всему свое время
22. Псы — Шахрин играет на акустической гитаре, остальные дают ритм (стучат) на бытовых предметах (бутыль, канистра, ведро)
23. Белая ворона

24. Рок-н-ролл этой ночи

25. 5:0

26. 17 лет

27. Не спеши

28. Оранжевое настроение — как только люди помашут руками, в зал пошли шары (а может, и раньше?), слова благодарности и прощание

Бис

29. С войны

30. Поплачь о нем

31. Rock'n'Roll — это я — на сцену приглашаем всех *ЧАЙФов* и друзей

Doc20.doc

Иногда так хочется заняться не своим делом. Вот написал сценарий к клипу. Так как не знаю.как должен выглядеть сценарий, написал его так.

У каждой, самой маленькой вещи, окружающей нас, есть своя пластика, своя жизнь, и существует эта жизнь, только взаимодействуя с другими, более крупными мирами, являясь частью жизни более крупного мира, подчиняясь уже его пластике.

В клипе шесть персонажей, шесть жизней. Каждая состоит из множества составляющих деталей и микромиров. Все шесть персонажей вместе являются лишь частью более крупного мира, который, в свою очередь… (Читайте дальше.)

Задача — гармонично соединить все эти шесть историй, создав единое пространство, единый мир.

Все должно смотреться как один танцевальный номер, где танцорами являются и люди и предметы.

МЕЛОМАН

Очень крупно головка патефона поворачивается и опускается на винил. Эта деталь в руке, на руке кожаная фенька, рука делает движение, фенька двигается по руке, крутится винил. Укрупняется кадр, патефон стоит на тумбочке с кружевной салфеткой, движения света от включения лампы. Меломан крутит ручку подзаводки патефона, в кадр попадают части туловища и лица. В кадре весь Меломан с деталями интерьера (пластинки, подсвечник, каслинское литье). Камера делает движение, и в кадр частично попадают пишущая машинка, фотоаппарат и музыкальный инструмент.

Отъезд камеры, и мы видим Меломана в общем интерьере, с остальными персонажами.

ПИСАТЕЛЬ

Очень крупно часть наручных часов. Движение механизма и стрелок. Камера, чуть увеличивая, захватывает хром, браслет и руку обладателя часов. Браслет бликует и двигается вместе с манжетой рубашки. Камера берет более крупный план и соединяет руку с часами со старой пишущей машинкой. Руки делают ритмичные манипуляции с механизмом машинки. Камера

захватывает части туловища и лица Писателя. Появляется на крупных планах весь писатель и части интерьера. Стол, стул, дымящаяся трубка и т. п. Камера двигается, открывая фрагментами работающий патефон, фотоаппарат и музыкальный инструмент.

Отъезд камеры, и мы видим Писателя в комнате с другими персонажами.

ФОТОГРАФ

Крупно движущиеся детали объектива старого фотоаппарата. Блестят хром и кожа. На этих деталях рука с красивым кольцом двигает объектив, взводит замок. Кольцо делает движение вместе с рукой. Весь фотоаппарат с частями костюма Фотографа, в кадр попадает часть его лица. Камера ловит движение света, одежды и фотоаппарата. Весь Фотограф в кадре, камера двигается, выхватывая за его спиной патефон, пишущую машинку и музыкальный инструмент. Фотограф нажимает вспышку, и в кадре появляются фотографии *всех героев* и незнакомого молодого человека в современном прикиде, в наушниках на голове. В кадре снова вся комната и Фотограф в общем интерьере со всеми персонажами.

МУЗЫКАНТ

Двигающаяся часть музыкального инструмента (механизм колка).

Рука, приводящая механизм в движение. Двигаются пальцы, двигается манжет рубахи с запонкой (запонка бликует). Руки Музыканта «танцуют» по струнам, в кадр попадают часть одежды Музыканта и фрагменты его лица (всё в движении).

Весь Музыкант в кадре, за его спиной появляются «детали» других персонажей. Движение света по инструменту и Музыканту. Отъезд камеры на всю комнату, в кадре все четверо. Вспышка света и во весь экран нарисованный на компьютере план «нашей» комнаты с условно обозначенными персонажами (вид сверху в стилистике компьютерных игр). Камера отъезжает, и мы видим, что это не взгляд с высоты, а экран монитора. Камера еще отъезжает, и мы видим того незнакомого парня с фотографии.

Он молод, одет суперсовременно, на голове у него наушники, он слушает нашу песню и придумывает в компьютере наших героев и мир, который мы только что наблюдали. Звук становится

«тонким», и последние аккорды мы слышим как бы из его наушников, камера взлетает над Программистом, и его комната тоже становится нарисованной, только уже на листе бумаги, над которым склоняется Старик художник.

У него на столе, рядом с рисунком, стоит патефон с пластинкой. Камера наезжает на патефон, уходит из резкости на самый крупный план хромированной головки патефона, возвращая зрителя к первым кадрам клипа.

Doc21.doc

Из серии путевых заметок

НЕ ВСЕ ТАК ПЛОХО В НАШЕМ КОРОЛЕВСТВЕ

Осень преподнесла нам не только неприятные известия. Параллельно с политическим кризисом и с падением рубля в нашей стране происходили события явно положительного характера. Об одном таком фантастическом явлении я и попытаюсь рассказать. Речь пойдет о волжском туре групп *ЧАЙФ* и *TEQUILAJAZZZ*. Так как я стал невольным участником всего тура, то позволю себе выбрать жанр путевых заметок.

ПОЕЗД СДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО, ПОЕЗД МОЖЕТ УХОДИТЬ

Официальный старт тура был назначен на 11 сентября в городе Волгограде. На встречу с Родиной-мамой группы прибыли по железной дороге, получив все, что должен получить нормальный россиянин от МПС. Жестокий насморк, боль в пояснице и легкое похмелье. В наших поездах еще со стародавних времен так уж повелось. В вагоне или жарко, или холодно. Досуг тоже всем известен — пей да кури.

ВОЛГОГРАД - ГОРОД-ГЕРОЙ

Через час пребывания на волжской земле участники экспедиции понимают, что это еще не бабье лето — это *лето*, просто *лето*. Жара 30 градусов, кучка энтузиастов ныряет и выныривает, техники ставят аппарат. Федоров, Бегунов и Шахрин едут на радио. По окончании эфира работники станции высказывают свою разочарованность по поводу кроткого поведения музыкантов в эфире. В пример привели «Блестящих», которые, по словам работников станции, вели себя в студии весьма по-хамски и достаточно бесцеремонно. Сразу видно — настоящие артисты.

К 15 часам подъехали во Дворец спорта. Аппарат уже стоит, охрана вместе с работниками Дворца мечется по чердакам и подвалам, вылавливая просочившихся «зайцев». Как показала практика, дело здесь вовсе не в том, что денег на билет нет. Это

уже как некий экстремальный вид спорта, как пейнтбол или порнодомино,— сам процесс гораздо важней результата.

18:15. *ТЕКИЛА* вышла на сцену — шоу началось.

Час пролетел моментально, это очень хороший признак, значит, все катится легко и естественно. У *ЧАЙФов* была своеобразная премьера: в роли гитарного техника на сцену вышел молодой е-бургский музыкант Владимир Демьянов. Будущая звезда отечественной блюзовой сцены от волнения перепутал все шнуры и неправильно настроил гитары. От этого на сцене повеяло классическим бардаком, и стиль концерта определился сам собой — студенческая вечеринка на несколько тысяч человек.

Со стороны все смотрелось весьма достойно, но что-то было не так. Явно не хватало какой-то маленькой, привычной детали. Лишь когда публика покинула зал и все увидели пол, усыпанный бутылками из-под минеральной воды, все стало на свои места. Дворец надругался над зрителем, не разрешив продавать пиво во время концерта. Три с половиной часа без глоточка пива — в это трудно поверить.

У участников тура не осталось сомнений: Волгоград — город-герой!

Отбив штурм поклонников, поужинав и собрав вещички, примерно в два часа ночи колонна выдвинулась в сторону Саратова.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Технология сна в автобусе проста, но требует определенных навыков и доработочки на месте. Предлагаю общие рекомендации. Опытнейшие и мудрейшие берут с собой из дома подушку (надувную или диванную). Кто оплошал, должен изготовить подушечки из подручных средств. В ход идут свитера, куртки, мягкие гитарные чехлы и прочее.

Чем больше, тем уютней ваше гнездо. Дальше вы выбираете удобную позу и пытаетесь в ней окаменеть. Удачной позы хватает часа на три, затем руки и ноги затекают, и все надо начинать сначала. Есть альтернативный способ ночевки в автобусе. Выпить водки и сразу окаменеть. У некоторых получается спать так, как положат его отзывчивые и чуткие друзья, до утра.

САРАТОВ — ДВА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

До обеда каждый занят своим делом. Кто спит, кто совершает

шоппинг. Уже известная троица в радиоэфире занимается развеиванием слухов, связанных с туром. Надо сказать, небезуспешно — в день концерта купили 800 билетов. Саратов порадовал артистов горячей публикой и убойным питанием в спортивном кафе.

Саратов получил по бартеру отличный концерт. Становится очевидным, что две абсолютно разные группы прекрасно умещаются в рамках одного концерта. Кто-то из публики сказал, что у него ощущение, будто на один билет он побывал на двух концертах. Появился термин: два в одном флаконе.

В ПОСТЕЛИ С САМАРОЙ

Ночь. Уже на пятый раз поведана героическая история о купании в Волге работников ФИЛИ и части *ТЕКИЛЫ*. Уже угомонился Бегунов, который проводит курс молодого блюзмена с молодым техником. Даже Дусер прекратил вечер воспоминаний о случаях на дорогах Европы. Спим уже гораздо крепче, хотя кашель все громче и тревожнее.

Самары ждали с особым трепетом: во-первых, это один из самых гастрольных городов (*ЧАЙФы*, например, так и не смогли сосчитать, сколько раз они здесь были), во-вторых — вожди тура обещали в Самаре полноценную якорную стоянку. Появилась реальная возможность уснуть горизонтально. Концерты с каждым разом все лучше и лучше, хотя и предыдущие мне очень понравились. То, что творила публика в зале самарского Дворца спорта, описать почти невозможно. Ликующий народ водил хороводы, выстраивался в замысловатые змейки и в конце концов начал строить живые пирамиды. Самой высокой оказалась в четыре яруса. Такое не в каждом цирке увидишь!

Если в зале в тот момент находились иностранцы, я думаю, что в голову к ним лезли примерно следующие мысли: «И *это* они называют всенародной депрессией!»

Прав был классик — умом Россию не понять.

После концерта пришлось делать живой коридор из ОМОНа, чтобы музыканты могли дойти до автобуса.

Уже в гостинице артисты наглядно показали, что недалеко ушли от своих зрителей.

Вместо того чтобы воспользоваться единственной возможностью нормально выспаться, они до утра горланили песни, ходили друг к другу в гости и, по-моему, даже употребляли алкоголь. Ужас...

От Самары до Тольятти — 80 км. Первыми в путь отправились Женя и Володя на «Волге» с ужасно разговорчивым водителем. Есть такой сорт водителей, у которых в машине нет приемника, потому что в машине есть *они*. Единственный способ увернуться от общения — это закрыть глаза и не подавать признаков жизни. Очень неадекватно реагировали работники ГАИ на армейскую футболку Шахрина и лысую голову Федорова — попросили предъявить документы и выйти из машины. Опознали артистов быстро и отпустили с миром.

В Тольятти ждала первая засада — шла тренировка «Лады». Зал на клюшке, аппарат на улице.

Хоккей в Тольятти — это свято, поэтому пришлось смириться и ждать. К 14 часам Дворец открыли, техники взялись за дело. Ш. и Ф. очередной раз ответили в эфире, почему они так называются и зачем они в такое жуткое время поехали играть буги-вуги для народа.

Основной состав подъехал лишь к 17:30, у автобуса возникли проблемы с коробкой. О концерте в Тольятти стоит сказать отдельно. Внешне все выглядело весьма трагично — сцена, трибуна и между ними огромная ледовая пустота. Культовый вид спорта и тут дал о себе знать. Лед не закрыли, на лед не пустили. В общем, группы как в телевизоре, зрителя вообще не видно. Слава богу, шумели будьте -здрасте, так что сомнений не было — там, в темноте, пара тысяч есть. Гигантское расстояние до зрителя заставляло музыкантов слегка утрировать сценические движения: махали руками и ногами, как в шейпинг-зале, а Дусер на песне «Зимнее солнце» надел коньки и форму «Лады» и всю песню показывал произвольную программу по фигурному катанию. На барабанах в это время играл чайфовский Валера. Сам не видел, но говорят, что в конце концов, к удовольствию публики, Дусер рухнул. *ЧАЙФ* позволял себе менять слова в песнях и развлекаться импровизациями. На финиш вышли все петь «Поплачь о нем». Голоса Шахрина и Федорова сочетаются идеально, дуэт получается отменный, ну а хор энергичных юношей выше всяких похвал. Лед таял, публика млела, отличный экстремальный концерт.

Тольятти порадовал прекрасным ужином в маленьком, уютном английском пабе.

Пока грузился аппарат, *ТЕКИЛА* устраивала ледовое шоу. *ЧАЙФам* их личный опыт подсказывал, что со спортом в туре надо поосторожнее — голимое членовредительство. Карты, кости, домино, ну на худой конец бильярд.

С водителями туру повезло, за время концерта всё починили. Ночь прошла спокойно, лишь барабанщики разговаривали во сне. Дусер про то, что он Русская Ракета и не иначе, а Валера про каких-то 15 тысяч байкеров.

ТЕНЬ ИЛЬИЧА

Казань. Университетский городок. Тот самый, где учился будущий вождь мирового пролетариата. Так и кажется, что сейчас из-за угла вам навстречу выскочит молодой Вовочка Ульянов, стрельнет два рубля на пиво и убежит курить с будущими соратниками по партии. Революционный дух явно передался участникам концерта. *ТЕКИЛА* с третьей песни ставит на уши сидячий тысячный зал Казанского университета. *ЧАЙФы* доводят начатое народное дело до победного конца.

К последнему залпу урало-невской «Авроры» зал безумствует. С залпом «Авроры» сравнение весьма уместное: с громкостью явно перестарались. Лично у меня было ощущение, что от звука и энергии стены развалятся. Весьма авангардно прозвучала финальная песня. В очередной раз отличились исполнители на ударных инструментах. Валера вышел к микрофону, а его место занял Дусер. Последний начал играть «Поплачь о нем» в ритме жесткого трип-хопа.

Бегунов с Двининым судорожно пытались уложить известную гармонию в прогрессивный ритм, а Шахрин просто остановился, явно не понимая, как все это можно спеть.

После короткого совещания прямо на сцене договорились на компромиссном варианте и сыграли народный хит в ритме хард-твиста. Явно тень Ильича бродила по залу, внося смуту в головы участников концерта.

ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Автобус - дом родной. Позвоночник окончательно принял форму сиденья. Люди, лежащие в нелепых, устрашающих позах, уже никого не удивляют Извращенцы из *TEQUILAJAZZZ* купили кассету Шуры, и дружно шепелявя песню об отшумевших летних дождях, мы мчимся к своей последней точке на кар-

те тура.

Нижний Новгород. Как всегда, монтаж сцены и визиты на телерадиокомпании. Шахрина на одном из телеканалов пытаются взять на «слабо» по поводу физзарядки в эфире. Последний, не

моргнув глазом попрыгал, отжался и качнул пресс. На настройке обе группы ходили, хитро улыбаясь, в воздухе пахло «зеленкой». Есть такая старая артистическая традиция - отмечать последний концерт гастролей небольшими подлянами друг другу. Три музыканта *ТЕКИЛЫ* после начала своего шоу обнаружили перед собой три абсолютно разных списка песен для исполнения. Один эстрадный, второй с блатными песнями, а третий с военно-патриотическими В программе концерта *TEQUILAJAZZZ* фигурировали: «Зайка моя», «Марш артиллеристов», «Эх, хвост-чешуя» и другие популярные песни. Во время песни «Птицы, рыбы, звери, все идут ко мне» по сцене, медленно, закатив глаза, походкою оживших мертвецов, ходили распоясавшиеся горцы. Еще было несколько профессиональных шуток, смысл которых непосвященному человеку вряд ли будет понятен.

Одним словом, шутили по-доброму. Питерские хлопцы, оценив доброту, ограничились запуском бумажных самолетов и исполнением любимой песни «про дожди» прямо посреди песни «17 лет», выскочив на сцену и отобрав сразу все микрофоны. Все было к месту и не испортило общего настроения концерта. Публика, решив, что так и надо, радовалась вместе с музыкантами. На коде барабанщики наконец-то договорились играть по полпесни, и от этого аранжировка старого хита только выиграла. Точка в туре была поставлена качественно и смачно, говоря словами участников тура — *шпильнарядная* получилась кода. Затих последний аккорд, и шоу перекочевало в буфет Дворца спорта, где все музыканты, администраторы, техники, водители и нижегородские друзья резвились еще часа полтора.

Всё. Групповой снимок на память и по домам. *ТЕКИЛЕ* — последний автобросок до Москвы, а *ЧАЙФам* по чугунке до Екатеринбурга.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Нет сомнений, тур удался. Ни один концерт не слетел, аппарат не подвел, автобус успевал в срок. Это нормально, так и должно было быть. Вот что действительно удивило меня: ни одной жалобы, ни одного стона, ни одного намека на истерику и скандал. На время тура все эти люди забыли о существовании государства и его кризисе. Они обходились без газет и телевидения с их беспросветными новостями и комментариями. Они жили вне времени и пространства. Они просто занимались своим любимым делом, и оттого, что делали они свое дело хорошо, люди, приходившие на концерты, хотя бы на эти три часа

могли почувствовать себя *счастливыми*. А многие до сих пор не могут понять, какой во всем этом смысл...

Терентий Самохвалов

Doc22.doc

Нальешь себе чая на кухне, включишь телевизор и начинаешь пялиться, пытаясь вникнуть в суть очередного сериала про бандитов. Смотришь минут 10, и понимаешь, что ничего не понимаешь. Тогда говоришь себе: чё я как дурак туда смотрю, мне ведь это совсем не интересно, мне это не нравится, лучше в окно смотреть, гораздо более информативно и красиво. И иду к окну, и мне красиво, и сам себя начинаешь уважать, что вот я не такой раб ящика с картинками, я могу послать его ко всем чертям. Но в следующий раз, когда снова приходишь пить чай, опять включаешь ящик и иногда забываешь подумать, что тебе это не нравится, что тебе это совсем не надо.

Конечно, с каждым годом наши концерты и другие публичные появления все больше и больше похожи на театр. Мы выходим на сцену и играем роли молодых героев рок-н-ролла. И если зритель нам верит, значит, мы не плохие актеры, значит, эта роль нам по зубам. Если мы верим сами, значит, мы реальные парни с гитарами.

Doc23.doc

Медиа-поддержку вышедшего альбома «Оранжевое настроение-4» осуществляло одно известное музыкально-информационное агентство. Работы их были настолько не интересны и беспомощны, что пришлось позволить себе накидать им несколько общих идей об альбоме. Опять же, в привычной ипостаси шизика с ярко выраженным раздвоением личности.

Господа, это сырые, необработанные мысли с потолка, к тому же с гигантским количеством орф. ошибок *(выправлены)*. Все же надеюсь, что кое-что вам пригодится или хотя бы даст импульс для некоторых новых идей.

Если бы мне предложили угадать, кто из российских групп выпустит самую модную пластинку в этом году, вряд ли мне пришло бы в голову вспомнить уральский квартет *ЧАЙФ*.

Они, конечно, умеют писать любимые народом песни. Они, безусловно, великолепны на концертной площадке, но модно, прогрессивно? Казалось бы, не по адресу.

Геополитика. Само название «Оранжевое настроение» мегаактуально на сегодняшний день, и, главное, содержание полностью его оправдывает. Мы же все видим, что творится в мире и в стране, мы можем до зеленых соплей возмущаться глобальной или антиглобальной политикой, нас тошнит от экономических извращений, но что мы можем противопоставить этому? Только наше позитивное, я бы сказал, несерьезное отношение ко всему происходящему. Эдакая оранжевая анархия, как бы улыбающийся панк. После целой плеяды удручающе занудных и негативных исполнителей, прогрессивная часть общества ждет от музыкантов именно того, что сделали *ЧАЙФы* своим последним альбомом.

Теперь собственно о самих песнях. Все они в чрезвычайно модной, по-хорошему эстетской стилистике. Многие песни с неспешным, оттягивающим назад темпом, как у *Beck, Gorillaz* и т. п. Барабанные рисунки разряжены и понятны, как в лучших работах Tom Waits и Keb Mo. Во многих песнях легко уловимы этнические мелодии, причем от традиционно русских до интонаций Ibrahim Ferrer и Burning Spear. Акустический контрабас и барабаны с комнатным эффектом придают всему альбому эстетски-салонное звучание. Открытый и близкий, как будто в соседней комнате, саунд придает удивительную свежесть всему проекту. Мелодии простые и легко запоминающиеся. Тексты наивны и сентиментальны, что легко вписывает Ор. Настр. в новую мировую музыкальную эстетику.

Итоги. «Оранжевое настроение», цикл работ, задуманный, по словам авторов, как движение назад от современной музыкальной цивилизации, как игра против рынка, принес *ЧАЙФам* фантастические результаты. Они продвинулись назад так далеко, что незаметно для всех и для себя самих оказались впереди трудящихся на музыкальном поприще масс. Теперь им осталось незаметно повернуться к отставшему российскому шоу-бизнесу спиной и сделать вид, что так и было задумано.

А может, они на самом деле 16 лет дурачат нам всем головы по поводу своей провинциальной простоты?

От кутюр. Это сделано руками не по шаблону, без лекала и выкройки, это аранжировки и саунд, которые подгонялись под каждую песню индивидуально, прямо во время записи,— это и называется работой «от кутюр».

Высший пилотаж. Как на авиасалонах публика, затаив дыхание, не отрываясь, смотрит в небо, где пилоты-ассы выделывают невероятные вещи в воздухе, казалось бы, забыв о законах притяжения, так и здесь, наплевав на все тенденции отечественного рынка шоу-бизнеса, *ЧАЙФы* устроили показательные выступления с фигурами высшего музыкального пилотажа.

Хай-энд. Наконец-то российские аудиофилы, помимо записей классической музыки и лучших зарубежных образцов, могут слушать на своих «хай-эндах» песни на русском языке, записанные в России. Слушать и с упоением копаться в нюансах и деталях. Звук, который можно трогать, вертеть и рассматривать со всех сторон.

Как в кино. Трудно найти аналоги в музыкальных работах, скорее всего, это совокупный продукт, как фильмы Тарантино, братьев Коэнов и Гая Ричи, где картинку нельзя отклеить от музыки, а сюжет не может жить без мастерской актерской игры.

Фэнтези. Орнастра — пришелец из будущего, альбом, обладающий абсолютно фантастическими свойствами. На протяжении 46 минут вас мотает во времени и пространстве, вы оказываетесь то на школьной вечеринке, то в своей старой квартире, то на танцах в спортзале, то на картошке с друзьями-первокурсниками. Причем ощущения настолько натуральны, что вы чувствуете, как комната наполняется запахами, а перед глазами появляются реальные картинки из прошлого.

Муз. агентство «Музыка мира»
Борис Егоров

Doc24.doc

Примерно год понадобился В. В. Шахрину для того, чтобы научиться без ошибки произносить название екатеринбургской группы *BlackCatBones*. Еще полгода на то, чтобы убедить музыкантов этой группы запеть по-русски. И вот в июле этого года в студии *АВАБлек Кет Боунз* записывают четыре песни на родном языке. К трем из них текст написал Шахрин. Впервые он попробовал писать на уже готовую чужую мелодию, в чужом стиле, от чужого лица. Что получится — пока не ясно, но Шахрина радует сам факт данного события. Есть основание предположить, что, если все срастется, в стране появится еще одна хорошая группа (им бы название еще сменить).

Имя Вадика Кукушкина наверняка известно истинным знатокам группы *ЧАЙФ*. Именно он в начале восьмидесятых придумал это странное словосочетание. За все эти годы Вадик, будучи, безусловно, очень талантливым поэтом, почти не заявлял о себе. Лишь в 1988 году в очень узких кругах ходил его альбом «Харакири». Прошло 10 лет, и, после очередного похода в гости к Шахрину, появилась идея совместного проекта. На данный момент заканчивается работа над двумя песнями. Роли распределились следующим образом:

Кукушкин — текст, мелодия, основной вокал, идеологическая цензура.

Шахрин — аранжировка, все инструменты, второй вокал, организация процесса.

Вся работа ведется в студии А. А. Пантыкина, любезно согласившегося на эксперимент (есть еще дедушки в русских селеньях).

Если по окончании этой авантюры все останутся живы и не пропадет желание, возможно, появится целый альбом (материала в достаточном количестве). О дальнейшем развитии событий мы вас непременно известим.

Заметку подготовил
Терентий Самохвалов

Doc25.doc

Полный каталог всего изданного у *ЧАЙФов* на сегодняшний день (все набрано, как в файле).

1. Дуля с маком
2. Дерьмонтин
3. Не беда
4. Давай вернемся
5. Дети гор
6. Пусть все будет так КТЗ
7. Четвертый стул
8. Оранжевое настроение
9. Акустические версии
10. Реальный мир

———————————

11. Оранжевое настроение 2 Фили
12. Оранжевое настроение 4 Чайф
13. Шекогали Real (1998)
14. Симпатии Real (1999)
15. Чайф 15 лет Extrafon (2000)
16. Концерт Feelee > CD/land (1995)
17. Время не ждет Real (2001)
18. 48 Мистерия (2003)
19. Best of ЧАЙФ Feelee > CD/land (1998)
20. MP3 RMG (2001)
21. Легенды русского рока Moroz
22. Изумрудные хиты Real (2005)
23. От себя Никитин (2006)

———————————

Оранжевое настроение 4 — фильм
Видеоклипы
Олимпийский 2000 — видео Real>allins DVD
ЧАЙФстори
Олимпийский — ЧАЙФ 20 лет

Doc26.doc

Хорошая идея была у нас с Костей Ханхалаевым. Сделать большой этнический фестиваль, как эволюцию движения «Рок Чистой Воды». Идея не реализована. Это макет письма для поисков поддержки в кабинетах власти и в финансовых кругах.

ЧИСТАЯ РЕКА ЭТНО

Музыкальное агентство «Рок Чистой Воды» представляет свой новый проект — фестиваль этнических культур «Чистая Река Этно».

Музыкальное агентство «Рок Чистой Воды» появилось на свет в 1989 году. Выделив для себя две чрезвычайно острые проблемы того времени, такие как полное безразличие центральных и местных властей к проблеме экологии окружающей среды и точно такое же безразличие к творческой молодежи. Созданное музыкально-экологическое движение провозгласило своим основным лозунгом *«Человек с экологически чистой душой способен сделать мир вокруг себя экологически чистым»*. В период с 1989 по 1993 год «РЧВ» провело две музыкально-экологические экспедиции по Волге (более 20 концертов), экспедицию по городам, пострадавшим от Чернобыльской аварии (5 концертов), экспедицию по Байкалу (3 концерта) и большой фестиваль в Москве. Во всех вышеперечисленных экспедициях принимали участие музыканты (как известные, так и начинающие), ученые-экологи и студенты, получающие экологические специальности, журналисты центральных СМИ и местных изданий. Организация всех экспедиций и фестивалей отличалась высокой профессиональностью и оригинальностью идей.

На данный момент «РЧВ» выделяет такую серьезную проблему для нашей многонациональной страны, как растущую на глазах религиозную и национальную разобщенность нашего общества. На наш взгляд, еще 10 лет назад эта проблема не стояла так остро, и вот сегодня мы ежедневно сталкиваемся с нетерпением и непониманием людей разных национальных культур и вероисповеданий. Нам хотелось бы сконцентрировать внимание людей на наиболее интересных культурных особенностях и на тех элементах в различных культурах, которые сближают всех нас и объединяют в единое Российское государство.

Мы планируем провести крупный фестиваль народных

культур под общим названием «Чистая Река Этно». К участию в фестивале нам хотелось бы привлечь молодых музыкантов, художников, писателей, журналистов, которые соприкасаются в своем творчестве с национальными традициями. Именно молодые, использующие язык современного искусства, должны привлечь к нашему фестивалю, а значит, и к проблеме, которую мы поднимаем, молодежную аудиторию.

Нам кажется, что наиболее перспективным местом для проведения первого фестиваля может стать город Ханты-Мансийск. Являясь столицей одного из самых многонациональных краев страны и уральского региона, город обладает всей необходимой инфраструктурой (аэропорт, гостиницы, концертные площадки), а также всеми техническими возможностями (телецентр, звуковая и световая аппаратура). Мы очень рассчитываем на понимание и поддержку всех государственных и коммерческих структур и частных лиц.

Несколько слов о планируемом фестивале

При поддержке СМИ декларируется общая идея фестиваля и объявляется отборочный тур. Специально созданный экспертный совет помогает отбирать самых незаурядных и интересных участников. Из тех, кто прошел отборочный тур, формируется фестивальная программа по разным секциям. Музыка, живопись, скульптура, прикладное искусство, литература, документальное кино и другие.

В течение двух дней выстраивается программа фестиваля, в разное время, на разных площадках проходят фестивальные мероприятия. Вечерами устраиваются пресс-конференции и неформальные обсуждения. В последний день снимаются телевизионные интервью и репортажи с наиболее интересными участниками фестиваля, проходит заключительная пресс-конференция и вечером на открытой площадке большой гала-концерт с участием приглашенных популярных коллективов. По окончании всего фестиваля — обязательное обсуждение и подведение итогов с приглашением всех лиц и организаций, принимающих участие в подготовке и проведении фестиваля.

Орг. Комитет фестиваля:
В. В. Шахрин (гр. *ЧАЙФ*)
К. К. Ханхалаев (продюсер «Рок Чистой Воды»)

Как вы уже догадались. Терентий Самохвалов —это персонаж, живущий в моем подсознании. Обычно он незаметен, но иногда дает о себе знать и пишет путевые заметки, рецензии и прочее о группе *ЧАЙФ*, благо Терентий являлся свидетелем почти всех событий в жизни *ЧАЙФа*.

ШПИОНЫ КАК МЫ (1998 г.)

24 ноября небольшая, но тщательно подготовленная группа лучших сынов Уральских гор получила секретное задание проникнуть на территорию Украины и выведать главную тайну самостийной державы.

24 ноября. Сборы были коротки, прощания недолги. Специальный самолет (по-украински *летак*), запутывая следы через Москву, просочился на взлетную полосу аэропорта Тирасполь.

24 ноября — аэропорт. Спецотряд, не привлекая внимания, с песнями и танцами проходит украинскую таможню. Народ в порту перешептывается: «*Продиджи* приехали». Заранее подготовленная легенда сработала.

24 ноября. Первая проверка. Два часа трясется в автобусе группа *Ч**, враг глумится и куражится. В начале на базар за киевскими тортами; к тортам, как водится, два сорта сала, горилка с перцем и соления из частных подвалов. На словах пугают борщом с пампушками. Стало очевидно — пытать будут долго и жестоко.

24 ноября. Пригород Киева. Загородная вилла типа санаторий «Вумовец». В камерах холодно и неуютно, сдвинутые кровати при расселении по два человека, выглядят неприкрытой провокацией. Не дождетесь, гады, крикнул в темный и пустой коридор агент Бегунов, и отодвинул кровать агента Двинина на безопасное расстояние.

24 ноября. Ничего святого. Разве это борщ? Срань господня, разве это пампушки? Отравить хотят, мерзавцы, думал агент Шахрин, глядя на муки агента Бегунова, уплетающего киевский торт с псевдоборщом. Из всей предложенной национальной кухни самой съедобной оказалась горилка. Ее, в основном, и кушали.

24 ноября. Под видом радио и телеэфиров украинцы пытаются расколоть одурманенных горилкой уральцев. Те в свою очередь прикидываются классными ребятами, шутят, резвятся,

всячески приковывая к себе внимание. Агенты Двинин и Северин косят под мультуродов из MTV. А в это время агент Спирин шарит по секретным файлам и по ящикам столов. Адских документов не нашел, но пива нарыл немерено. Веселых и довольных *ЧАЙФов* привозят в холодные загородные казематы.

24 ноября. Еще одна адская попытка — пытка. Баня без терморегулятора и бильярд с кривым кием и обгрызенными шарами. «От этой бани до мартеновской печи один шаг» — сказал агент Петрович, бздунул на каменку и сделал этот шаг. В тиши украинской ночи в танце посылали свои сообщения в центр радисты. Точка, тире, точка, два тире — неслось из бани на далекую родину.

24 ноября. Утро. Еда еще хуже, чем вчера. Одно радует — не выживут здесь натовские головорезы, значит, быть содружеству Славянских государств.

25 ноября. Опять эфиры. Опять микрофоны прямо в зубы, опять прожектора в глаза. *Где? Когда? С кем? Почему? Ха-ха-ха*, смеются прямо в лицо опасности храбрые ребята.

25 ноября. Начинается подготовка к ключевой фазе спецзадания. Звучат гитары, гремят барабаны, бухают басы. Зал красивый, большой, но очень странно звучащий. В каждой точке зала звук абсолютно разный.

25 ноября. И вот то, ради чего пришлось пройти весь этот кошмар, началось. Все тайные агенты и просто сочувствующие были оповещены заранее и пришли в полном составе. Зал полон. Все понимают друг друга с полуслова, с полуноты. Два часа в самом центре иностранного государства продолжался сходняк агентов уральского рок-н-ролла. А потом, совсем распоясавшись, уже не прячась, при полном свете еще двадцать минут хором горланили песни все собравшиеся на этот шабаш.

25 ноября. До чего же надо было довести этих крепких ребят со спецподготовкой за плечами, если они умоляли не кормить их больше турбазовскими угощениями. Это ужасно, но ужинали «макдоналд-сом» с горилкой. Никому не говорите, а то может начаться бойня с оскорбленной Америкой.

25 ноября. К утру стало ясно — Украина блефует по страшной силе, нет никакой главной тайны, напрасно пытали буржуины невинного Мальчиша-Кибальчиша! Если бы президентом Украины был Маугли, он бы сказал российскому народу: «Ты и я одной крови!». Ну а пока миллионы рублей и гривен тратятся на безумную игру в шпионов и иностранцев. Вот мечется по снежному Екатеринбургу простая украинская дивчина, пытаясь втюхать кому-нибудь свои гроши. Вот простой малограмотный уральский бизнесмен на границе, где все говорят

по-русски, потеет, заполняя на английском языке таможенную декларацию.

Нет, все-таки не зря бесстрашная группа *Ч** совершила свою дерзкую вылазку. Энергия, образовавшаяся на концерте совместными усилиями, интернациональна, а убойная польза от нее похлеще, чем у пулемета.

Привет всем участникам операции «КОНЦЕРТ». А героям, не павшим в равной схватке, *Слава!Любо! Слава! Любо!*

Шифровку передал радист Терентий Самохвалов

Doc28.doc

Мне кажется, что я никогда не буду писать мемуары. Мое местообитание и моя жизнедеятельность этого не предполагают. Когда в конце 90-х появилась книга *«ЧАЙФStory»*, многие наблюдательные люди задавали мне один и тот же вопрос: ну, про музыку и тяжелую артистическую долю мы прочитали, а где, собственно, сам рок-н-ролл? Где дебоши, сексуальные оргии и прочие излишества? *«ЧАЙФStory»* — это не мемуары, это книга Леньки Порохни о том, что он знает о группе *ЧАЙФ*. В лучшем случае, *о чем* ему рассказали участники событий. Уж так повелось в нашей стране (и правильно повелось), что откровенничать о своих половых достижениях (или не достижениях) у нас считается не совсем приличным и, прямо скажем, делом не мужским. Лично мои жизненные наблюдения мне подсказывают, что зачастую чем больше люди об этом говорят, тем меньше этого происходило на самом деле. Наглядный пример — таксисты и прочие профессиональные водилы. Их послушать, так практически каждая дамочка, голосующая у дороги, поднимает руку только для того, чтобы отдаться ему под предлогом отсутствия денег или совсем без повода, просто потому, что такой вот он мегачувак. В общем, конечно, все эти стереотипы по поводу «секс, наркотики, рок-н-ролл» придуманы не с потолка, и парни с гитарами не ангелы, но...

Мемуаров я писать не буду! Про вечера и ночи после концертов со снесенной начисто башней тоже писать как-то неловко. Это же был порыв сквозняка в наших головах, это же стихийное бедствие, в конце-то концов! Зачем кому-то знать, как в городе Хабаровске, когда меня в первый раз поселили в номере люкс, куда, конечно же, набилась вся группа с портвейном, была придумана фирменная чайфовская забава раннего периода — *дорисуй картину на стене, помоги автору расширить сознание!* Это была смесь солдатского юмора и бытового свинства. Со стены снимается картина (а они в люксах есть почти всегда) и при помощи ручек и карандашей дорисовывается. Вот репродукция Шишкина с медведями в лесу. Мы дорисовываем на ней немецких парашютистов, атрибуты советского лесничества, связанную полуголую партизанку, которой домогаются немецко-фашистские наймиты, и у медведей в данной версии совсем другой смысл, и мы, высунув от старания языки, не тупо бухаем, а творчески веселимся. А вот картина, на которой по сибирской реке сплавляют лес. Очень вялое полотно, так что мы дорисовываем на плоту два ящика с бухлом, а по берегам из леса к сплавщикам

бегут голые селянки, машут им руками и вьются в танце у стройных сосенок. Выражение лиц у сплавщиков автоматически меняется, и вообще появляется смысл во всей этой вырубке родной природы. Процесс этот безусловно творческий, групповой и действительно веселый. Картины эти аккуратно вешаются на место, и даже самая бдительная горничная, принимая номер, пересчитает все стаканы и полотенца, но никогда не посмотрит на шедевр на стене. Нам, юным и панкующим, казалось, что это отличная диверсия по отношению к какому-нибудь «пиджаку», заселившемуся в этот номер после нас.

Или зачем, например, кому-то знать, как в гостинице «Ростов» в номере Сереги Галанина коротали ночь *ЧАЙФ, Алиса и Серьга*. Полный номер крепко выпивающих мужиков, и Костя (Кинчев) предлагает больше не наливать Мише, иначе он сейчас опрокинет все пепельницы в номере. Миша парирует:

— Костя, ну с чего ты взял, я нормальный, не пьяный совсем, могу пройти по прямой!

(Делает попытку пройти и опрокидывает все пепельницы.)

Костя Мише:

— Да потому, что ты сейчас начнешь плеваться прямо на пол!

Миша:

— Ну че ты (тьфу) меня Костя (тьфу) позоришь (тьфубля)!

Мишу выпроваживают и поют песни под пианино, что на беду оказалось в номере. Жильцы и администрация не в восторге. Намекают на второй час ночи. К телефону никто не подходит, дверь никому не открывается. Вдруг в дверь стучат морзянкой. Барабанщик, спящий в углу, просыпается и говорит, что надо срочно открыть, это точно пришел еще один барабанщик. Его уговаривают этого не делать: не открывай, это Миша, которого с таким трудом спровадили! Игорь нас не слушает и открывает дверь, за дверью, как и предполагалось, стоит Миша и продолжает стучать по воздуху, не заметив открывшейся двери. Кто-то подскакивает и ловко захлопывает дверь, Миша не замечает и этого, продолжая ритмично выстукивать сигналы о помощи. Утром, догадавшись, что номер будут принимать с пристрастием, и обнаружив, что на крышке коричневого пианино наблюдается прогоревшее пятно, группа энтузиастов приступает к реставрации пианино. Замазку делали из плавленого сырка и зубной пасты, добавляя пудру и покрыв все это лаком для волос. А чуть позже, когда мы правили здоровье пивом, на улице нас принимают в ментовку и закрывают в околотке. Организаторы вытаскивают нас оттуда за полчаса до начала концерта. Вот и подумайте, если я начну все это рассказывать, то какой пример юным музыкантам мы покажем, а некоторые вообще подумают,

что я хвастаюсь.

Хотя одну маленькую историю, пожалуй, расскажу, потому что спустя много лет я понял, что у этой истории есть очень важный сакральный подтекст. Минск, весна, фестиваль. В моем номере странная компания, даже уже остатки от компании. Точно помню Чуму (*Алиса*) и Никиту Зайцева (*ДДТ*). Мы допиваем добытый с трудом алкоголь и травим гастрольные байки. Уж не помню, кто начал, но всплывает тема с выбрасыванием телевизора из окна. Наступает тревожная пауза, и вот мы уже смотрим из окна — высота подходящая, 10-й этаж как минимум, и телевизор старый, черно-белый, с лампами и кинескопом. Теперь самое важное — мы смотрим цену на обратной стороне ТВ (тогда еще ее писали прямо на корпусе) — 127 рублей. Выворачиваем карманы и понимаем, что эти деньги у нас есть. Дальше все просто, открывается окно, еще раз убеждаемся, что внизу никого нет, и с раскачкой, на счет три, телевизор ласточкой выпархивает из окна. Мы бурно выражаем свой восторг, и вот наконец-то долгожданное *бац, блям* и еще пару раз *бымц, бымц*. Я спускаюсь вниз и заспанной девушке на ресепшн задаю обыденным голосом вопрос:

— Скажите, а что надо делать, если у меня из номера случайно из окна выпал телевизор?

Девушка спросонья явно не готова к такому вопросу.

— Не поняла, что у вас случилось? Телевизор не работает?

— Можно сказать и так, не работает он наверняка, упал из окна!

Еще минут десять уходит на то, чтобы барышня оценила происходящее и проснулась окончательно. Тут я достаю из кармана мятые деньги и говорю ангельским нетрезвым голосом:

— Я готов компенсировать отелю убытки по остаточной стоимости…

На выезде утром с нас взяли 87 рублей, так что оставшиеся 40 рублей уже общих денег мы успешно пропили в поезде «Минск — Москва». Что я, собственно, хочу сказать этой историей? Господа артисты, гуляйте по средствам, даже напившись в говно, постарайтесь оставаться приличными людьми. Совсем недавно ехали в поезде с группой *УМАТУРМАН* и, отмечая рождение дочери Вовика Крестовского, оккупировали поездной буфет. Народу было человек 15, выпили всё до капли и сожрали всё до крошки, и всё это пиршество шло под бесконечные рассказы гастрольных баек. И ржали все до колик, и ребята говорили, что все это надо непременно опубликовать. Вот не уверен, что надо. Не уверен, что это будет смешно и правильно. Не уверен, что это будет гармонично — без этого

странного состояния группы на гастролях, этого бесконечного, безумного «бэнд оф зэ ран». Нет, не буду я писать мемуары!

Doc29.doc

Город сменил имя. Это не могло не поменять его образа жизни — сейчас вполне современный и респектабельный Екатеринбург живет по привычным правилам среднестатистического европейского города. Не столица и не мегаполис, но уже и не глухая патриархальная провинция. Город танцует ночью, стоит в пробках утром, суетится и крутит денежные массы днем, пьет кофе в кафе, вечером в ресторанах ему готовят итальянские, французские, китайские повара, ближе к ночи город пьет разнообразные напитки и снова танцует.

Нет, конечно, большинство живет старорежимно, и на работу едут на трамвае, и обедают бутербродами из дома, ужинают, естественно, из личного холодильника, и спать ложатся в семейную постель часов так в одиннадцать. Но... Человек со стороны, турист (хотя мне трудно представить себе туриста в моем городе), командировочный или просто «извините, я тут проездом» видит город в варианте номер один. Я родился совсем в другом городе — другое имя, другие названия улиц, другие фасады и, конечно, другой взгляд на окружающий мир. Этот мир был, но как-то очень далеко и в густом тумане. Конечно, я кое-что знал о его существовании, но весьма смутно. Город был закрытым. Ну вот в прямом смысле закрытым, глобальная, засекреченная оборонка. Не гражданам СССР дорога сюда была заказана. Каждый приезд иностранного гостя становился событием. Это было редко, но празднично. Я лично помню приезд Фиделя Кастро и Эриха Хонеккера. Власти латали дороги, вывозили за город бичей и выгоняли на улицы школьников и студентов с бумажными флажками Кубы и ГДР. Ликовать вдоль дороги надо было недолго, а в школу можно было в этот день не ходить. Народу это нравилось. Скажу честно, я и вдоль дороги-то не стоял. Мы с друзьями получали символику ГДР и шли в ближайший магазин «Сельхозкооперация». В народе этот магазин назывался «Сельхоз-навоз», но магазин любили все, от мала до велика. Дети любили его за петушки на палочке (по 5 коп.) и за ягодное желе в тюбиках (17 коп.). Женщины за то, что там бывала тушенка в свободной продаже и прочая приличная жрачка из ближайших колхозов. Взрослые мужики любили его за то, что там продавалась дешевейшая плодово-ягодная бормотуха от 92 коп. до 1 р. 20 коп. за пузырь и экзотические «Гавана Клаб» и «Ром Негро» (по 4 р. 50 коп.), а также вьетнамские настойки со змеей внутри и вьетнамские сигареты, непонятно с чем внутри, но точно, не с табаком. Что особенно важно, магазин работал с 7

утра. В нашем дворе мальчики взрослели рано, в 15 лет мы питали к «Сельхоз-навозу» взрослое мужское чувство, по рублю и в школу не пойдем — это был наш девиз. Так же рано я понял, что в Свердловске шанс встретиться с секретарем Коммунистической партии Германии Эрихом Хонеккером был крайне мал, а других иностранцев вообще не было, по этой причине посещение уроков иностранного языка мне казалось полной бессмыслицей и пустой тратой времени. Ну кто мог предположить, что город сменит название! Языков я не знаю до сих пор. Скрывать не стану — комплексую, завидую тем, кто в курсе содержания свежего номера «Тайме». В глубине сознания теплится надежда, что однажды съем чудо-таблетку, капсулу знаний, и мне останется только поработать над акцентом.

Первый раз я попал за границу в 1988 году. Это был город-побратим Пльзень в Чехословакии. До поездки я знал о Пльзене лишь то, что так называется ресторан у нас на Уралмаше. В братской республике было хорошо и солнечно. Народ там играл хэви-метал а-ля Германия, и наш уральский пост-бит-недопанк «смотрелся» весьма экзотично. Чешскую сцену плотно оккупировали толстые мужики в полосатых лосинах, пищащие кастрированными голосами, мы противопоставили им брутальных помятых мужиков в потертых кожанках и строительных ботинках и человека из нашего же отдела культуры, очень похожего на М. Горбачева. Горбачев был на пике мировой популярности, и по этой причине наш двойник стал главной звездой группы. В России бушевала перестройка, чехи нам завидовали и старались доказать, что у них тоже не все так плохо, а значит, и удивить. В этом плане особенно потрясла до глубины души экскурсия на пивной завод, особенно дегустационный зал.

Оказалось, что пиво имеет цвет и вкус, что его может быть много, а главное — оно есть всегда и без очереди, так что *очень нам в Чехословакии понравилось!* А на сэкономленные суточные я привез детям заграничных сладостей и три банки кока-колы. Банки торжественно вскрыли на Новый год (поездка была в апреле) и потом долго использовали как вазочки для карандашей.

К концу поездки у меня появилось подозрение, что при общем одинаковом строении тела, мы с иностранцами все же очень разные. Чехи, оказывается, не подозревают, что пиво можно разбавлять водой. У нас-то каждый пацан знает это, как «мама мыла раму». В тогдашней Чехословакии, конечно же, тоже был развитой социализм, и они тоже разбавляли водой, но только молоко. «Пиво водой нельзя» — со смешным акцентом говорили наши чешские друзья, трясли головой и закатывали глаза.

Подтверждение своей догадки я получил чуть позже, в 1991

году, побывав в Италии, когда утром в Болонье мы ввалились в кафе, где, как сказали наши итальянские друзья, самый лучший капучино. Мы заказали по «большому» капучино и бутерброды с ветчиной. «Капучино с ветчиной нельзя!» — замахал руками хозяин кафе. «Нельзя!» — вторили ему молодые итальянцы. «Можно, можно!» — сказали уральские парни, и на глазах у онемевших итальянцев надругались над их концепцией питания.

В последний день наших гастролей по Италии мы решили устроить небольшой прощальный ужин по-русски. У нас было три бутылки водки и несколько банок консервов. Консервы с собой возили все советские артисты, опять же, для экономии суточных.

Молодые итальянские рокеры привезли на вечеринку своих подружек, водки нам было не жаль, а вот закуски было очень мало. Переводчица Наташа обозначила проблему, и ребята заслали гонцов за закуской к водке. Гонцы привезли сладкие хрустящие палочки и шоколадную пасту «Нутелла». Когда мы попытались вразумить итальянцев, что, мол, водку с шоколадной пастой нельзя, я сразу вспомнил хозяина кофейни и капучино с ветчиной. С гордостью могу отметить, что нам-то капучино с ветчиной очень понравился, а вот итальянцев тошнило, крепко, качественно тошнило, прямо с балкона старинного палаццо на прекрасный фруктовый сад.

Вспомнив про этот сад, не могу не рассказать историю первого дня пребывания на итальянской земле. Дорога была длинной и утомительной, поэтому, поселившись, как и мы, в старинном особняке сельхозакадемии города Имола, наша переводчица и главный организатор этих гастролей, чудесная девушка Наташа прилегла отдохнуть. Нам не спалось, и мы пошли осматривать сады академии. На дворе стояли первые дни сентября. Сады гнулись к земле от спелых персиков, абрикосов, винограда и прочих экзотических фруктов. Криминальная романтика банды Мишки Квакина живет в мальчишеских сердцах, и мы прошлись по итальянским огородам, как учил нас дедушка Гайдар. На крыше веранды мы, раздевшись до трусов, играли в домино, ели фрукты, пили вино и загорали, пугая своим видом учредителей академии, у которых в этот день был съезд.

Вечером, выехав на концерт и как раз проезжая мимо ограбленных садов, кто-то между делом спросил у Наташи:

— А что написано на этих табличках вдоль всех садов? Сорта культур?

— Нет,— сказала Наташа,— тут написано, что все учебные сады обрабатываются страшными химикалиями и ни в коем случае не пригодны для употребления внутрь, надеюсь, вы этого не ели?

— Нет!— ответили мы, но попросили вернуться в отель за очень важным оборудованием, на самом деле, вернулись мы за туалетной бумагой. Вас, конечно же, интересует развязка этой душераздирающей истории? Напрасно вы ожидаете трагичного окончания. НИ-ЧЕ-ГО! Отличный концерт, твердый качественный стул. А еще в этой академии было свое винное производство, и на вопрос, а можно ли попробовать местного вина, хозяева наивно ответили — конечно, сколько хотите, вот тут стоит ящик с вином...

Так что каждое утро, после традиционного «бон джорно», мы ставили вопрос ребром: а где, собственно, ящик? Женщины, работницы студенческой столовой, выносили очередной ящик и с нескрываемым волнением наблюдали за завтраком «сибирских» мужиков.

И еще пару слов о различиях народов. В той же Италии нас приглашают в дом к одному из организаторов гастролей. Мы цокаем языками по поводу чистоты в подъезде и возле дома, мы восторгаемся репродукциями итальянских мастеров живописи, что висят прямо на стенах парадного. Нам показывают семейные альбомы и всевозможные изящные штучки. Вот она, настоящая европейская культура на простом бытовом уровне. И вот хозяин дома достает старую толстую книгу в потертом кожаном переплете сдувает с нее пыль и говорит, что это главная семейная реликвия, что *это* досталось ему от отца, а тому от деда, что придет время и он передаст это своим детям.

— Библия?— спрашиваем мы.— Родословная славного семейства?

— Нет!— говорит хозяин дома.— Это подшивка комиксов, старая, начиная с первых похождений человека-паука и супермена!

Ну сейчас я как-то уже готов воспринимать существование книги-комикса. Но в 1991 году фолиант комиксов в дрожащих руках зрелого синьора?

Сегодня мы выезжаем за границу часто и обыденно Поездка во Владивосток представляется мне более хлопотной и экзотичной. Мне почему-то невероятно грустно, ведь то, что приводило нас в изумление и восторг, сегодня не производит на нас никакого впечатления и забывается через неделю. Ну что интересного я могу рассказать вам о последней поездке в Вену или вы мне о летнем отдыхе в Турции? Да ничего, потому что вы там тоже были или будете и я про турецкие пляжи знаю все. И привезли вы домой венецианскую вазу из муранского стекла а я-то понимаю, что пустая банка из под кока-колы производила на всех нас гораздо большее впечатление. Успокаивает одно, что мы

все уже гораздо ближе друг к другу, хотя по-прежнему разные, ну не появилось на моих книжных полках издания «Человек-Паук. Избранное».

P.S. А на прошлой неделе, на даче, наткнулся на Сабатини, и уже неделю перед сном читаю «Одиссею капитана Блада». Чем не супермен! Это я к тому, что ни в чем не обвиняю читателей комиксов, сам такой... Но другой, потому что есть твердая уверенность, что капучино с ветчиной все же можно!

Doc30.doc

Очередная бредовая теория, мысли вслух

Я точно знаю, чем все это закончится. И самое главное, что будет дальше. В современном мире все меньше белых пятен. На карте, в науке, искусстве. Знания в каждой из этих областей колоссальны, и человеческий мозг сохранить все это уже не в состоянии. На помощь живому организму приходит умная машина. Все больше знаний и опыта мы доверяем компьютеру. Там уже словари, книги, карты, формулы, история... Лет через 200 там будет ВСЕ! И другие носители, в том числе и человеческая память, будут не востребованы. Человеку надо будет помнить только электронные адреса, коды допусков и прочие фишки, чтобы легко находить, где какие знания лежат в электронных мозгах. А потом произойдет глобальная катастрофа. Ну там мегавспышка на солнце. Или излучения со дна океана. Не могу сказать точно, но обязательно шарахнет!

И всё! Никто не знает, как выглядит наша планета и ее окрестности. Никто не помнит секретов производства железа и пластика. Писать уже давно никто не умеет... Еще лет 200, и цивилизация начнет активно загибаться. Все покроет новый культурный слой, и остатки наших городов засыплет землей и песком. А люди? А люди начнут все придумывать снова, и откроют Америку, и изобретут колесо, и напишут «Короля Лира», и сочинят «Щелкунчика». Возможно, кто-то случайно найдет барометр и научится предсказывать погоду, конечно же, он станет жрецом и попытается извлечь из барометра пользу. Кланяйтесь мне до земли и несите жрачку, а я поговорю с богами... А потом научатся при помощи электромагнитных колебаний издавать звуки и грянет ДЫМ НАД ВОДОЙ. И может быть, откопают из под песка остатки ДИСНЕЙЛЕНДА, и будут выдвигать версии возникновения гигантских статуй непонятного существа с огромными ушами и мышиной мордой.

Может, это божество, которому поклонялись далекие цивилизации? А может, это лик инопланетян, посеявших жизнь на земле? Главное, что поле снова будет девственно чистым и человечеству будет чем заниматься (пока еще придумают реалити-шоу)!

Самое ужасное, что меня не покидает ощущение, что все это уже было.

А вы говорите, Стоунхендж?

ТЕКСТЫ.DOC

Я никогда не собирался издавать отдельно тексты песен, так как достаточно критично отношусь к своим поэтическим способностям. Но в 2005 году группа питерских энтузиастов решила выпустить многотомную антологию «Поэты русского рока», и они убедили меня, что мое участие обязательно. Так и появился этот файл в моем компьютере. Я просто выбрал те тексты, которые, с моей точки зрения, в текстовом виде смотрятся наиболее убедительно.

Конец (The end)

Дождь по городу лил,
Еще до утра все смыл —
Наши с тобой следы.
Я далеко, а где ты?
Когда мы с тобой прощались,
Смотрели в глаза, смеялись.
Мне было уже так грустно,
Одиноко и пусто.

Пуст волшебный дворец.
Погашен огонь сердец.
И быстро мелькают титры,
Я слова меняю на литры.
И понимаю — конец.

Улетает наш самолет.
Нас в нем нет, лишь автопилот.
Ему не приземлиться,
Он может только разбиться.
В нем нет ни души, ни любви.
Если хочешь увидеть — смотри:
Вот маленькие осколки,
Их можно собрать,
А что толку?

Но в Летнем саду листопад,
И боги с укором глядят.
Их завтра закроют фанерой,
И до утра станет серым

Город, небо и блюз.
Допью и остановлюсь.

Но это так

Какая ранняя нынче осень,
Какая странная у нас с тобой встреча.
Это все похоже на кадры из фильма,
Что видел много раз, но ничего не понял.

Ветер загонял сухие листья в окна,
Пацаны писали мелом на стенах.
Листья так встревожено о чем-то шепчут,
Мелом на стенах пишут о том же,

Что это так и нельзя иначе.
Это не может быть по-другому.
Все, что останется, мы бережно спрячем,
Чтобы потом раздавать понемногу.

Ты меня встречала в заброшенном доме
С тысячей ступеней и с сотней окон.
Ступеней без перил, окон без стекол.
Ты говорила мне тихо-тихо.

Ты говорила мне о главном.
Ты говорила о самом важном,
Что ночью больше ты не будешь плакать.
Я сказал, что не буду смотреть на время.

Но это так и нельзя иначе.
Это не может быть по-другому.
Все, что останется, мы бережно спрячем,
Чтобы потом раздавать понемногу.

Хорошо, что нас никто не слышал,
Кроме этих стен, а они не скажут,
Что мы с тобой опять не сдержали слово —
Я смотрю на время, а ты ночью плачешь.

Сальто назад

Нам хочется чая с японской липой
И вечером зимним смотреть в окно.
Деревья в лесу уже снегом покрыты,
Мы все ждем весны,
Мы все ждем весны давным-давно.

Мы ждем изменений в своем отражении
В сторону света надежд и сомнений.
Нам хочется солнца на ветви ладони,
Нам хочется влаги на избитые корни.

А люди вокруг
Требуют, чтобы мы сделали
Сальто назад.
А публика любит,
Когда мы с улыбкой шагаем в огонь.
Нам кажется, мы убегаем,
И факелы сзади горят,
Но занавес поднимают,
И мы продолжаем обряд.

Обряд посвящения в рыцарей странствий,
В крушителей мельниц и винных складов.
В шутовских колпаках и ботинках «Мартине»,
В рыцарей ужасов,
В рыцарей ужасов девичьих снов.
Сотни друзей таких одиноких.
Мы знаем все про прошлую жизнь,
Надеясь, что кто-то все еще ждет их.
Мы делаем это, мы танцуем свой танец,
Мы считаем себе — раз, два, три...

Устали участники бури в стакане,
Буря утихла, и пуст стакан.
И вроде бы рады, что не опоздали,
И дамы в восторге,
И дамы в восторге танцуют канкан.
Их ноги взлетают ровнее и выше,
И боги Эллады нас любят и слышат,
И слышно, как трубы гимны играют,
И мудрецы где-то там отдохнуть приглашают

За полшага до постели
Мы с тобой все же успели
К окончанью представленья
Незаметной тихой тенью.

Мы с тобою долетели
До назначенной нам цели.
До секретной нашей точки,
До последней в песне строчки.

Пробежать по коридору,
Слышишь стук — стучат затворы.
Затворяют мысли в рамки,
Продвигают пешки в дамки.

Ходим в сайты для поэтов.
Собираем лупы в сеты.
Сверху лак, края багетом.
За тузов кладем валеты.

Мы в прозрачной коммуналке
Не завидно и не жалко.
По команде гасим свечи,
Мои руки, твои плечи.

Фудзияма

У подножья Фудзиямы всегда толпа,
У подножья Фудзиямы всегда людно.
Мне надо на вершину, ну а пока
Мне в один голос говорят, как это трудно,
Но именно здесь я встречу тебя, моя удача,
Моя судьба на вершине Фудзиямы,
Фудзияма, Фудзияма.

Ты в новом кимоно на вершине как богиня.
Я на отвесной скале, дай мне руку, помоги мне.
Быть может, здесь я встречу тебя,
Моя удача, моя судьба. Фудзияма, Фудзияма.

Вершина Фудзиямы приносит удачу,
Стоит на нее только подняться,

У меня созрела мысль, я могу сказать,
Но ты будешь смеяться.
Быть может, ты и есть моя удача, ты моя судьба,
Ты моя Фудзияма.

Звони

Если взять с полки стакан,
Налить в него уксусу, к губам поднести:
Нет. После того, что ты пил,
Тебя уже не должны унести.

Если вбить, вбить в стену гвоздь,
Взять веревку, сделать петлю из нее:
Нет. Ты уже не тот,
Гвоздь не выдержит тело твое.

Если одолжить у друга пистолет,
Снять с предохранителя, отвести затвор:
Нет. У тебя дрожат руки,
Ты не попадешь в себя в упор.

Если заплыть на средину реки,
Связать себе руки и упасть на дно:
Нет. Ты все равно всплывешь,
Потому что не тонет оно.

Так что, приятель, брось свои штучки,
И как можешь, дальше живи.
Ну а если придумаешь что-то еще,
Набери этот номер, звони.
Звони, ты знаешь этот номер,
Звони.
Звони.

Не зови

Он судьбу себе гадал
По трамвайным номерам.
Я — не думал, он — не знал

О путях к другим мирам.
Он взлетал над этой сценой,
Поднимался на Парнас.
Оказалось, он не может
Просто быть одним из нас.

Говорили: нам его не удержать.
Говорили: просто надо подождать.
Не дави, тоска, на грудь мне, не дави,
Не зови назад его ты, не зови...

Тамадой собачей свадьбы
Зажигал он в «Маяке».
Для нее руками жемчуг
Мог достать в Москва-реке.

Говорили: нам его не удержать.
Говорили: просто надо подождать.
Не дави, тоска, на грудь мне, не дави,
Не зови назад его ты, не зови...

Он и там не заскучает,
В неизведанном краю,
И она его прощает,
Вот и я ему пою...

Время не ждет

Время не ждет,
И что-то не вышло.
Глядя в свою телефонную книжку —
Кого-то уже сто лет не слышно —

Здесь ставим крест,
Он уже никогда не придет.

Время не ждет,
И, как в полуденной пробке,
Рассыпался бисер
В картонной коробке.
Она дарила нам свои феньки,
Но их уже никто не найдет.

Только эхо в горах, как прежде, поет.
Голосами друзей-мальчишек,
Голоса их все тише.
Время не ждет.

Время не ждет,
И мы как будто бы рады,—
Травим друг друга изысканным ядом,
Вслух говорим то, что надо,
А себя оправдать — каждый повод найдет,

Время не ждет,
Уставшие взгляды,
В Москве — Элвин Ли,
А тебе и не надо.
Это просто погоня за теми, кто рядом.
А зачем? Никто не поймет.

Только эхо в горах, как прежде, поет
Голосами друзей-мальчишек,
Голоса их все тише.
Время не ждет.

Время не ждет,
И не отпускает,
И снова зеркало врет, по утрам уверяя:
Ты просто сегодня немного не в форме,
Но к обеду пройдет.

Только эхо в горах, как прежде, поет
Голосами друзей-мальчишек,
Голоса их все тише...
Время не ждет...

Только эхо в горах,
как прежде, поет.
Голосами друзей-мальчишек,
Голоса их все тише...
Время не ждет...

Комментарии излишни

Парни с городских окраин

Мы не трансвеститы, нам просто было весело.

Второй слева — В. Бегунов, третий — В. Шахрин. 1978 год

Два ефрейтора, Шахрин и Бегунов. 1980 год

Основоположники. О. Решетников, В. Кукушкин и В. Шахрин. В стаканах — «чайф»

Первый постер. Еще в рок-подполье. 1988 год

Мой блюз. С Чижом

Тридцать лет бодания

Давос. Два Владимира Владимировича

Поездка в Чечню. 1997 год

На сцене *Rolling Stones*

Утро в Париже

Дымка в Нбю-Йорке, перекресток стрит и авеню

Музей современного исскуства, встречас прекрастным. Галерея Тэйт, Лондон

Иногда встречаюсь с Богом

С великим стариком Букашкиным

Веселый Роджер над рекой Волгой

На Дону с казаками. В папахе — я!

С семьей в песчаной буре

London calling!

В Швейцарии в поисках алкоголя. Слева направо: Дмитрий

Мимо

Ты идешь ко мне в гости...
Будь осторожен:
Хотя пройти мимо почти невозможно,
Чтобы не вляпаться, смотри под ноги.
Мой дом в тупике возле железной дороги.
Рельсы и шпалы вокруг этого дома,
Я бы переехал, да рядом нет другого.
А вот и я, проходи, не стесняйся,
Ты сегодня мой гость,
Смотри, не обломайся.

Мимо чашки льется чай,
Мимо стакана льется вино,
Мимо этого дома идут поезда...
И жизнь проходит мимо, но
Мне все равно.

Проходи, садись на мой любимый диван.
Ты слышишь, идет поезд Москва-Абакан...
Ты принес собой текилу,
Ты включаешь джаз,
А это дембелей везут мимо нас.
Они крепче текилы,
Пьянее, чем джаз.
Вот пустые вагоны пошли на Кузбасс...
Добро пожаловать в мой мир,
Оставайся, если хочешь,
Держись покрепче за стакан,
А я сделаю погромче...

Мимо чашки льется чай,
Мимо стакана льется вино,
Мимо этого дома идут поезда...
И жизнь проходит мимо, но
Мне все равно.

Мимо пролетают птицы на юг,
Здесь на этом диване когда-то сидел друг,

Но с чернильницы упала крышка —
Я не пишу другу, чернила высохли.
Высохли слезы всех моих дам,
Они давно сели в поезд и уехали на БАМ,
На БАМе, как известно, дамам делать нечего,
Им не стало легче, и каждый вечер...

Мимо чашки льется чай,
Мимо стакана льется вино,
Мимо этого дома идут поезда,
И жизнь проходит мимо...

И вот уже с полки падает посуда,
Каждый вечер, непонятно откуда,
Ее приносят люди с пивом — я их не просил.
Откуда у нас у всех хватает сил,
Хватает сил терпеть всю эту тряску,
Хватает сил верить во все эти сказки,
Ненавидеть свой дом —
И возвращаться домой,
Каждый вечер умирать,
А на утро снова как живой...

Мимо чашки льется чай,
Мимо стакана льется вино,
Мимо этого дома идут поезда,
И жизнь проходит мимо, но...

Мимо чашки льется чай,
Мимо стакана льется вино,
Мимо этого дома идут поезда...
И жизнь проходит мимо, но
Мне все равно.

Камарека

Я с надеждой смотрю в эту чистую воду,
Камарека, дай мне свободу,
Помоги мне быть новым с каждым рассветом.
Через Волгу в Каспий следующим летом:
Там зажечь огонь на заброшенном пляже
И, быть может, понять, что — чужое, что —

наше,
И на время забыть, что мы все игроки.
Камарека, помоги.

Ты напоишь меня росой спозаранку,
Ты мне простишь эту вечную пьянку,
Ты согреешь меня своим бабьем летом —
И, может быть, здесь найду я ответы.
Будем петь по ночам любимые песни,
Раздавать друг другу награды из жести,
И на время забудем, что мы все игроки.
Камарека, помоги.

Ты умеешь хранить холод талого снега,
У тебя глубина звездного неба,
Мы видим в воде свое отражение,
И глядя в себя, мы просим прощенья.
И зажжем огонь на заброшенном пляже,
И, быть может, поймем, что — чужое, что —
наше,
И на время забудем, что мы все игроки...
Камарека, помоги.

Будем петь по ночам любимые песни,
Раздавать друг другу награды из жести,
И забудем, что мы уже почти старики,
Камарека, помоги...

Она мила

Она мила
И молода,
Не вдруг —
Она была такой всегда.
И он бы мог
Спокойно жить,
Если б сумел
Ее не полюбить.
И он пытался ей звонить,
Он сам себя хотел отговорить.
Она в ответ
Ему молчала —

О том, что так она уже устала.
И смотрит он
В пустой экран,
Он вновь читает фантастический роман,
И с легкой грустью на лице
Он знает, чем закончится в конце.

И где-то дождь июньский льет,
И он ее, и он ее, конечно, ждет.
Она летит
Ему навстречу,
И, может быть, и, может быть, еще не вечер.

И смотрит он
В пустой экран,
Он вновь читает фантастический роман,
И с легкой грустью на лице
Он знает, чем закончится в конце.

И смотрит он
В пустой экран,
Он вновь читает фантастический роман,
И с легкой грустью на лице
Он знает, чем закончится в конце.

Она мила...

Черные дыры

Подъем. Надо себя заставить
Снова открыть глаза,
Пока еще в поле роса,
Пока не слышны голоса.
Пора. Пора начинать бросать
Врать, изменять и тупо бухать.
Пружина уже взведена,
Попробуй ее разжать.
Откуда берутся черные дыры
На небе и на потолке?
Все больше свободных мест
В списке званых гостей,
Плохих новостей

У Деда Мороза — целый мешок.
Каждое утро
Одно и то же...
Милые тешатся
Там, за окном.
По телевизору — брань.
Боже, какая дрянь
В голову лезет с утра...

Пора. Конечно, пора
Выметать эту дрянь со двора,
Но там — уже детвора,
А она-то пока ни при чем.

Откуда берутся черные дыры
На небе и на потолке?

Все больше свободных мест
В списке званых гостей,
Плохих новостей
У Деда Мороза — целый мешок.
Каждое утро
Одно и то же...
Плохих новостей
У Деда Мороза — целый мешок.
Каждое утро
Одно и то же...

Шок...

Твоя светлая муза

Не испугай свою светлую музу,
Она так не любит медные трубы,
Она не привыкла к рукам, ласкающим лживо,
К словам, обещающим быстро и много.
Вспомни, откуда она приходила к тебе —
Твоя светлая муза.

Она родилась в маленьком доме,
Где окна смотрели на серые горы,
Синоптики там врали беззлобно —

Они обещали попутного ветра.
Она поверила им, она вошла в твои двери,
Все музы наивны.

Она так любила, когда весеннее солнце
Сквозь ветви еловые падало в воды
Апрельского снега, что с шумом уносит
Всю зимнюю грусть, взамен оставляя
Танцы рук неумелых. Она так любила
смотреть на
Нас, ищущих чуда.

Она приходила в дом вместе с друзьями,
Так странно смотрела на жидкость в стаканах.
Она ревновала, когда ты думал о грешном,
Приняв ее облик, до утра оставалась.

А утром ты, уходя, старался не испугать
Свою светлую музу.

Родная, не плачь

Нет, не так уж плохо все у нас,
Есть еще в душе надежда.
Я еще увижу глубину небесных глаз,
Я еще спою, как прежде:

Родная, не плачь,
Родная, не плачь,
Моя родная, не плачь,
Ты слышишь, родная, не плачь.

А ты помнишь, лес нас прятал в тень,
Долгий век считала нам кукушка.
Это был последний летний день,
Я шепнул тебе на ушко:

Родная, не плачь,
Родная, не плачь,
Моя родная, не плачь,
Ты слышишь, родная, не плачь.

Пели песни под окном коты,
А по радио Боб Марли.
В лунном свете танцевала ты,
Помню, что тогда сказал я:

Будет все у нас хорошо,
Будет все у нас хорошо,
Будет все у нас хорошо,
Будет все у нас хорошо.

Родная, не плачь,
Родная, не плачь,
Моя родная, не плачь,
Ты слышишь, родная, не плачь.

Маленький белый ход

Ты закрываешь окно:
Нет смысла смотреть туда,
Там за окном вода,
Три недели грязь и вода — беда.

Какой-то сезон дождей
В нашем озябшем дворе,
Какой-то, какой-то блюзовый тон
В моей игре, в моей игре.

Тихо стучат в окно
Дождинки — слезы небес,
Мне теперь все равно,
На мокром окне я ставлю крест.

Но как мне тебя забыть,
Но как мне тебя простить,
Как мне оставить в своей душе
Маленький белый ход для любви.

Я ставлю крест
На этом лете и на себе.
Сколько красивых мест без воды
На этой земле.

Какой-то сезон дождей
В нашем озябшем дворе,
Какой-то, какой-то блюзовый тон
В моей игре, в моей игре.

Но как мне тебя забыть,
Но как мне тебя простить,
Как мне оставить в своей душе
Маленький белый ход для любви.

Но как мне тебя забыть,
Но как мне тебя простить,
Как мне оставить в своей душе
Маленький белый ход для любви.

Завяжи мне глаза

Я вижу все, завяжи мне глаза,
Закрой не ладонью, а черной повязкой.
Тебе будет легче со мной во сто крат,
Я буду доверчив, так завяжи мне глаза.

Я буду беспомощен, подставь мне плечо,
Возьми меня за руку, отведи куда хочешь.
Скажи, что я вижу могилу отца,
И я упаду на колени, завяжи мне глаза.

Скажи, что именно здесь рождается свет,
Скажи, что здесь, кроме нас, никого больше нет.
И я буду верен тебе до конца,
Но я вижу все, так завяжи мне глаза.
Завяжи мне глаза.

Ты хочешь, чтоб я видел то, что видишь ты.
Ты хочешь, чтоб я рисовал на асфальте цветы,
Но завтра цветы смоет гроза,
Останется серый асфальт, так завяжи мне глаза.

Завяжи мне глаза. Завяжи мне глаза.

Мы делаем шаг

Ты извини, я не оглянусь.
Не посмотрю тебе в глаза —
В них вечный вопрос,
Я его так боюсь,
Я так боюсь не вернуться назад.

И мы делаем шаг —
Это магия, это гипноз,
Как сошедший с ума альпинист
В сотый раз берет Эверест.
И нельзя не идти,
Как нельзя не дышать,
И ты знаешь все это
Не хуже меня.

А мы уходим,
Зная, что там за спиной
Смотрят нам вслед глаза, полные слез.
И, в общем-то, годы
Нас научили брать с собой
Всю нашу боль,
Тепло нежных рук,
Запах любимых волос.

И эта земля
Уместится в гитарном чехле,
Это странное чувство:
Планета в руках у тебя,
И не дай бог
Гитаре пылиться в дальнем углу:
Нам без нее
Ну просто петля.

Да, мы уходим
Зная, что там за спиной
Смотрят нам вслед глаза, полные слез.
И, в общем-то, годы
Нас научили брать с собой
Всю нашу боль,
Тепло нежных рук,
Запах любимых волос.

Да, мы уходим
Зная, что там за спиной

Смотрят нам вслед глаза, полные слез.
И, в общем-то, годы
Нас научили брать с собой
Всю нашу боль,
Тепло нежных рук,
Запах любимых волос.

Не со мной

Собираю марки от чужих конвертов.
Отпускаю мысли так легко по ветру.
Улетает время тяжелей и дольше,
Я тебя не встречу, не увижу больше.

Не со мной ты, не со мной.
Не со мной ты, не со мной.

Не могу привыкнуть к глупости и фальши,
Ты была так близко, ты теперь все дальше.
Ты вчера ходила на «Агату Кристи»,
Я пинал по скверу золотые листья.

Не со мной ты, не со мной.
Не со мной ты, не со мной.
Не со мной ты, не со мной.
Не со мной ты, не со мной.

Разливал в стаканы я киндзмараули,
И чужие руки резали сулугуни.
Пела она песни, плохие да фальшиво,
В голове стучалось: «без тебя паршиво».

Не со мной ты, не со мной.
Не со мной ты, не со мной.

Твои сны

Я нашел тайный ход в твои сны,
Отсчитал сорок восемь волшебных слов
от края стены,

Может, там за стеной ты меня еще ждешь,
Может, сны это правда, может быть,
чистейшая ложь.

За степным орлом я летел над землей,
В платье светло-голубом ты летела за мной,
Цвета неба глаза излучали покой,
Со степным орлом мы летим над землей.

Я тебе показал холод горной реки,
Мост, Московский вокзал, за окном БГ не спит,
Изучает подробно пирамиды Хеопса чертеж,
Крыши тянутся вверх — звезды падают в рожь.

Вот крестовый поход, плачут девы навзрыд,
Вот нашел свою ноту Дилан, мудрый старик,
Плачут девы, и в тон отвечает струна,
Я забыл имена, если вспомнишь — молчи.

Все хорошо

Утро ты не встречай в слезах одна,
Загодя не готовь слова и чай.

Все хорошо,
Трудно представить, что могло быть и хуже.
Если я не пришел, то нафиг тебе такой я нужен?
Если я не пришел, значит, все хорошо.

Не забудь мне сказать при встрече: «Прощай».
Время лечит — не жди, если можешь не ждать.

Все хорошо,
Трудно представить, что могло быть и хуже.
Если я не пришел,
То нафиг тебе такой я нужен?
Если я не пришел, значит, все хорошо.

В книге жизни ты не прочтешь ни строки
обо мне,
Правды нет наверху, правды нет
и в дешевом вине.

Все хорошо,
Трудно представить, что могло быть и хуже.
Если я не пришел,
То нафиг тебе такой я нужен?
Если я не пришел, значит, все хорошо.

Дорога

Потом я стану дорогой,
Дороге многие рады,
Это немало, это немного,
Это как раз, как раз как надо.

Я могу стать дорогой ровной,
Я могу стать дорогой прекрасной.
Но лучше бы, если дорогой по лесу,
Дорогой по лесу — заснеженной и опасной.

Дорогой для тех, кто знает,
Дорогой для тех, кто может,
Дорогой для тех, кто любит,
Ехать по бездорожью.

Дорогой, что ходят волки,
Голодные собственной волей.
Но лучше все же в конце дорога,
В конце дорога вела нас в чистое поле.

Чтоб громче в болтах был ветер,
Не знающий песни лести,
Чтоб сверху синее небо,
А внизу деревяннный крестик.

Чтобы все-таки ездили люди
За любовью и за цветами.
Чтобы плакали и смеялись,
Чтобы плакали и смеялись,
И долго потом вспоминали.

Потом я стану дорогой,
Дороге многие рады,

Это немало, это немного,
Это как раз, как раз как надо.

Письмо

Сам не знаю, зачем я письмо написал,
Лист сверну в самолет и пущу к небесам.
Пусть летит в вышине, вниз роняя слова,
Если хочешь успеть, загляни туда сам.

Облака строят дом, облака строят сад,
Вот друзья-облака прямо к дому летят.
Вот невинной фатой проплывает любовь,
Вот обида слезой превращается в дождь.

Я пытаюсь поймать ветер, рвущийся вверх,
Ветер сможет поднять этот странный конверт.
На узорчатых крыльях из несказанных слов,
Вот с ладони моей улетает любовь.

И на небе-холсте хватит места вполне,
И она как звезда светит мне в темноте.
Если сможешь прочесть, будет легче понять,
Отчего лишь во сне мы умеем летать?

Я пытаюсь поймать ветер, рвущийся вверх,
Ветер сможет поднять этот странный конверт.
На узорчатых крыльях из несказанных слов,
Вот с ладони моей улетает любовь...

Силы небесные

Силы небесные, так пожалейте же
Бедную нашу страну.
Пусть виноватую, пусть миром клятую,
Но все же такую одну.
Мы слезами горькими плакали,
Мы сыты кровавыми драками.

Силы небесные, пожалейте нашу страну.

Пожалейте берез весенний наряд
И первые в поле цветы.
Пожалейте мальчишек, зеленых солдат
И солдат, что со смертью на ты.
Нецелованных девушек в дальнем селе,
Мужиков, напившихся в дым.
Стариков, что еще коротают свой век.
Имена, что пока мы храним.

Силы небесные, так пожалейте же
Бедную нашу страну.
Пусть виноватую, пусть миром клятую,
Но все же такую одну.
Мы слезами горькими плакали,
Мы сыты кровавыми драками.
Силы небесные, пожалейте нашу страну.

И еще моих дочек и твоих сыновей,
И нестриженный вечно газон,
Пожалейте всех тех, кто не любит меня,
И всех тех, кто в меня влюблен,
Всех, кто делает дело и не просит у неба,
Как я, сочувственных слов.
Пожалейте всех тех, кто пишет стихи,
И всех тех, кто верит в любовь.

Силы небесные, так пожалейте же
Бедную нашу страну.
Пусть виноватую, пусть миром клятую,
Но все же такую одну.
Мы слезами горькими плакали,
Мы сыты кровавыми драками.
Силы небесные, пожалейте нашу страну.

Силы небесные, пожалейте нашу страну.

Религия

Горящий окурок, упавший на снег,
Тянет магнитом закрытая дверь,

Вот кто-то прошел и оставил свой след,
Ласковый ветер теплых морей.

Это религия завтрашних дней.
Ласковый ветер теплых морей.

Дом, приготовленный нами под снос,
Музыка памяти прожитых дней,
Повисший в пространстве наивный вопрос,
Запахи леса осенних полей.

Это религия завтрашних дней.
Запахи леса осенних полей.

Темные лица за мутным стеклом,
Большое корыто для жирных свиней,
Простая синица с подбитым крылом,
Они будут толще, мы будем смелей.

Это религия завтрашних дней.
Они будут толще, мы будем смелей.

Я видел металл

Я видел металл, что плавится в теплых руках.
Я видел, как он принимает форму ладони.
Я видел слова, что застряли у нас на губах.
Как то, что тонуть не должно, уверенно тонет.

Мне снится запах ночных машин.
В них хранится воздух дневного тепла.
И мы можем придумать сотню причин,
Но не станет легче, ведь это только слова.

А слова имеют смысл, когда сказаны в срок,
В последний момент или даже немного
чуть позже.
Мы скажем о главном, перейдя за порог,
Не оставив вам время даже бросить в ответ:
«Я тоже».

Rock'n'Roll — это я

Я люблю слушать современный Rock'n'Roll.
Снова в моде, он бесспорно хорош.
Кажется мне, он много потеряет без таких ребят,
Мы его дети, Rock'n'Roll — это я!!!

Мы играли забвенно, бездарно бренча.
Мы делали много просто так, сгоряча.
Но я люблю те времена бриллиантовых дней,
Когда я был в кругу своих лучших друзей.

Мы брали аккорды, влезая на стол.
И он всем нравился, этот наш Rock'n'Roll.
Но тех, кому он нравился, я давно не встречал.
А тех, с кем я пел, почти потерял.

Я люблю слушать современный Rock'n'Roll.
Он снова в моде, он бесспорно хорош.
Но кажется мне, он много потеряет без таких ребят,
Ведь мы его дети, Rock'n'Roll — это я!!!

Я тебя не нашел (Уже)

Вот и опять снег на дворе,
Вот и зима наступила уже.
Снег на душе, и кажется мне,
Что солнца опять не будет уже.

Вряд ли кому нужен уже
Пылью покрытый портрет на стене.
Пылью покрыта память моя,
Будто прожито тысячу лет.

Старых друзей все меньше уже.
Кто повзрослел, а кто просто ушел.
Природа теряет краски свои,
А я тебя до сих пор не нашел...

Пусть тебе приснится

Сделай так, чтобы это случилось,
Иначе зачем я надеюсь, зачем.
И если тебе это тоже приснилось,
Подай мне сигнал, а затем.

Ночь на природе, и станет темно,
И тени от лунного света начнут спектакль
про любовь.
И тогда попробуй сказать, что тебе все равно,
Тогда попробуй сказать, что этот танец
не греет кровь.

Пусть тебе приснятся реки, в реках
чистая вода,
Эти сны у нас отнять никто не сможет никогда.
Пусть тебе приснится чистая вода,
Эти сны у нас отнять никто не сможет никогда.

Знаешь, мы оба все понимаем, это смешно,
И что у нас есть, кроме любви и огня?
Но если ветер, то жив и огонь, а значит,
станет тепло,
А утром, быть может, кто-то будет сильнее меня.

Он взрывоопасен, этот сон, где я
встречу тебя,
Я — спичка в руках ребенка, будь осторожна
с открытым огнем.
Но если все это над белою тканью
поднимет тебя и меня,
Что делать? Природа всегда права, о том и поем.

Пусть тебе приснятся реки, в реках
чистая вода,
Эти сны у нас отнять никто не сможет никогда.
Пусть тебе приснится чистая вода,
Эти сны у нас отнять никто не сможет никогда.

17 лет

Я вижу, я снова вижу тебя такой.
В дерзкой мини-юбке, что мой покой,
Мой сон превратила шутя
В тебя, я умоляю тебя.

Пусть все будет так, как ты захочешь.
Пусть твои глаза, как прежде, горят.
Я с тобой опять сегодня этой ночью.
Ну а впрочем, следующей ночью,
Если захочешь, я опять у тебя.

Тебе семнадцать, тебе опять семнадцать лет.
Каждый твой день рожденья хочет прибавить,
а я скажу: «Нет».
Твой портрет — твои дети, я расскажу им о том:
«Дети, вашей маме снова 17,
вы просто поверьте, а поймете потом».

Пусть все будет так, как ты захочешь.
Пусть твои глаза, как прежде, горят.
Я с тобой опять сегодня этой ночью.
Ну а впрочем, следующей ночью,
Если захочешь, я опять у тебя.

Вазы в нашем доме, в них редко
бывают цветы.
В мае снова будут тюльпаны, я помню
их так любишь ты.
Я напишу свою лучшую песню, если будет
угодно судьбе.
И первой ее сыграю тебе, конечно тебе.

Антипаровозная

Если в твоем вагоне все давно спят,
А поезд летит запиленным мотивом,—
Можно выйти и покурить,
Можно даже с бутылочкой вчерашнего пива.

Можно начать игру с самим собой,
Чтобы ты увидел по ту сторону стекла,
Как бы поезд не скорый, а тормозной,
Как бы чистые стекла, а за ними весна.

Вот стоят девушки с русыми косами,
Машут нам флагами свободной Кубы.
Вот катит бочку вятский философ,
Философа жена на крыльце красит губы.

Цыгане под Буем раскинули табор,
Цыгане поют популярные песни,
Проводник подошел: «Не стряхивай на пол!»
Я ему говорю: «Глянь, как интересно».

Вот за окном громыхнули салют,
Тыщи огней возвестили народу —
Нынче в Мантурово день тутты-фрутты,
Большой такой праздник, как праздник свободы.

В сумерки нервно кудахтают куры —
Гриль-бар открывают за речкой у почты.
Мужики потянулись к дому культуры —
Там нынче кино про женщин порочных.

На пермском вокзале бродит корова,
Корова ищет первую травку.
Корове плевать на орла-постового,
Орел не получит к зарплате прибавку.

Сержант ругает корову словами,
А поезд мчится все дальше и дальше,
Мы лихо въезжаем на станцию Шаля
Серебряный вождь нам машет руками.

А в общем-то, я не люблю паровозы.

Для меня (Похмельная)

Кончается ночь, ты чувствуешь вакуум,
вакуум нового дня.

Спаси меня, спаси меня, спаси меня —
налей для меня.
Моя перспектива за этой стеной, в комнате
без огня.
Спаси меня, спаси меня, спаси меня —
налей для меня...

Картинки на стенах, мультфильмы
для взрослых,
ночное шоу с сюжетом для тех,
Кто не смог это сделать с ней дважды,
кто слышал ее странный смех.
Но стену можно делить на части,
и завтра узнаешь, что было дальше,
Ведь луна, луна пока еще светит для всех...

Ты своей жизнью можешь легко
останавливать смерть.
Спаси меня, спаси меня, спаси меня —
налей для меня.
Если хочешь проверь! Я вижу кошку
в своих ногах — на нее приятно смотреть,
Но если кошке стать раза в три больше,
это будет совсем другой зверь.

Ты хочешь сделать меня счастливым —
начни конверсию для меня,
Отпусти меня бродить по миру, хотя бы
на год или на два дня.
Я знаю — не можешь. Ведь кто я тебе,
даже не родня.
Но луна еще светит для всех..
Спаси меня — налей для меня. Для меня...

Я заполняю тобой

Ты будешь утренней птицей в белой фате.
Ты будешь мне сестрой во Христе.
Ты будешь строкой на тетрадном листе.
Ты будешь стихом на могильной плите.

Я заполняю тобою свой холст на стене.

Я заполняю тобою все то, что во мне.
Я заполняю тобою свободный эфир.
Я заполняю тобою оставшийся мир.

Ты будешь красным цветком, что плывет
по реке.
Ты будешь бабочкой, что пока не в сачке.
Ты будешь водой в раскаленном песке.
Ты будешь звездой у меня на руке.

Я заполняю тобою свой холст на стене.
Я заполняю тобою все то, что во мне.
Я заполняю тобою свободный эфир.
Я заполняю тобою оставшийся мир.

Вместе теплей

Он приходит к нам, когда уже вечер отпет.
Он привык к темноте, не включает свет.
Бесшумной походкой войдет в эту дверь.
Он ищет здесь то, чего уже нет.

Он ищет здесь свой вчерашний день.
Он берет в руки медный крест и говорит мне:
«Надень!»
Но мы будем нелепы с этим крестом.
И говорю ему мирно: «Оставь его на потом».

Он хочет увидеть в наших глазах ту весну.
Он хочет увидеть любовь и одну,
Одну с нами нить, и корень один.
Но у нас другой ритм, и мы поем другой гимн.

Наш гимн жестче, но, быть может, светлей.
За каждой строчкой мы видим конкретных
людей.

Есть смысл за каждым движеньем руки.
Он знает все это, но приходит к нам вновь.
Наверно, вместе просто немного теплей.

В городе трех революций

В городе трех революций снова на месте
«Аврора».
Ее починили, наверно, в надежде на русский
авось.
Со Спаса снимают леса и красят заборы.
Спьяну блюет уважаемый северный гость.

В городе трех революций вдоль каналов
висят чужие флаги.
Тоскуют по родине жены и дети послов.
В конторе заводят новую пачку ненужной
бумаги.
В «Сайгоне» пьет кофе в отставке пилот косяков.

В городе трех революций вой милицейской
сирены.
Реки все так же с упорством одевают в гранит.
Герои, устав, режут вздутые вены.
Они несут свою кровь.

В городе трех революций стало тесно поэтам.
Одни уезжают, другие уходят, решив, что конец.
В мутную воду опять бросаю монету.
За что же люблю я тебя, трех революций отец.

В городе трех революций вой милицейской
сирены.
Реки все так же с упорством одевают в гранит.
Герои, устав, режут вздутые вены.
Они несут свою кровь.

Крепость

Ты — моя крепость, я камень в кирпичной стене.
У меня на боку написано гнусное слово.
Но это относится только ко мне.
Ты же надежна вполне и к новому штурму
готова.

Ты — мое небо, я облако в этой дали.

Правда, радиоактивен с прошлой субботы.
И теперь я лишний в системе твоей любви,
Но нести облака — это твоя работа.

Ты — вся политика нашей страны.
Я — заявление ТАСС в местном эфире.
Ты — мораторий с одной стороны.
Я — нулевой вариант в нашей квартире.

Ты — свод законов на этой Земле.
Я же параграф или же исключенье.
Но никто не знает ничего обо мне,
Твой закон — любовь, и ты веришь в это ученье.

Ты — моя крепость, я камень в кирпичной стене.
У меня на боку написано гнусное слово.
Но это относится только ко мне.
Ты же надежна вполне и к новому штурму
готова.

Поплачь о нем

Зачем тебе знать, когда он уйдет,
зачем тебе знать, о чем он поет.
Зачем тебе знать то, чего не знает он сам.
Зачем тебе знать, кого он любил,
зачем тебе знать, о чем он просил.
Зачем тебе знать то, о чем он молчит.

Поплачь о нем, пока он живой.
Люби его таким, какой он есть.

На детском рисунке домик с трубой.
Фидель Михаилу машет рукой.
Мы никак не можем привыкнуть жить
без войны.
В космос совместно-валютный полет,
ночью толпа — крестный ход.
Она уже видит себя в роли вдовы.

Поплачь о нем, пока он живой.
Люби его таким, какой он есть.

У тебя к нему есть несколько слов,
у тебя к нему даже, наверно, любовь.
Ты ждешь момента, чтоб отдать ему все.
Холодный мрамор, твои цветы.
Все опускается вниз, и в горле комок.
Эти морщины так портят твое лицо.

Поплачь о нем, пока он живой.
Люби его таким, какой он есть.

Тихое утро, над городом смог,
майская зелень, энцефалит.
Там хорошо, где нас с тобой нет.
Канистра с пивом, при чем здесь вода.
Искусственный белок, при чем здесь народ.
Сегодня умрешь, завтра скажут — поэт.

Поплачь о нем, пока он живой.
Люби его таким, какой он есть.

Мама, она больше не может

Дурная примета — гитара падает из рук.
При ударе гитара издает странный звук.
И он похож, и он похож на траурный стон.
По нам с тобою колокольный звон.

Седина в голову, а бес в ребро.
Казалось бы, не надо, да что-то нашло.
И вот уже, навстречу, под стук колес.
Прошу тебя, молчи, оставь на завтра свой вопрос.

Она еще ребенок, да и он не взрослый.
Она его любит, а он ее бросит,
Но, но это все равно лучше того, о чем пишут.
Это, это все равно лучше того, что я ненавижу!

Мама, она больше не может
Смотреть на хрусталь за пыльным стеклом.
Мама, отпусти ее, и он ей поможет
Остаться моложе и забыть твой дом.

А у нее есть друг, а у друга беда.
От этой бешеной скачки замкнуло провода,
Но остановиться шансов не дано.
Вези меня, кривая, теперь уж все равно.

Дурная примета — гитара падает из рук.
При ударе гитара издает странный звук.
И он похож, и он похож на траурный стон.
По нам с тобою колокольный звон.

Мама, она больше не может
Смотреть на хрусталь за пыльным стеклом.
Мама, отпусти ее, и он ей поможет
Остаться моложе и забыть твой дом.

Не спеши

Не спеши ты нам в спину стрелять,
а это никогда не поздно успеть.
А лучше дай нам дотанцевать, а лучше
дай нам песню допеть.
А лучше дай нам дотанцевать, а лучше
дай нам песню допеть.

Не спеши закрыть нам глаза, а мы
и так любим все темноту,
А по щекам хлещет лоза, возбуждаясь
на наготу.
А по щекам хлещет лоза, возбуждаясь
на наготу.

Не спеши ты нас не любить, а не считай
победы по дням.
Если нам сегодня с тобой не прожить,
то кто же завтра полюбит тебя.
А если нам сегодня с тобой не прожить,
то кто же завтра полюбит тебя.

Не спеши ты нас хоронить, а у нас еще
здесь дела.
Унас дома детей мал-мала, да и просто

Хотелось пожить.
Унас дома детей мал-мала, да и просто
Хотелось пожить.

Не говори никому

А боги уже спускались с небес.
Они погостили средь нас и вернулись обратно.
С ними было легко — вот стакан, вот свеча,
вот подъезд.
Листы с псалмами в крови так похожи
на винные пятна.

А смерть, как всегда, выбирает идти
кого-то из нас.
А смерть, в отличие от нас, знает толк
в любви и в друзьях.
Я с детства запомнил этот странный рассказ.
Я увидел его в твоих заброшенных снах,
В твоих заброшенных снах.

И вот уже кто-то идет за ней в этот храм,
Хотя она никого не зовет за собой.
И так легко и приятно идти по ее стопам.
Не говори никому, об этом будем знать
только мы с тобой.
Не говори никому, будем знать мы с тобой.

А боги уже спускались с небес.
Они погостили средь нас и вернулись обратно.
С ними было легко — вот стакан, вот свеча,
вот подъезд.
Листы с псалмами в крови так похожи
на винные пятна.

Листы с псалмами в крови так похожи.
Не говори никому, будем знать только
мы с тобой.

Псы с городских окраин

Псы с городских окраин — есть такая порода.
С виду обычная стая, их больше от года к году.
У них смышленые морды и, как у нас,
слабые нервы.
Но каждый из них такой гордый
и каждый хочет быть первым.

Они собираются в стаи, еще не зная, что делать.
Может, просто полают, а может, кого-то заденут.
И ушки у них на макушке, ты шепчешь —
они услышат.
Улица — не игрушки, здесь учащенно дышат.

А в этом месте по-другому не прожить.
А в этом месте по-другому не прожить.

И тот случайный прохожий, что вечером
жмется к стенам,
Днем им вряд ли поможет, разве что бритвой
по венам.
И все у них в порядке — есть кобеля, есть суки.
Первые ходят на блядки, вторые рожают
в муках.

А в этом месте по-другому не прожить.
А в этом месте по-другому не прожить.

А те, что становятся старше, незаметно уходят.
Им просто становится страшно, они устают
от погони.
Пускай же тверже мышцы, сомнений
все меньше и меньше,
Движенья становятся резче, поступки
становятся жестче.

А в этом месте по-другому не прожить.
А в этом месте по-другому не прожить.

А по утрам им хочется плакать, да слезы
здесь не в моде.
К черту душевную слякоть — надо держать
породу.
Надо угробить время, чтоб вечером снова
быть в форме.

Взвоет псиное племя, значит снова все в норме.

А в этом месте по-другому не прожить.
А в этом месте по-другому не прожить.

С войны

В твоем парадном темно, резкий запах
привычно бьет в нос. Твой дом был под самой крышей — в нем
немного ближе до звезд.
Ты шел не спеша, возвращаясь с войны,
Со сладким чувством победы, с горьким
чувством вины.

Вот твой дом, но в двери уже новый замок.
Здесь ждали тебя так долго, но ты вернуться
не мог.
И последняя ночь прошла в этом доме в слезах.
И ты опять не пришел, и в дом пробрался страх.

Страх смотрел ей в глаза отражением
в темном стекле.
Страх сказал, что так будет лучше ей и тебе.
Он указал ей на дверь и на новый замок. Он вложил в ее руки ключ и сделал так,
чтоб ты вернуться не мог.

И ты вышел во двор, и ты сел под окном,
как брошенный пес.
И вот чуть-чуть отошел да немного замерз.
И ты понял, что если б спешил, то мог бы
успеть.
Но что уж теперь поделать — ты достал гитару
и начал петь.

И ты вышел во двор, и ты сел под окном,
как брошенный пес.
И вот чуть-чуть отошел да немного замерз.
И ты понял, что если б спешил, то мог бы
успеть.
Но что уж теперь поделать — ты достал гитару

и начал петь.

А соседи шумят — они не могут понять,
когда хочется петь.
Соседи не любят твоих песен, они привыкли
терпеть.
Они привыкли каждый день входить в этот
темный подъезд.
Если есть запрещающий знак, они знают —
где-то рядом объезд.

А ты орал веселую песню с грустным концом.
А на шум пришли мужики, и ты вытянул
спичку — тебе быть гонцом.
Пустая консервная банка, ее наполняли вином.
И вот ты немного согрелся — теперь
бороться со сном.

И тогда ты им все рассказал.
И про то,
как был на войне.
А один из них крикнул: «Врешь, музыкант!» —
и ты прижался к стене.
Ты ударил первый, тебя так учил отец
с ранних лет.
И еще ты успел посмотреть на окно.
В это время она погасила свет.

В твоем парадном темно, резкий запах
привычно бьет в нос.
Твой дом был под самой крышей — в нем
немного ближе до звезд.
Ты шел не спеша, возвращаясь с войны,
Со сладким чувством победы, с горьким
чувством вины.

Никто не услышит (Ой-йо)

От старых друзей весточки нет, грустно.
А на душе от свежих газет пусто.
И от несвежих — невелика потеха.
Правда, вот был армейский дружок — уехал.

Ой-йо, ой-йо, ой-йо.

Запил сосед — у них на фабрике стачка.
С чаем беда — осталась одна пачка.
На кухне записка: «Не жди, останусь у Гали».
По телеку рядятся, как дальше жить,— достали.

Ой-йо, ой-йо, ой-йо.

Скорей бы лед встал. Пошел бы тогда
на рыбалку.
Чего бы поймал — знакомым раздал, не жалко.
Луна появилась и лезет настырно все выше
и выше.
Сейчас со всей мочи завою с тоски — никто
не услышит.

Ой-йо, ой-йо, ой-йо. Никто не услышит.

Ковбои

Время оставило мелочь в кармане.
Все остальное никто не считал.
Кучка ковбоев, танцуя на грани —
Тот, кто не с нами, тот просто устал.
Он не предатель, не жертва идеи,
Ему надоела игра в дурака.
Что кто-то пожал, он просто посеял,
Но отчего-то ждать всходов не стал.

Борт самолета, сиденье трамвая,
Все чаще приходит зима за зимой,
Мы отогреться не успеваем,
И лишь дыханье за нашей спиной,
Нас заставляют делать движенье
В ритме сердец наших коней,
Все это похоже на отраженье
Не нами придуманных наших идей.

Время оставило мелочь в кармане.
Все остальное никто не считал.

Кучка ковбоев, танцуя на грани —
Тот, кто не с нами, тот просто устал.
Он не предатель, не жертва идеи,
Ему надоела игра в дурака.
Что кто-то пожал, он просто посеял,
Но отчего-то ждать всходов не стал.

Всему свое время

Со мной моя нежность, да что с нею делать.
Унять свою гордость — душа б не болела.
Со мной рядом зависть, а с ней моя злоба.
Желанье быть первым, и чтоб высшей пробы.

Выцвела книга, ее не открыли.
Ведь были же крылья, да надломили.
В одной руке бритва, в другой моя смелость,
К вечеру битва, с утра моя серость.

Над крышею небо. Всему свое время.
С тобой твое дело, в тебе моя вера.
Со мной ночью холод, желанье напиться,
Опять чужой голос, усталые лица.

Что такое зима

Яркое солнце за зимним окном
Лживые речи шепчет так часто.
Там за окном -32,
Он не пришел и ты так несчастна.

Он в теплой квартире, закутавшись в плед,
Смотрит по телеку все передачи подряд.
Он придумал себе оправданье, что он стар,
ему 30 лет.
И в данный момент ему наплевать,
что о нем говорят.

Но ты не грусти, есть смысл подождать,
Есть смысл дождаться, когда почернеет снег,

Когда коты на крыше начнут нервно стонать,
Он сам приползет, а ты скажи ему «нет».

А ты скажи ему «нет». А ты скажи ему «нет»
в своем лучшем платье.
А ты скажи ему «нет». А ты скажи ему «нет»
с бокалом вина.
А ты скажи ему «нет». А ты скажи ему «нет»
и тихонько погладь.
И тогда он узнает, что такое зима.
Что такое зима.

Мой блюз

Я знаю, у каждого есть песня, которую он
пишет только для себя,
Иногда она бурлит как вино, иногда она
течет как вода.
Когда мне очень плохо, я не пойду
и не напьюсь.
Я останусь один и спою свой блюз.

Я его не спою никому никогда,
Эти ноты останутся со мной навсегда.

Что за беда заставляет писать нас
грустные песни,
И лишь иногда мы весело поем все вместе.
Нет, я не жмот и не трус.
Хочешь, возьми все себе, оставь мне только
этот блюз.

Я его не спою никому никогда,
Эти ноты останутся со мной навсегда.

И лишь провода в темную ночь мне подпевают.
Ну а когда петь нету сил, я замолкаю.
Ночь на глаза опускает темноты груз.
Я слышу, как кто-то в пустом дворе
фальшиво поет мой блюз.

Ему его не спеть никогда.

Этот блюз останется со мной навсегда.

Я знаю, у каждого есть песня, которую он
пишет только для себя.
Я знаю, у каждого есть песня, которую он
пишет только для себя.

Лучший город Европы

Летней ночью с крыши дома
Я видел внизу светящийся город.
Этот город похож на лучший город Европы.
Я увидел над собою такие же звезды,
Я услышал, как где-то играет гитара.
Я услышал, как кто-то тихо читает стихи.
Ты сказал, что поэзия — это лишь способ
Делать деньги для тех, кто не хочет работать.
Все были довольны тобой, кто-то хлопнул
тебя по плечу.

Хочешь, я подарю тебе эти стихи,
Ты сделаешь деньги и сможешь купить
Две новых черных фуфайки — и будешь
красив.

Я уговорил тебя подняться наверх,
Я уговорил тебя взглянуть вниз, на город.
Ты увидел, что он похож на лучший
город Европы.

Ты увидел над собою светящиеся звезды,
Ты тоже услышал звуки гитары.
Мы оба запомнили эти стихи.

Я был солдатом

Я был солдатом твоего таланта,
Таланта раздавать минуты блаженства,
Но минуты остались минутами,
А я возомнил, что это вечность.

И все стало так, как должно было стать,
И я в стороне, отодвинув запас.
Зачем же я пел про чудо-вечер,
Зачем я пел про преданность глаз.

И из окна, что выходит на север,
Я вижу, как ты обходишь строй новых солдат.
Они смотрят на тебя, как на богиню,
Они ловят каждый твой жест и каждый
твой взгляд.

И кто-нибудь из них всегда будет с тобой,
Но ты все равно будешь одна,
Тебя поймут лишь твои друзья,
Но кто они — потолок и стена.

Потолок и стена, лишь они знают правду,
Как ты жила и как будешь жить.
Они знают всё: они знают, где выход,
Но не умеют, не умеют говорить.

Тогда позволь, скажу тебе я:
Свойство таланта — действие лет.
Сегодня он неотразим,
А завтра — завтра его уже нет.

Я был солдатом твоего таланта,
Таланта раздавать минуты блаженства.

Кот

Я ободранный кот, я повешен шпаной
на заборе,
Я дворовый актер, каждый день в новой роли.
Ну что ж, раз у них такая игра,
Плевать — ведь больно мне было
только вчера, только вчера.

Шершавый забор — не привыкать,
Не видеть тепла, не пить и не жрать,
Веревка на шее — тоже мура,

Прощаю — ведь больно мне было
только вчера, только вчера.

Вон тот мужик, что качал головой,
Еще вчера пинал мне в брюхо ногой,
Сегодня прозрел, что ж, пожалуй, пора,
Прощаю — ведь больно мне было
только вчера, только вчера.

Я ободранный кот, я повешен шпаной
на заборе.

СЛОВА.DOC

На до сих пор пресловутом для многих Западе каждый год выходят книги, которые можно определить одним общим понятием: «In his own words», что дословно переводится как «В его собственных словах». Имеются в виду многочисленные интервью с той или иной звездой, которые публикуются средствами массовой информации.

Интервью — жанр удивительный, порою он говорит о герое намного больше, чем любой высоколобый рассказ, и потому вполне закономерно, что лучшие образцы жанра нашлись и в компьютере Шахрина.

Интервью для газеты «Окно»

Это статья из газеты школьников «Окно». Ее можно привести как пример для многих взрослых журналистов. Мало кто пытается найти эксклюзивную информацию, которая есть только в нашем городе.

В прошлом году школа № 36 торжественно отметила свое 65-летие. Если этот факт более или менее известен учителям и школьникам города, то вряд ли кто знает о том, что гостем праздника стал легендарный В. В. Шахрин, лидер группы *ЧАЙФ*. Может возникнуть вопрос: почему рядовое общеобразовательное учреждение удостоилось такой чести? Ларчик открывается просто: в 1966—76 годах упомянутый музыкант постигал премудрости наук в стенах 36-ой. В день юбилея он подарил родной школе старую аппаратуру группы, честно сообщив, что предполагается покупка новой. Вряд ли мы найдем учебное заведение, которое бы отказалось от таких щедрот! Кто знает, может, в ближайшее время школа № 36 станет меккой для поклонников группы!

И для фанатов *ЧАЙФа*, и для прислушивающихся к нему, возможно, будет интересно узнать о юных годах Владимира Владимировича. Ольга Александровна Бельтюкова, биолог, любимый, как на юбилее признался сам музыкант, учитель, любезно согласилась ответить на мои вопросы.

— Какими прилагательными можно охарактеризовать класс, в котором учился Вова Шахрин?

— Творческий, музыкальный, задорный, добрый, и... непослушный.

— Непослушный?

— Да. Вспоминается случай, когда в начале урока я, войдя в кабинет, увидела следующее: все стулья сдвинуты полукругом в конце комнаты около тумбы с магнитофоном, из динамиков выплескивается рок, а юноши восторженно покачивают головами в такт музыке. Попытка призвать их к изучению биологии оказалась безуспешной. И вдруг — входит директор. Моментально все разлетелись по своим местам и без стульев, на полусогнутых ногах, изобразили примерных учеников: «Продолжайте, Ольга Александровна, мы вас слушаем».

— Был ли Шахрин отличником?

— Раньше комсомольцы давали соцобязательства. Володя пообещал учиться на 3,5. И не подвел, чест- но переполз с тройки на четверку, с четверки на тройку. Но это во взрослой жизни не помешало ему стать Человеком, реализовать себя как в творчестве, так и в личной жизни. Позволю себе предположить, что, наверное, некоторые педагоги «не приметили» Шахрина как достойную внимания личность. Во всяком случае, Алексеева Галина Борисовна, учитель географии, восклицает: «Когда мне перед юбилеем сказали про Шахрина, я даже сразу и не вспомнила, кто это! В классе он ничем особым не выделялся!»

Одно дело разглядывать человека с высоты учительской кафедры, другое — сидеть с ним за одной партой. Светлана Иванова, бывший комсорг класса, поведала мне: «Вообще-то, сначала Владимир хотел стать строителем и даже учился в соответствующем техникуме. Для Музыки и для нас (слушателей) его спасло то, что где-то в классе 8-м был создан ансамбль: Шахрин, Денисов, Лисканок, Халтурин. Если честно, то я не думала, что это всерьез и надолго, и удивилась тому, что наши мальчики вышли на профессиональную сцену».

Так что если человек учится только на тройки, это не значит, что в будущем из него ничего стоящего не выйдет.

Наташа Егорова

Такой, какой он есть

Интервью для «Cosmo-Урал» Марины Залогиной

Владимир Шахрин нашел средство от всегалакти-ческих проблем, знает кое-что о происхождении женщин, разгадал секрет дружбы, построил баню, и ему до сих пор нравится играть на гитаре. Его знают все, его видели и слышали много-много раз, его песни поют не только на концертах, но и на домашних посиделках. Он живет здесь и не собирается переезжать в далекие столицы. И мы давным-давно считаем «своим» человека, который сочиняет хорошую, умную, светлую, веселую и трогательную музыку.

— Володя, род твоих занятий, твоя популярность делают тебя публичным человеком. Ты можешь просто улыбнуться и сделать человека счастливым. А может случиться совсем наоборот. Публичность, она накладывает дополнительную ответственность? Не тяжело ли тебе нести эту ответственность?

— Иногда очень не хочется фотографироваться или отвечать на вопрос, но я понимаю, что своим игнорированием наношу травму, и пересиливаю себя. Мы же приложили столько усилий, чтобы человек нас полюбил! И вот он нас полюбил, а мы вдруг его начинаем обламывать. Но в этих отношениях важно соблюдать какую-то грань и все-таки не допускать панибратства, это очень раздражает. И еще есть проблема. Вот ты постоял, поговорил, сфотографировался, дал автограф. Но еще есть главное желание — выпить с артистом. Это в нашей стране означает уже почти интимные отношения! Народ российский страстно хочет выпить с кумиром. Вот тут бывают, конечно, разочарования для людей, здесь приходится быть жестким. Как говорят, хороших людей много, а печень одна.

— ЧАЙФ у меня ассоциируется с хорошим настроением, оранжевым цветом, настоящим, в моем понимании, рок-н-роллом — веселым и даже залихватским. Жизнь, к сожалению, не всегда похожа на рок-н-ролл. Бывают ли у тебя депрессии?

— Меня от депрессии спасает мой организм. Я закрываюсь, как в скорлупе, чтобы даже дети не замечали. В такие моменты я могу опереться на жену. Она меня не жалеет в такие моменты, не лелеет мою депрессию, а наоборот, начинает чуть-чуть злить,

понимает, что мне нужен внешний раздражитель, который заставит что-то делать. Идеальная таблетка для меня — выехать на природу. Года полтора-два назад очень мерзко себя чувствовал. Сел на велосипед, поехал на Шарташ, лучше не становится никак. Доехал до кузницы Лысякова, захожу, здороваюсь, ни слова не сказал о своем состоянии, а он вдруг начинает рассказывать мне о том, что с людьми происходит в моем возрасте, что происходит в отношениях старых друзей, то есть он начинает говорить о моих проблемах! А потом говорит, вот, нужно гвоздь выковать. Давай! Показывает мне что как делать... И я вернулся домой через полтора часа: улыбка до ушей, на велосипеде, с этим гвоздем... Дома семья переживает, а я вернулся другим человеком. Хотя уезжал, думал, у меня такая огромная проблема! Всегалактическая! А решением оказался гвоздь.

— Баня, которую ты сам построил, тоже решение чего-то? Почему ты занимаешься несвойственными музыканту занятиями? Руки же беречь надо?

— Знаешь, я подсознательно понимаю, что артист — не совсем мужская профессия. Не главное предназначение мужчины планеты Земля развлекать кого-то. Мне хочется оставаться мужчиной и чувствовать себя как мужчина. Поэтому иногда мне важны вещи, когда я могу самореализовываться как мужчина, и баня из этой же серии. Для меня это важно. Я же мужик! И вот это ощущение требует подтверждения через какие-то периоды времени.

— Я вспоминаю, ты говорил, что происхождение женщины — инопланетное...

— ...и не изменил своего мнения.

— У тебя полон дом инопланетянок вплоть до собаки. Как ты с ними уживаешься?!?

— У женщины как у вида, появившегося на планете Земля,— инопланетное начало. Когда Дарвин говорил про обезьянок, я думаю, что он был прав только отчасти. Мужик, конечно, произошел от обезьяны, это понятно. Но дальше произошло непонятное: вмешательство какого-то разума из другого измерения, который для этой вот волосатой мартышки создал Женщину. И находиться с ними рядом, жить с ними, любить их —

интересно. В этом очень много непредсказуемости, много экспромта и приятных неожиданностей.

— У тебя две дочки. Как тебя изменило отцовство? Ты помнишь самое начало этого процесса?

— Девочки родились не в самый лучший период моей жизни как личности: мы пытались реализоваться как музыканты, у меня не все получалось, я очень много уделял внимания своему делу… Рождение дочек для меня, конечно, было событием. Но только сейчас, может быть, пытаюсь наверстать то, что упустил в самом начале. Сейчас ощущения отцовства я испытываю гораздо больше, чем тогда, бывает, трепетно, до слез. Понимаю, что я такой достаточно чувствительный, лиричный и романтичный человек именно из-за того, что у меня четыре женщины в доме. Смотрю на них, на то, что происходит в их жизни, и меня это трогает до какой-то неприличной точки сентиментальности.

— Что особенно трогательного запомнилось из недавнего?

— Помню, решил отдать свою старую машину старшей дочери. Поехали забирать ее из небольшого ремонта вместе на моей машине, а обратно дочь первый раз садится за руль и едет. Я — впереди и в зеркало заднего вида вижу ее огромные от испуга глаза, напряженные руки, но еще я вижу свою дочь, которая едет на машине сама, в первый раз. Я еду за рулем, и у меня прямо катятся такие горючие слезы необыкновенного счастья, мне так безумно приятно было видеть это. Младшая дочь более сдержанная на какие-то внешние эмоции, в отличие от старшей, какого-то сюсюканья по отношению ко мне как к отцу у нее нет, она знает, чего она хочет, практически всегда знает, как этого добиться. После какого-то концерта она заходит в гримерку, обнимает меня и на ухо мне говорит, папочка, я так тобой горжусь! И в общем, всё, я рыдаю. От счастья.

— Твоей семье уже больше двадцати лет, и группе вот-вот исполнится двадцать. В чем твой секрет общения? Как не надоесть друг другу, постоянно находясь рядом?

— Я думаю, что важно максимальную степень свободы давать всем членам семьи, тогда можно рассчитывать, что и семья к тебе будет так же относиться. Я думаю, что не стоит совсем все делать под собственный вкус, нужно понимать, что все члены семьи — личности, прислушиваться к их мнению и взглядам. Но на самом деле, если сказать по-человечески, все гораздо проще. Нужно

любить друг друга. Если есть любовь... Мы в группе любим друг друга, хотя и ругаемся. И в семье, что бы там ни происходило, мы любим друг друга. Есть любовь — есть жизнь.

— Я помню, вы выступали в Таджикистане перед молодыми мальчишками, которые там воевали, когда ты заплакал там, Вова (Бегунов) так бережно тронул тебя за плечо, на марафоне «Sostpадание» было то же...

— Бывает, наступает момент, понимаешь, никаких слов нет. Но есть рядом с тобой друг, которому слов не надо, чтобы поддержать.

— Наверное, люди часто обращаются к тебе за советами. Скажи, после страшных терактов как жить, что делать?

— Я думаю, может быть, самое хорошее и правильное, что мы не знаем что делать. Если бы знали что делать, то все в этом мире было бы совсем по-другому. Поэтому я очень боюсь людей, которые «знают как надо». За себя можно понять: я знаю, как мне записать следующий альбом, как построить баню. Но когда находятся люди, которые начинают говорить «я знаю, как вам всем надо», мне становится не по себе. Каждый должен для себя решить, как жить дальше. Кто-то начинает абстрагироваться, кому-то нужно пойти на митинг, каждый решит сам.

— А ты что будешь делать?

— Я для себя решил, что наша задача — попытаться восстановить баланс между добром и злом. Между любовью и ненавистью. Наша задача на наших концертах — дать как можно больше любви, как можно больше добра. Сейчас не время петь злобные песни.

— В твоем же рассказе столько любви и трогательных моментов... Определение «рок-музыкант», мне кажется, подразумевает больше резкости, чем нежности, какого-то хулиганства, или это стереотип?

— Одно другого не исключает. Я никогда не был паинькой и не стану, скорее всего, им. Сейчас хулиганство — это экспромт. Это происходит и в семье, и внутри группы у нас много наездов и ироничного отношения друг к другу. Хулиганим частенько, бывает очень забавно и доставляет удовольствие.

— Екатеринбург — твой родной город, город, в котором ты продолжаешь жить, и выбор этот сознательный. Что есть в нем, чего нет в других городах?

— Для меня в нем есть то, что знаю только я и не знают другие. Есть места, вещи, которые я знаю, а другие — нет. Я знаю, как пройти наискосок, как проехать. Ни в Новосибирске, ни в Питере я ничего не могу посоветовать водителю, а свой город я чувствую. Он — мой. В этом городе главное, что он — мой. В остальных городах я турист!

— А за чем ты ездишь в другие страны?

— В первую очередь, если честно, чтобы немножко разнообразить жизнь своей супруги. Я так много езжу, что я бы с удовольствием повалялся на диване. Я люблю стул или диван, которые никуда не едут. Но я понимаю, что она в основном дома и быт ее немножко заедает. Поэтому для нее это некая отдушина — уехать на неделю куда-то, не покупать продукты, не мыть посуду, не видеть одни и те же стены, побыть со мной... Во-вторых, я стараюсь ездить в места, где интересно. Путешествия — одно из самых приятных и понятных вложений средств.

— На что еще не жалко денег?

— С удовольствием трачу на подарки, на приятные людям вещи. Не жалко деньги тратить на разумную благотворительность, когда ты понимаешь, что вот сейчас конкретным людям сделал благо, им стало немного лучше, немного легче. И очень приятно деньги тратить на собственные игрушки. Двенадцать гитар для работы мне не надо, я прекрасно понимаю это! Хватило бы и двух. Было время, когда я обходился одной. Но это — мои любимые игрушки. Очень приятно тратить деньги на любые вещи, которые заставляют улыбаться твою любимую женщину. Для мужчины, по-моему, это наслаждение близко к сексуальному, понимать, что она счастлива и ты имеешь отношение к её счастливым глазам.

— А для родителей ты уже сделал все, что хотел?

— Стараюсь сделать максимально много. Они люди той еще формации, которые не умеют принимать, начинают дико комплексовать, извиняться, говорить «зачем ты тратишь на нас столько сил и денег, да нам не надо, мы можем обойтись и без

этого»... Но я думаю, что самое главное, что я мог сделать для них,— состоялся как личность, как человек. Ты занимался его воспитанием, и из него что-то получилось, он кем-то стал. Наверное, ничего более важного для родителей нет.

— Слышала твою шутку: «Я обманул свою жену, она выходила замуж: за строителя, а стала женой музыканта». Не протестовали близкие, когда ты уходил со стабильно оплачиваемой работы в неизвестную гастрольную жизнь?

— Были ситуации, в которых другие матери и отцы напряглись бы, а мои переносили все спокойно, за что я им очень благодарен. Ни разу я от них упреков не слышал. Жене, наверное, до сих пор нравится не все и не всегда. Но она достаточно мужественно перенесла поворот от стройки к музыке. Мужик, если он хочет остаться мужиком, должен заниматься своим делом. Моя жена это поняла и не сопротивлялась, когда я решил создать группу.

— Значит, все-таки работа — главное?

— Мужчина придумывает себе войну, кто-то буквально это понимает и едет в Чечню наемником. Кто-то придумывает себе дело, путь. Когда начинаешь одерживать победы на своем пути, это и дает ощущение, что ты — воин. Потому что мужчина в состоянии поражения — это неприятно. Насколько серьезно он это поражение расценивает, насколько быстро накопит сил для нового боя, для другой победы — у каждого по-разному. А за ощущением победы приходит ощущение достоинства. Не в пафосном, а в обычном смысле слова. А когда человек к себе относится достойно, он и к окружающему миру становится добрее.

— В песнях ЧАЙФа*всегда доминировал лирический момент...*

— Да, я думаю, что у нас все больше и больше становится именно лирики, и у меня пишется именно лирика. Меня за это критикуют, но мне это кажется интересней. Когда это получается естественно, то это вполне нормально, это же часть жизни. Мы для себя давно решили — отличием группы ЧАЙФ всегда было то, что ЧАЙФ — натуральный, естественный продукт. Вот какие есть — такие и есть. Мы никогда и не собирались придумывать себе концепций на следующий год, как мы дальше будем развиваться. Как сорняки растем.

— Рок-н-ролл для тебя работа или прикол, как спел твой коллега по цеху Константин Кинчев?

— До сих пор каждый день бренчу дома на гитаре, и мне это нравится. Песни пишу не потому, что нам нужно выпустить альбом. Бывает, приходится заставить себя собрать вещи, ехать в аэропорт и лететь на гастроли. В такие моменты понимаю, что быть музыкантом — это тяжелый труд. Но делаешь шаг на сцену — об этом забываешь. Сцена доставляет мне удовольствие. Иногда тяжело — из самолета в самолет, каждый день другой город, иногда изматывает запись в студии. А концерт — вышел на сцену и отыграл два часа — это в радость.

— Скажи, а ты… не зря живешь? И если не зря, то как ты это понял?..

— Когда подходят люди, говорят, что именно эта песня им помогла, что именно с ней у них связано что-то особенное в их жизни, когда видишь залы, хором поющие твои слова, объединенные тем, что мы называем оранжевым настроением… Я думаю, это многого стоит. Я не знаю, правильно ли я живу, но у меня есть уверенность, что не зря эту землю топчу. И главное, есть ощущение, что еще мы можем сделать немало.

— Ты начинал свой трудовой путь на строительной площадке. Кем бы сейчас был, если б остался там?

— Наверное, я бы уже не работал монтажником домостроительного комбината. Играть в простого парня мне бы все-таки надоело. Может быть, я занимался бы строительством в более частной конторе и в немножко другом амплуа. Но мы говорим о случае, если бы вообще не было группы *ЧАЙФ*. Если же представить, что сейчас вдруг не станет группы ЧАЙФ, я уже вряд ли вернусь к строительству, наверняка это уже будет работа так или иначе связанная с шоу-бизнесом.

— А что, подстраховочного, скажем так, дела ни у кого из вас нет? Магазина бытовой техники или парочки ресторанов «В гостях у ЧАЙФа*»? Или… линии по производству косметики «Красота от* ЧАЙФа*», например?.. Здесь или в каком-нибудь другом городе страны?*

— Наверное, мы бы могли открыть какой-то клуб или кафе.

Мы иногда мечтаем об этом, придумываем, как это могло бы быть. Но жизненный опыт в нашей стране показывает, чтобы твое дело было таким, как ты хочешь, необходимо твое личное присутствие, а сейчас наше основное дело — это ЧАЙФ. И потом... Мы так бережно и так непросто вынашивали наше имя, что не хочется сейчас делать из этого бренд, подразумевающий еще что-нибудь, кроме музыки.

«Cosmopolitan-Урал», # 1—2/2005

Интервью для Zvuki.ru

Еще одного участника исторического концерта, состоявшегося 16 мая 1992 гада во Дворце спорта «Крылья Советов», довольно тяжело выловить для беседы. В первую очередь потому, что живет он далеко от обеих столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, хоть и нередко в них появляется с концертами, ну, а во-вторых, потому что концерты эти проходят и во многих других городах. Вот и сейчас удалось перехватить лидера самого заслуженного уральского коллектива в «Шереметьево» буквально в перерыве между самолетами, один из которых доставил группу *ЧАЙФ* из Минска, а другой должен был вернуть их в родной Екатеринбург. Итак, на сей раз своими воспоминаниями о проекте «Все это рок-н-ролл» и взглядами на сегодняшнюю ситуацию в рок-музыке делится *ЧАЙФовский* лидер Владимир Шахрин:

В. Ш.: Это был такой момент, когда мы достаточно «плотно» познакомились с Гариком Сукачевым, с *Бригадой С*, у нас было несколько концертов совместных, поэтому нашли общий язык и замечательно проводили время. Когда Гарик начал писать альбом «Все это рок-н-ролл», из которого, собственно, «ноги растут» у этого концерта, то он решил сделать одну нашу песню — «Поплачь о нем» — так что вначале была работа в студии, на записи альбома. И вот, когда он пригласил меня в студию, чтобы спеть второй голос, и я услышал фонограмму, я впал в легкий ужас! Я ему сказал: «Как же так, Гарик? Что же ты наделал? Почему «дудки трубят, флаги поднимаются, барабаны бьют»? Военный парад надо принимать под эту песню! Это же была тихая баллада!» А он мне: «Ты ничего не понимаешь — это гимн, самый настоящий! Он должен звучать именно так! А ты в своих песнях ни хрена не понимаешь!» Я не согласился, но он меня своим авторитетом задавил и убедил, что такая версия прочтения этой песни тоже имеет право на существование.

Естественно, когда был концерт, я был приглашен как участник этого альбома, поскольку это была как раз его презентация. Я могу сказать, что запомнилась какая-то удивительно теплая атмосфера этого концерта. Я не очень хорошо помню сам концерт, не помню даже, в какой гримеркс был — ощущение такое, что была одна гигантская гримерка на всех, в которой все и тусовались. Совершенно точно помню, что это был день рождения Шевчука, и мы все бегали — я, Димка Гройсман, Гарик, еще кто-то был — выбирали ему подарок, и нам казалось, что ему тогда нужна была очень серьезная поддержка. Мы нашли

в антикварном магазине икону, проконсультировались, чтобы это все было уместно, и вот эту икону ему и подарили на день рождения от всех нас — тогда реально все скидывались деньгами на этот подарок. Мне это запомнилось хорошо, как мы все вместе бегали, искали... такая забота друг о друге удивительная!

Когда же мы вышли на сцену играть песню в этом варианте, то она мне даже понравилась, и я понял, что в такой праздничной, приподнятой и светлой обстановке именно эта трактовка попадает «в жилу»! С тех пор мы изменили аранжировку и играем ее очень близко к тому звучанию, что было придумано на пластинке «Все это рок-н-ролл».

— А сама песня «Все это рок-н-ролл»?

В. Ш.: Это очень смешно было! Когда записывались на студии — это уже было роскошно, потому что столько людей собралось, и звук был отличный, здорово! Но самое интересное было на съемках клипа...

— Ты там в кадре в основном с Джоанной Стингрей...

В. Ш.: Ну, не знаю, так получилось — видимо, она нашла наиболее трезвого человека (*смеется*). Сама она человек непьющий и, видимо, меньше всего подвоха ожидала от меня, прицепилась и держалась!

Была придумана идея, что мы едем в какой-то порт, на песчаные отвалы, и будем по ним, как «генералы песчаных карьеров», ходить и петь! (*улыбается*). Часа два всех собирали... ну, а когда собирается вместе такое количество музыкантов, то, естественно, кто-нибудь обязательно произнесет «роковую» фразу: «Ну, что? Может, понемногу?..» А период тогда был пьянства достаточно активного, никто еще о своем здоровье серьезно не задумывался... В автобусе начали выпивать, приехали в порт — набежали тучи и пошел дождь! Снимать было абсолютно невозможно, и решили переждать, когда дождь кончится. Ждали часа два в автобусе — за эти два часа сбегали еще раз пять, наверное! Те, кто за эту съемку отвечал, уже не помню, начали впадать в тихую панику, потому что было ясно, что каждые 15 минут отдаляют нас от конечного результата в беспросветную даль! Закончить становилось все нереальнее, потому что люди уже совсем расклеивались. Тогда моментально позвонили на какую-то студию документальных или научно-популярных фильмов и срочно решили снимать в павильоне. Приехали в этот павильон, там обнаружили какие-то декорации — часы, стена

кирпичная, что-то еще — заплатили кому-то денег и внедрились в эту абсолютно чужую декорацию (*смеется*). Мы еще посидели в буфете этого «научфильма», помню, что Шатл (Андрей Шаталин) хвастался новой гитарой, полуакустической, а Костя брал ее и показывал новую песню, по-моему, «Дурень».... И когда сказали, что нужно выходить на съемку, то народ-то был очень пьяненький, и фразы свои уже с трудом вспоминали! Но вот это ощущение — «плечом к плечу» — оно в кадре, безусловно, есть!

— Все, с кем я разговаривала, сказали, что это был последний подобный концерт, завершивший некий этап в развитии русского рока.

В. Ш.: Ну да. Заканчивалась эра, что называется, «советского рока», и началось время «шоу-бизнеса». В этом есть что-то хорошее и что-то плохое, но времена, безусловно, изменились примерно с того времени. Пожалуй, действительно, с 93-го года уже начались какие-то контракты со студиями звукозаписи, появились райдеры, концертные туры, еще что-то. Да, наверное, это была какая-то завершающая точка. Все уже были готовы к тому, что неизбежно нас ждет «шоу-бизнес», и никуда от этого не деться.

Я до сих пор не верю, когда кто-то говорит, что не занимается шоу-бизнесом, потому что все люди записываются на студиях, значит, находят деньги на эту запись, рассчитывают на то, что потом эту запись можно куда-то пристроить, надеются, что альбом будет продаваться, и продаваться хорошо,— и в этом ничего плохого нет! Безусловно, есть о чем пожалеть в тех временах, но есть вещи, о которых жалеть не стоит, и то, что произошло за эти годы, изменило что-то в нашей жизни к лучшему, так или иначе. Во всяком случае, у нас в группе, примерно с того периода — 92-й, 93-й год,— появилось какое-то ощущение ответственности за тех, кто с тобой стоит рядом на сцене, за то, что у всех есть семьи, дети, помимо того, что мы просто играем на гитарах. У нас есть родители, которые вдруг уже стали старыми, и им нужно помогать, у нас есть дети, которых нужно поднимать, воспитывать... Поэтому меня слово «шоу-бизнес» не пугает!

— Может, поэтому в последнее время везде так часто звучат упреки в ваш адрес, ведь уже просто стало дурным тоном не поругать ЧАЙФ? Не обидно самим это слушать?

В. Ш.: Обидно не всегда. Бывает, когда ты точно понимаешь,

почему это происходит — когда у журналиста такой имидж, и если он напишет хорошую статью, то ее не напечатают просто! Обидно, когда ты получаешь с той стороны, откуда не ждешь абсолютно, и при этом незаслуженно.

— Все чаще звучит фраза, мол, ЧАЙФ*«опопсел»...*

В. Ш.: Пожалуйста, я готов обсуждать наши песни! Да, они стали более лиричными, но мы до сих пор не написали ни одной песни типа «а вот сейчас в этом популярном ритме, а вот на эту тему популярную...» Мы перед собой абсолютно честны! Мы до сих пор играем и пишем то, что нам нравится! Мы играем только в тех концертах, где мы хотим играть! И если нам в этом году не хотелось играть на «Максидроме» и на «Нашествии», то мы и не будем! А если в прошлом году хотелось, то мы это и сделали. Если хочется сыграть в госпитале для ветеранов войн, то мы играем там, а если хочется у своих друзей на фирме по продаже компьютеров на какой-нибудь вечеринке по поводу 23 февраля, то почему нет? Тут у нас никаких противоречий с собой нет.

Если люди со стороны знают какие-то критерии «попсовости и непопсовости», «правильности и неправильности», то мне их искренне жаль, потому что, когда мы эту музыку начали играть в школе, взяли в руки гитары, то у этой музыки не было правил, можно было делать как тебе хочется. Эта штука под названием «рок-н-ролл» делает тебя более свободным, эта музыка и есть наша свобода! Когда нас пытаются сейчас загнать опять в какие-то рамки, опять, как в школе, говорить: «это хорошо, это нехорошо, вот так не одевайся, вот так не говори, и с этой компанией не водись»,— мне хочется сразу сказать: «Идите в жопу, господа учителя!» Мы играли на танцах в 75-м, 78-м году, и нам нравилось, что люди приходили танцевать. Хотя, по нынешним меркам, танцы — это «попсовое» занятие. Странно — люди приходят танцевать, снимать девчонок, тискаться по углам, выключать свет — что тут такого плохого? (*смеется*). Вообще, для меня «попсовость» — это когда некачественно сделано, это халтура! Пока в отношении нас я вижу только голословные обвинения в халтуре и «попсовости», а примеров — нет!

— Очень много претензий было по поводу вашего появления в «Телемагазине».

В. Ш.: На мой взгляд, это был абсолютно гениальный ход, а люди напряглись от того, что им самим это в голову не пришло! Мы записали абсолютно некоммерческий альбом «Оранжевое

настроение — IV», где нет ни одного хита. Ни одной песни не взяли на радио, «саунд» там совсем не такой, какой нужен сейчас, мы не снимали клипов — ничего! Но в то же время пластинка была сделана, и нам хотелось представить ее на рынке. И была придумана такая штука, когда в телевизоре появляемся мы и рекламируем свой собственный альбом! Не «дольчики», не «прокладки» — свою работу! Мы говорили людям о том, что у нас появилась новая пластинка. А как иначе им сообщить об этом? Мы понимали, что снимать клип на это дело — абсолютно глупо, пустая трата денег — там нет шлягера! И Дима (Гройсман) придумал этот гениальный ход, подписал на три месяца договор с «Телемагазином», где мы появлялись на экране и говорили: «У нас вышла пластинка. Заказывайте ее, покупайте...» Замечательно! Три месяца закончились, и кто не хотел через «Телемагазин», покупает ее в обычных магазинах, на наших концертах, но они знают о том, что она есть! Я считаю, что мы этот некоммерческий альбом умудрились так отрекламировать, так его «сделать», что три месяца — февраль, март, апрель — мы с программой «Оранжевое настроение» проехали 40 городов, без единого клипа, без единой песни на радио! С таким вот некоммерческим, «домашним», «камерным» альбомом, со старыми песнями. Черт побери! Но для этого мы альбом и записывали, чтобы пластинка продалась, чтобы песни можно было играть на концертах. А что тут лукавить, для чего иначе?

— Ты упомянул про 40 городов. Вы сейчас, наверное, одна из самых гастролирующих групп, не тяжело? Ведь вам уже далеко не 25—30 лет?

В. Ш.: Если б не дорога... Сами-то концерты мне доставляют огромное удовольствие, я люблю это! В город приехали, час занимает настройка «до», концерт два — два с половиной часа, сборы «после» — четыре-пять часов. Остальное — это все дорога. Мы вот сейчас были в трех городах Белоруссии, а у меня ощущение, что я неделю из автобуса не выходил! Сплошной переезд, и это достаточно тяжело, но концерты компенсируют потом все. И я не скажу, что у нас был какой-то «чес». Я сказал «40 концертов», но это же за несколько месяцев, это были туры! Сейчас, летом, мы будет играть меньше, будем больше давать себе отдыхать, больше проводить время с семьей, с детьми, с родителями, помогать им на даче, в огороде...

— А не надоедает играть одни и те же песни?

В. Ш.: Мне, честно говоря, нет! У нас песен много, и когда я чувствую, что мне не хочется сегодня исполнять какую-то песню, мы ее и не поем. Что же касается каких-то новых программ постоянно, то наше глубокое убеждение в том, что, выходя на сцену — ну, мы так научились с нашего первого выхода на сцену — нужно в первую очередь доставить удовольствие зрителю. Главное, это они — вот наше убеждение! Ставишь себя на их место просто. Вот, скажем, пришел я на концерт *RollingStones*, а они не сыграли «Satisfaction» или «Angie» — песни, которые они 40 лет играют — я бы почувствовал себя оскорбленным! Поэтому мы стараемся найти такой разумный компромисс между тем, что нам хочется сыграть, и тем, что хочет услышать публика.

Мы никогда не делали концептуально программы из одних новых песен — мне кажется, это неправильно, это не место для экспериментов. Вот вышел у нас новый альбом «Оранжевое настроение — IV», мы берем 6—7 новых для публики песен, а остальные 20 — это greatest hits. Вот я читал в одном интервью Юрия Юлиановича, что, мол, мы пишем «новая программа», а играем все старое. Мы слова «новая программа» никогда не пишем на афишах! Для нас это нонсенс, для нас нет такого понятия! Может быть вывеска, допустим, «Время не ждет» — и понятно, что это концерт в поддержку нового альбома. Или написано «Программа "Оранжевое настроение — IV" — значит, мы больше говорим об этом альбоме и играем больше песен с этого альбома. Но мы все равно будем играть остальные, и это наше право делать концерты так, как мы этого хотим! Мы вот недавно ходили на концерт *DeepPurple*, и я уверяю, что чем меньше бы они сыграли новых песен, тем довольнее была бы публика! Если бы они не сыграли это пресловутое «Пам-пам-пам, пам-пам-пабам» (*напевает проигрыш из «Smokeonthewater»*), то люди бы разнесли кассу просто, с воплями, что их обманули! Зачем обманывать зрителя? Ты артист, ты выходишь на сцену, люди собрались, и ты должен их радовать!

Это не должно быть серьезно! Рок-н-ролл ведь изначально был очень веселой, позитивной, развлекательной музыкой! Чак Берри, Элвис Пресли ранний, Билл Хейли, ранние *Битлз* — это все очень светлая музыка. Потом уже, когда в конце 70-х появились несколько таких «смурят» — и хорошо, что появились! — она стала более разной. Появился Джим Моррисон, Джимми Хендрикс, еще кто-то — замечательно, они обогатили музыку! Зачем ее теперь снова обеднять, делая ее только «смурной»? Пусть она будет разная! Пусть у нас будет *Гражданская оборона*, и пусть будет группа *ЧАЙФ*, пусть будет группа Браво и пусть будет

ансамбль ДЦТ — замечательно! Пусть у нас будут молодые — *Мумий Тролль*, Земфира, что угодно — отлично, есть выбор! Свобода — это право выбора, и не надо людей лишать этого права!

— Скажи, а почему вы никогда не пытались на своих концертах сделать настоящего шоу, как ДДТ*или Гарик?*

В. Ш.: Для нас это сложно, потому что у нас очень много импровизаций на концерте. Мы с Вовкой «отталкиваемся» друг от друга — от реплик, от фраз, а если делать «театрализованность», то нужно точно привязываться к какому-то сценарию, знать, что в какой-то момент ты должен появиться в определенном месте, потому что вспыхнет свет, и ты должен сделать «вау!» именно в этом месте. А мы можем позволить себе песни менять во время выступления, уходить, одеться так или иначе — в этом есть некоторое здоровое «расп...яйство», которое должно оставаться, на наш взгляд.

Не хочется нам совсем серьезными становиться! Безумно не хочется стареть, даже «взрослеть» не хочется, по большому счету! Если честно, то я себя ощущаю на 27—29 лет. Мне кажется, что я остановился на этом возрасте, меня он устраивает, в принципе, я себя комфортно чувствую. Конечно, бывают моменты, когда я начинаю задумываться, сколько мне на самом деле и как должен себя вести человек, которому пошел уже пятый десяток лет... Я от себя эти мысли гоню, как «бесовские», потому что, что значит «должен»? Да ни фига я ничего не должен! Есть, безусловно, какое-то чувство ответственности за близких, как я уже говорил, но, что касается музыки,— вот тут, слава Богу, никто никому ничего не должен.

Для меня вообще ключевой фразой стало... Когда мы были на студии на Abbey Road и начали у тамошнего главного звукорежиссера спрашивать, а как вот правильно гитару писать, как барабаны, то-се, а он на все давал один ответ: «Законов нет! Никаких правил нет!» И он нам говорил, что их студия хороша тем, что они могут выполнить любую прихоть артиста, все, что он придумает. А вовсе не потому, что они знают, как можно правильно записывать гитару. Никто этого не может знать! И про песню никто не может сказать, какая она должна быть! Какая угодно! Вот почему сейчас такой феномен *Короля и Шута*? Ведь вроде все у них неправильно, а людям нравится! Я не понимаю! Я ходил недавно на концерт *АукцЫона* и полтора часа получал полный кайф от того, что я не понимаю, как это сделано. Потому что я бы это делал совершенно по-другому! И если бы я начал это

делать так же, то у меня бы это превратилось в какофонию, в нагромождение звуков, а у них это в последний момент превращается в музыку. И энергетика у них совершенно другая! И у меня восторг от того, что они совершенно другие. Когда я понимаю, как что-то сделано, то мне становится немножко скучновато. Вот, наверное, в этом и есть ответ, если вернуться к теме «попса»... Когда ты понимаешь, какой программой в компьютере это сделано, как эти стишки написаны, как этот ритм подбирался, откуда они «луп» «дунули», откуда имидж «слепили», как клип сделали — все ясно и понятно! Это неинтересно.

Если же возвращаться к тому концерту 92-го года, то, может быть, то братство «стаей» не стало, «стая» развалилась, к сожалению, но зато мы все стали более индивидуальны. Я думаю, что мы стали ярче и интереснее, каждый по отдельности.

— А смогли бы вы сейчас опять собраться все вместе под этим лозунгом «Все это рок-н-ролл»?

В. Ш.: Вот пока ты произносила первую часть вопроса, я готов был сказать «да!». Но «Все это рок-н-ролл» — нет! Должна немножко другая идея быть. Но другая не потому, что — типа «слабо, вам, Вольдемар, в фонтан нырнуть?» — Нет, не слабо! А потому, что ради этой идеи, действительно, стоило бы собраться. Не просто, чтобы доказать кому-то, что мы можем — на фиг доказывать? Ну да, мы стали разные, мы стали более индивидуалисты... Хотя я обожаю общаться с Сашкой Скляром, он замечательный, мне нравится проводить время с Гариком, интересно смотреть на него на сцене — да кого ни скажи!

Мне кажется, что все стало гораздо более самобытно. Поэтому и трудно стало все это «склеить». Мы такие разные, что «склеить» это все вывеской «Все это рок-н-ролл» уже сложнее, нужна другая идея. Это то же самое, что меня спрашивают про «Рок чистой воды» — была отличная идея, клевая, мы проводили время замечательно, но сама идея себя изжила уже. И если сейчас придумать какую-то новую штуку, то все можно легко реанимировать и под эти «знамена» всех снова собрать. Надо только, чтоб это было интересно!

Алена, www.zvuki.ru

Студия. Рабочий момент

Вечный Рим

С уличным музыкантом в том Бадене, который в Австрии

«Старый Новый Рок». А.Ф. Скляр, Дед Отмороз, Миша Козырев и Заяц — Шаловливый Палец

С *Би-2*

«Зимняя акустика», на сцене музыканты и поклонники

Официальное открытие футбольного сезона 2006 года, Санкт-Петербург

Во владивостокском аэропорту, виски с Хабенским

С Андреем Макаревичем

С нашей любимой «няней», Анастасией Заворотнюк

Красноярск, бар «Чемодан», после концерта. Артист и директор (с Ильей Спириным)

ЧАЙФ на фоне боевых кораблей

Красноярск, бар «Че Гевара», планы на Европу

В Амстердаме

Аргентина празднует. В этот день была написана песня «Аргентина — Ямайка»

Рок-н-ролл — дело серьезное

Открытые файлы

Интервью для Радио 101

09.03.05 — 18 марта состоится концерт, посвященный 20-летию коллектива, на 1 5 марта назначен релиз пластинки «Изумрудные хиты». А на прошлой неделе лидер группы *ЧАЙФ* Владимир Шахрин дал интервью «Интернет-радио 101.ru».

За 20 лет карьеры у Владимира о чем только не спрашивали. Так что вряд ли удалось не повториться на 100 %. На сайте *ЧАЙФа* есть FAQ, вопросы, которые особенно часто задают участникам. Первым, кстати, стоит вопрос о творческих планах группы. Посему мы не стали спрашивать про планы, равно как и про то, почему Шахрин не переезжает из Екатеринбурга в Москву. Не переезжает — и не переезжает. Воздух там чище, в конце концов, что бы там не говорили.

— В скором времени у вас выходит альбом «Изумрудные хиты». Расскажите, пожалуйста, о нем.

— С записи альбома прошел ровно год. Мы его закончили в феврале прошлого года. Я вообще люблю, когда в моей жизни происходят какие-то интересные гармоничные истории, которые не высосаны из пальца, не придуманы из головы. В этом проекте нет никакой синтетики, нет никакой неестественности. С Изумрудом мы встретились случайно на концерте в Москве в 2003 году, сделали одну песню. И нам показалось, что эти ребята так хорошо начали на своих инструментах играть рок-музыку. Мы подумали: отличная идея — надо сделать совместную работу. Так как мы играем песни группы *ЧАЙФ*, у нас остаются песни группы *ЧАЙФ*, но эти песни ложатся на немножко другую фактуру, это как ту же картину нарисовать не маслом, а пастелью, использовав тот же сюжет.

Мы с *Изумрудом* сделали вначале часовую программу. Мы просто собирались, играли вместе, они у себя репетировали, приходили и говорили: «Мы вот это придумали, вот это придумали». У нас было пятнадцать совместных репетиций, это много для таких проектов. Мы показали эту программу в Москве и Питере. И эти два концерта дали нам другую степень отношений между коллективами.

В конечном итоге для зимней акустики в Екатеринбурге мы сделали уже двухчасовую программу. Мы десять лет уже делаем эти концерты и каждый раз придумываем какие-то разные темы. В этот раз тема была народная, этническая, декорации были сделаны в русском народном стиле, и был Изумруд. Этот год мы практически прожили вместе, в тесном сотрудничестве. И так

было жалко, что это никак не зафиксируется. Мы подумали: а если попробовать записать?! И вот мы в нашей студии, практически концертным вариантом, «живьем», в три, по-моему, студийных дня записали наши песни. К тому же у нас давно не выходили greatest hits, не пиратские, а те, которые сама группа выпускает. В последний раз это было, по-моему, «Избранное» в 98-м году. Была концертная запись на 15-летие, но с 2000 года тоже уже время прошло. А тут будут песни, которые не только спокойно могут войти в greatest hits, но при этом еще и исполненные в другом звучании.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что главная наша задача была не сыграть песни группы *ЧАЙФ* на народных инструментах, а добиться того, чтобы народные инструменты вписались, вошли в фактуру и в звучание группы *ЧАЙФ*. Поэтому некоторые, кто слушал альбом, говорят: «О! Мы думали — тут все на балалайках будут чесать». Я говорю: «Нет, это альбом группы *ЧАЙФ*, и мы там играем». Звучание группы узнаваемо, но при этом там есть и балалайки, и домры, и баян, и перкуссионные всевозможные инструменты, и бас-балалайка. Нам показалось это интересным.

— Вообще, как проходили репетиции?

— Репетиции происходили очень просто. Мы на двух машинах с Володькой Бегуновым приезжали в Театр музыкальной комедии, где у ансамбля Изумруд база, они там в нескольких спектаклях заняты, оттуда выносили весь их скарб, все это загружали в нашу машину и ехали к нам на репетиционную базу. Садились в круг и часа по два просто играли песни. Останавливались, рассуждали, пробовали. «А давай попробуем вот так.— Давай.— А, нет. Давайте вот эту партию сыграет не гитара, а две домры. Отлично! Давайте вот здесь сыграем такой вот небольшой диалог. Или, наоборот, какое-то двухголосие». Мы не вымучивали этот альбом. Это было не как ракету строить. Меня больше всего убивает, когда люди так серьезно относятся к тому, что они делают, особенно, что касается рок-музыки, вот точно как будто ракету на Марс запускают. Хочется сказать: эй, ребята, это все-таки рок-н-ролл, должен быть в этом какой-то элемент безумия, элемент какой-то непредсказуемости, незапрограммированности. Вот у нас все это было.

— У меня вопрос, скорее относящийся к истории группы. Когда в 10-м классе вы только начинали играть, вы точно знали, что будете играть именно рок-музыку?

— Вот я честно скажу, что, как таковой, термин «рок-музыка» по отношению к тому, что мы делаем, появился, наверное, уже в середине 80-х вместе с понятием «русский рок». У нас был школьный ансамбль, мы играли на танцах, а где еще играть? И нам было, в общем-то, абсолютно до лампочки — рок-музыка это или не рок-музыка и как вообще это называется. Особого значения этому мы не придавали, деление на рок-музыку и не рок-музыку на самом деле произошло в конце 80-х годов. По тому, что у нас делается в голове, когда мы ее играем, я понимаю, что это рок-н-ролл, в нашем понимании. Это не музыкальный стандарт, никто ведь не придумал до сих пор никакого точного определения, критерия, что от сих до сих — рок-музыка, а дальше уже не рок-музыка. Никаких границ нет, для меня это вещи интуитивные.

— В одном из интервью вы говорили, что очень волнуетесь перед выходом на сцену. Это до сих пор так?

— Я дико волнуюсь вообще, а перед некоторыми концертами меня начинает даже потряхивать.

— А чего именно боитесь?

— Не знаю чего. Просто волнуюсь. Мне начинают за день до каких-то ответственных концертов сниться жуткие сны, кошмары о том, что у нас все разваливается, что кто-то кого-то не слышит, что у нас все начинает звучать криво и косо, что-то, в общем, не так происходит. И перед самым выходом меня натурально потряхивает.

— И как с этим боретесь?

— А как с этим бороться? Надо идти, просто заставить себя: делаешь шаг на сцену — а на сцене уже этого нет. Я всегда говорил, что сцена — это как некий параллельный мир, другое измерение, где нет времени, пространства, возраста. Вот ты стоишь за кулисами, вот какие-то разговоры в гримерке, шаг сделал — и этого нет, ты попал в другое измерение.

— Вы выступали не только в России, но и в Эфиопии, в Австралии, в Италии. Отличается зритель, допустим, эфиопский от российского? Или на концерты приходят большей частью русские?

— В Африке это были, конечно, русские. А вот в 91-м году у нас было 8 концертов в Италии, и там тогда вообще русских не было — на весь зал всего 2—3 человека. Мы приехали как раз после путча. Итальянцы настолько близко к сердцу приняли события в России, они настолько сопереживали нам и были с нами, что мы, конечно, на этой волне имели просто бешеный успех на концертах. Нас любили по факту, просто потому, что мы из России.

— *У* ЧАЙФа*такие яркие оптимистичные названия песен, «Оранжевое настроение» например. Бывает у музыкантов группы* ЧАЙФ*депрессия и как они с ней борются?*

— Плохое настроение, конечно, бывает. То есть таких классических депрессий, как в кино показывают, я за собой не припомню. Хотя бывает ощущение полного опустошения, и понимаешь, что в данный момент тебе абсолютно ничего не интересно. Я с этим борюсь. У меня есть несколько способов. Можно просто выехать на природу, она лечит, конечно, все. Или посмотреть какой-то старый хороший фильм, с которым у тебя связаны хорошие воспоминания. И вот эти воспоминания — птынь — прямо на тебя с экрана проецируются, независимо от твоего желания. На самом деле, есть фильмы, книги, которые как бы запахи хранят. Играет музыка, а я не то чтобы картинку вижу, я запахи чувствую от тех воспоминаний, которые у меня связаны с этой песней. Я понимаю — вот она, комната в общаге, где мы встречались с моей будущей женой, вот наш 6-й подъезд во дворе, где мы жили. Мне кажется, что хорошее лекарство от хандры — это хорошие воспоминания, поэтому я стараюсь вообще все свои сбережения и средства вкладывать именно в это. В моем понимании, хорошая та вещь, которая не поддается ни инфляции, ни экспроприации. Именно в это имеет смысл вкладывать деньги.

— *Семья не была против, когда вы бросили стабильную профессию строителя с гарантированной зарплатой?*

— Ну, наверное, была. Дети маленькие были еще и не шибко понимали, что происходит. А Елена Николаевна у меня — мудрая женщина. Видимо, в глазах было написано — что бы она сейчас ни сказала, я сделаю все равно по-своему, я уже принял решение. Она меня достаточно хорошо знает: я могу долго сомневаться, но если я решение принимаю, то уже точно это делаю.

— *Как вы познакомились со своей будущей женой?*

— На уроке физкультуры в заведении, которое сейчас называется Архитектурно-строительный колледж, тогда это был Строительно-архитектурный техникум. Я на строителя учился, она — на архитектора. И был такой совмещенный почему-то урок физкультуры у двух групп, в одном углу мы, мальчики-строители, занимались высокоинтеллектуальным делом — прыгали через козла, а в другом углу девочки-архитекторы ходили по бревну. Я увидел ее, делающую какие-то па на бревне, и это меня сразило.

— Сразу поняли, что это ваша женщина?

— Ну, ощущение такое было, да-а-а. По крайней мере, я этим же вечером приплелся в общагу знакомиться.

— Сейчас многие рок-музыканты стали ходить в церковь. Вообще, какое место занимает религия в жизни и творчестве группы ЧАЙФ*?*

— В группе *ЧАЙФ* есть два крещеных человека. И я знаю, что у них под футболкой висит крестик. Но никак это не афишируется. Я сам человек абсолютно не церковный. Причем это не значит, что я неверующий человек, именно не церковный. Если людям необходима церковь, если им становится от этого легче, я не против, что они ее посещают. Людям необходимо ходить на концерты классической музыки, на концерты группы *ЧАЙФ*, им от этого становится лучше — они ходят. То есть для меня церковь — это такой шоу-бизнес. Религия — совершенно другое дело, не имеющее, по моему убеждению, никаких точек соприкосновения с церковью. Я думаю, что любой человек так или иначе религиозен, он все равно верит во что-то. Как Борис Борисович (Гребенщиков) говорит, есть еще что-то, что «нельзя ни выпить, ни съесть». Что-то есть, но я не знаю, что это. У меня просто в голове не укладывается, что мы тут, условно говоря, на православной земле все правильные, а люди в Индии, два миллиарда людей, ничего не знают абсолютно, они какие-то неправильные. То есть церковные все постулаты у меня в голове не укладываются, ну, не верю я попам. А то, что касается заповедей, которые они проповедуют... Тут ко мне недавно приходил один человек. Принес целую кучу литературы, начал издалека, о том, что надо мир спасать, что человечество в опасности. В конечном итоге оставил на столе целую кучу литературы сайентологов, Хаббарда. Я почитал — почему не почитать. И понял, что там огромное количество для меня

абсолютно очевидных вещей, для понимания которых не нужна ни сайентология, ни Хаббард, ничего: не обращайся с людьми так, как ты не хотел бы, чтобы они обращались с тобой; каждый человек имеет право быть свободным. Если кому-то, чтобы соблюдать эти правила, нужно записаться в сайентологи, ради бога. Я и так стараюсь это делать.

— А приметы у вас есть какие-то? Когда домой возвращаетесь, в зеркало смотритесь?

— Да! Не понимаю почему, но вот верю. Я знаю, что у моей жены бабушка обладала, безусловно, способностями провидицы, заговоры знала и прочие штучки. У моей жены это тоже есть — я точно это знаю. Она несколько раз мне говорила: «Ну, посмотри в зеркало»,— и я к этому так привык, что если вернулся, что-то забыл, обязательно смотрю в зеркало. Я склонен этому доверять, не хочу даже объяснять почему, зачем. Просто — есть, работает.

Я понимаю, что многие вещи люди сами себе придумывают. Мы вот себе придумали, например, что до конца полета все билеты остаются у каждого в кармане. И только в конце полета мы их Илье Спирину отдаем. Хотя, по идее, прошли контроль и можно их собрать, но такая уж у нас примета: билеты, только когда приземлились, отдаем. Такой своеобразный ритуал.

Все это уже как традиции такие, которые надо чтить, знать, что это работает вот так. Паровоз идет — из трубы дым валит, я не очень понимаю, как там на самом деле работает его паровая машина, но если дым из паровоза идет — значит, паровоз работает.

— Перед концертом что-нибудь делаете, чтобы концерт прошел хорошо?

— Да 40 грамм вискаря выпьем да и пойдем. И будет хорошо.

— А вообще, как складываются у ЧАЙФов*отношения с алкоголем?*

— Ну, в группе у всех разное отношение к алкоголю. Я люблю алкоголь. У меня с ним хорошие нормальные отношения. То есть у меня достаточно уверенные тормоза, очень сильно выпившим меня редко кто видел, бывает, но очень редко. В принципе, я рюмку, две, три, два-три бокала вина с удовольствием выпиваю, мне нравится ощущение легкого опьянения.

— Вас часто узнают на улице?

— Да, бывает, в последнее время удивительно часто, мне даже самому кажется это странным. Вроде идешь, зима, воротник поднят, шарф намотан, шапка под самые глаза — все равно люди узнают. Подходят, говорят: «О, *Агата Кристи* — клево», или в самолет садимся: *Чиж* с нами летит, *Чиж*.

— Был какой-нибудь курьезный случай, связанный с неузнаванием?

— Вот что-то сейчас такое вспоминается... Было такое. Я говорил с человеком, а он не понимал, что я ему за странные намеки такие делаю, почему он мне должен сделать какое-то исключение, привилегию. Я сейчас уже не помню, кажется, это с каким-то инспектором ГАИ было. Что-то я там не так сделал. И вот я ему уже и так и сяк, и шапку снял зимой, и в профиль повернулся, а он все не узнает. В общем, бывает иногда, бывает. Чувствуешь себя полным дураком просто. А потом начинаешь подтрунивать над собой, начинаешь все прокручивать назад и думаешь: как дурак шапку снимал, в профиль поворачивался — отдал бы сразу штраф, и все.

— Раз уж пошла автомобильная тема. Когда вы впервые сели за руль?

— В первый раз за руль я сел, когда мне было лет восемь. Хватило у меня ума с друзьями открыть дедушкин 401-й «Москвич», снять его с ручника, катнуть под горку и запрыгнуть туда всем. Как мы будем тормозить, об этом никто не думал. В общем, мы, конечно, никуда не въехали чудом, кто-то из взрослых парней запрыгнул на ходу, дверь открыл и затормозил.

Потом я достаточно много ездил, когда у нас в семье был «запорожец» горбатый. Прелесть этого автомобиля была в том, что его было настолько не жалко и там настолько нечего было сломать, что когда мы приезжали куда-то на природу, в лес, то мне отец просто давал ключи, и я по лесу, по всем этим полям, просекам ездил. У меня было духовое ружье, и я там играл в разведчиков, в партизан, во все, что угодно, и ездил на машине. Сестру свою вовлекал в эти игры, кого-то еще из ребят, из друзей. А ездить на своей машине я начал уже достаточно поздно, на этом же 401 — «Москвиче», который я у дедушки угнал, он мне по наследству достался. Я на нем ездил два года без прав, без документов, безо всего. И потом в 35 лет, то есть 11 лет назад,

мне подарили надень рождения такой старенький, 83-го года, «Мицубиси Паджеро». Он до сих пор у меня в семье есть, на нем дочь сейчас ездит.

— А сейчас какая у вас машина?

— У меня «хонда», не новая тоже, 98-го года. Я очень спокойно отношусь к автомобилям, для меня автомобиль не является, как бы это сказать, средством самоутверждения, я не считаю, что машина — это статус, что у артиста должна быть какая-то определенная машина. Какая есть — такая есть, она меня устраивает. Туда может запрыгнуть собака, мы можем туда набиться всей семьей, поехать на дачу. Непроходимых дорог там нет, а вот по тем заносам снежным, которые наметает, она вполне нормально проходит. При этом она достаточно комфортная и мягкая для езды по городу. И главное, их очень много, она не бросается в глаза совершенно. Я в городе растворяюсь.

— То есть вам не нравится быть на виду?

— Я стараюсь лишний раз не обращать на себя внимание. Меня тот уровень популярности, который есть, вполне устраивает, я бы даже немножко убавил.

— Вы скорее лихач или, наоборот, очень аккуратно водите?

— Не-е, я не лихач, я очень размеренно вожу. Но иногда бываю невнимателен. Задумаюсь о чем-то и могу забыть, куда я еду. Проехал уже три квартала — и понимаю вдруг, что мне надо было три квартала назад повернуть. Я могу проворонить какой-то знак, пересечение главной дороги с не главной. Я не скажу, что моя езда идеальна, но она не от безбашенности, не оттого, что грубо езжу, я не грубо езжу, я, скорее, невнимателен.

— А на большие расстояния ездили?

— Нет, далеко я не люблю, дальше 500 километров не ездил никуда. Один раз вот «паджеро» из Москвы гнал. Это было полторы-две тысячи километров.

— Вы сказали, что со своей женой познакомились на уроке физкультуры. Каково ваше отношение к спорту? Занимались, занимаетесь?

— Я занимался в детстве. К спорту как к физической культуре я, конечно, отношусь очень хорошо. Это и для здоровья полезно, и такое снятие напряжения, особенно игровые виды спорта. Да и любой вид спорта, когда человек переключается на что-то, любая тренировка такую хорошую измотанность тебе дают. Профессиональный спорт — это, конечно, немножко другое, профессиональный спорт — это не мое. Мы все время говорим, что профессиональные музыканты — это то же, что профессиональные спортсмены, только им ничего нельзя, а нам все можно. В принципе, иногда бегаю вечером с собакой. На собаку это производит фантастическое впечатление. Обычно мы с ней гуляем медленно, а тут я начинаю бежать. И она первые метров сто бежит весело, а так как собаке уже десятый год, потом она начинает забегать вперед и смотреть, все ли нормально с хозяином? С чего это мы вдруг бежим, не гуляем. Гантели у меня есть. Я физкультурник — не спортсмен.

— Вы сказали, что собаке уже десять лет. Как она появилась в вашей семье?

— Собака появилась совсем случайно. У меня вся семья: и жена и дочери — очень просили собаку. Я же был категорически против любой собаки. Мы тогда еще в маленькой квартире жили, зачем животное мучить? И однажды мне вся семья начала рассказывать, что они видели передачу по телевизору, в которой показывали таких собак, таких щеночков, называются бобтейл, прямо взахлеб это все рассказывали. А я на следующий день совершенно по другим делам встречаюсь с одним человеком, мы с ним о всяких вещах говорим. Вдруг я ему говорю: вот тут у меня вчера семья рассказывала про каких-то собак — бобтейлов, я даже не знаю, что это за собака. У меня дома, отвечает, бобтейл, у нас сейчас щенок есть как раз. Правда?— Правда.

А я иногда люблю делать какие-то эффектные вещи. Прихожу домой и говорю: собирайтесь, поехали. Меня спрашивают: куда? Я говорю: сейчас узнаете. Приезжаем в квартиру, заходим, а там три взрослых бобтейла, и нам выносят этого маленького плюшевого щенка. И вот так вот, за пазухой, мы привезли его домой. Эта собака, конечно, сейчас всеобщая любимица, ее вся семья обожает. Я ее называю королевой бобтейлов. Более счастливую собачью судьбу, наверное, трудно себе представить. Живет, как королева Англии, точно.

— Скоро 8 Марта. Что бы вы пожелали женщинам в связи с наступающим праздником?

— Конечно, самое идеальное зрелище — смотреть на женщину, которую любят. Ее видно сразу, это женщина, которая находится в гармонии с природой. И неважно, богато она живет или небогато, дорого она одета или недорого, на трамвае она едет или на машине, если она себя чувствует в гармонии с окружающим миром. Это ощущение гармонии женщине очень идет. Поэтому я пожелаю женщинам найти и сохранить, сначала найти, а потом сохранить, это ощущение гармонии с окружающим миром, потому что рецепта абсолютного счастья нет, оно не в шубах, не в бриллиантах, как мне кажется.

www.101.ru

(хранится в компьютере как документ 711005.doc).
Темы:
— преемник ЧАЙФа
— похороны русрока
— социальная активность музыканта
— попса
— отношение к журналистам
— о национальностях
— о саундтреках
— о памятных датах
— что такое рок-музыка
— Чечня — депрессия после
— фабрика звезд
— Голосуй или Проиграешь
— фестиваль в Гудермесе
— о свободе
— о стилистах
— о гонорарах за выступления
— о памятнике ВШ
— о молодых группах
— смысл песен
— message

Владимир Шахрин: Здравствуйте! Всем привет, соответствующих размеров. Я в трепетном волнении, поскольку подобных мероприятий у меня было немного. Общение не глядя друг другу в глаза — вещь непростая, но мы будем стараться. Я готов ответить на все ваши вопросы. Хочу отметить, что все ответы — это только мое мнение.

Истомина Мария, Свердловская область, «Эксперт-Урал»: Владимир Владимирович, если раньше главным противником развития рок-культуры были советские власти, то кому, на Ваш взгляд, сегодня выгодно «хоронить» русский рок? Как Вы оцениваете перспективы молодых уральских рок-групп? Есть ли среди них команды, которые могли бы по праву стать преемниками *ЧАЙФов*!

Владимир Шахрин: Я думаю, как ни странно, главные «похоронщики» — это или великовозрастные музыканты, которые в свое время занимались рок-музыкой и в свое время остались за

бортом современности, а также молодые музыканты, поиграв на гитарах 3—4 года и не собрав ни одного полного зала и не продав ни одной пластинки, записываются в «похоронную» команду русского рока. Это нормальное явление, когда у тебя что-то не получилось — сделать вид, что там ничего и нет. Что это не я плохой, а рок-музыка плохая. Не считаю нужным, чтобы кто-то становился нашим преемником.

Торбеев Дмитрий, Пермь, газета «Новый компаньон»:Привет, дорогой Владимир! Многие рок-музыканты на Западе, да и в России тоже, часто в своих песняхуделяли внимание социальным и политическим процессам, происходящим в обществе. Как Вы считаете, правильно ли это и должен ли рок-музыкант быть обязательно общественно-активным деятелем?

Владимир Шахрин: Это абсолютно правильно. Музыканты должны петь на разные темы, лишь бы это трогало самого музыканта, при этом общественным деятелем ему быть совсем не обязательно.

Торбеев Дмитрий, Пермь, газета «Новый компаньон»:Сейчас некоторые наши рок-музыканты развернули настоящую «борьбу с попсой». Как Вы считаете, целесообразна ли эта борьба и к чему она может привести?

Владимир Шахрин: Я считаю, что эта борьба нецелесообразна, потому что говорить людям, что они дураки только потому, что они слушают другую музыку — не очень вежливо. Настоящая борьба — это просто дать людям что-то другое. Нужно писать более интересные песни, нужно играть более драйвово, более интересные концерты давать. Другое дело — как донести до людей эти песни и эти концерты? Но это уже другой вопрос. Мое мнение — люди должны выбрать сами, что им нужно. Нужно дать им право выбора.

Вера Конюхова, газета «Владивосток»: Здравствуйте! Скажите, а как популярные музыканты относятся к журналистам: нуждаются в них, вынуждены с ними (нами) общаться, но не хочется, а может, боятся? По какому принципу звезды нашей эстрады посещают города Дальнего Востока?

Владимир Шахрин: Я люблю общаться с журналистами, которые готовятся ко встрече со мной, те, кому интересно со мной, чьи вопросы будут интересны читателям. Поймите меня

правильно, если мне не интересен журналист, то интересный материал получиться не может. Если журналист готовился к интервью, то он не будет задавать банальные вопросы, ответы на которые уже есть в Интернете и печатных изданиях. Все города мы посещаем по одному принципу — приглашение концертной организации данного города.

Кедрин Андрей, Хакасия, Независимое информационное агентство: Так получилось, что беседа с Вами происходит в некогда «красный день...» или самый спорный в последнее время праздник. Как Вы лично относитесь к тому, что в России очень часто меняют одни памятные даты на другие?

Владимир Шахрин: Я не сторонник того, чтобы часто менять даты, праздники или слова в гимнах. Люди путаются и перестают адекватно реагировать. Должно пройти время, чтобы праздник стал праздником, хотя последняя замена меня не смущает — 4-е на 7-е. Мне кажется — это правильно. При этом я не могу четко сформулировать, что такое патриотизм, хотя считаю себя патриотом своей страны.

Даниил Новиков, Псков, «Комсомольская правда»:Каков, на Ваш взгляд, предпочтительный вариант развития современного российского общества: в сторону стирания межнациональных культурных различий, с целью упразднения в будущем самой возможности этнических противоречий, либо в сторону сплочения всей общности народов Федерации под знаменами Русской национальной идеи, как центральной и превалирующей, с сохранением собственной идентичности отдельных культур, с целью создания ядра мощного централизованного государства?

Владимир Шахрин: Я бы очень хотел, чтобы мы в первую очередь ощущали себя россиянами и каждый из нас знал народные песни, сказки и свой корневой этнический язык. Я думаю, что многонациональность нашей страны — это, конечно же, очень сложно, но с другой стороны — в таком государстве жить гораздо интереснее. Я с удовольствием слушаю татарские песни, читаю сказки северных народов, мне это очень интересно. Не думаю, что нужно ставить во главу какую-то одну этническую идею. Она должна быть у всех нас одна — процветание российского государства и его граждан.

Даниил Новиков, Псков, «Комсомольская правда»:Как и

чем живут вне сцены корифеи русского рока? Поделитесь своими немузыкальными интересами, если они есть.

Владимир Шахрин: Например, сейчас мы делаем ремонт на нашей репетиционной базе. Конечно, мы могли бы нанять бригаду строителей и отделочников, но нам интересно делать все самим. Я и на пресс-конференцию приехал с базы, мы сами кладем плитку, занимаемся отделкой, декором.

Сергей Поплёвин, Пенза, «Любимая газета»: Владимир, в этом году в календаре появился новый праздник — День народного единства вместо Дня «памяти Октябрьской революции». Какие новые праздники Вы еще могли бы предложить для того, чтобы ввести их в календарь просто так или заменить ими старые?

Владимир Шахрин: В моей жизни праздников хватает, поэтому я не стал бы их добавлять.

Юрий Борисов, Владимир, «Томикс. Владимирская газета»: По Вашему мнению, рок-музыка — мессианство, самовыражение или шоу-бизнес?

Владимир Шахрин: Рок-музыка — это и первое, и второе, и третье. Как и любая другая музыка. Некоторые произведения могут подняться на уровень развлекательной штучки, неплохо, когда получается шоу-бизнес. Одно другого не исключает.

Юрий Борисов, Владимир, «Томикс. Владимирская газета»: В последние годы многие рок-группы записали саундтреки к фильмам и сериалам. Не поступали ли Вам предложения поработать над каким-нибудь фильмом?

Владимир Шахрин: Мы работали с Владимиром Хотиненко в фильме «По ту сторону волков», работали над 4-серийным фильмом «Порода». Пока других контактов с кинематографом у нас нет.

Клюева Ольга, «КП-Саранск»: Правда ли, что карьере певца предшествовала карьера в правоохранительных органах и вместо солиста *ЧАЙФ* где-то там, в Свердловске, сейчас был бы «настоящий полковник»?

Владимир Шахрин: Не правда. Я был строителем и работал

на стройке. И в лучшем случае меня можно представить прорабом в строительной организации.

Николай Шиянов, Саратовская область, газета «Неделя области»: Вы ведь выступали с концертами в Чечне?

Владимир Шахрин: В 1996 году я после поездки в Чечню был в депрессии. Мне очень жаль мальчишек. Сейчас ситуация другая, сегодня там больше профессионалов, которые подготовлены лучше. Вполне возможно, что будут еще такие туры. Мы не можем сами взять гитару и поехать в горячую точку, там существует пропускная система.

Клюева Ольга, «КП-Саранск»: Способны ли Вы на настоящий поступок ради любимой женщины? Какой? А совершали ли безумства ради Вас?

Владимир Шахрин: Хотелось бы надеяться, что я способен на настоящий поступок. Совершал ли я безумства? Об этом лучше спросить у моей жены. Мне это безумством не казалось, хотя со стороны это, наверное, выглядело бы так.

Николай Шиянов, Саратовская область, газета «Неделя области»: Пошли разговоры о начале кастинга участников шоу «Фабрика звезд-6». Как Вы считаете, могут ли «фабриканты» стать в будущем новыми *ЧАЙФ* и *Битлз* российской эстрады?

Владимир Шахрин: Я думаю, что каждый в отдельности может стать кем угодно. Сам проект «Фабрика звезд» вряд ли может создать второй *Битлз*. Все-таки уникальных артистов на «Фабрике» не делают. На конвейере можно сделать только конвейерные вещи, правда, иногда очень приличного качества.

Николай Шиянов, Саратовская область, газета «Неделя области»: Что сегодня происходит в Вашей творческой жизни и каковы Ваши планы?

Владимир Шахрин: Мы закончили запись нового альбома, куда вошли 12 новых песен. В планах — в начале года выпустить этот альбом, а еще весело-весело встретить Новый год.

Анна Кузнецова, Томская область, газета «Томский вестник»: В середине 90-х Вы мотались по турам в поддержку Бориса Ельцина. И не в последнюю очередь благодаря этому

(поддержке рок-музыкантов) страна сохранила «курс реформ». Интересно, готовы ли Вы столь же активно поддерживать власть нынешнюю?

Владимир Шахрин: В тот момент ситуация была такая, что у страны было два варианта — или мы получали Зюганова, причем с очень крепкими коммунистическими традициями, или мы получали Ельцина. Причем у Зюганова в начале кампании шансов было гораздо больше. Нам очень не хотелось возвращаться в коммунистическое прошлое, поэтому, понимая, что Ельцин не идеален, мы принимали участие в его предвыборной кампании. Если ситуация будет настолько же тревожна, настолько очевидна, как и тогда, то я буду и сегодня отстаивать свой политический выбор.

Руслан Коркмазов, г. Черкесск, газета «Карачай»: Почему *ЧАЙФ* не принимает участия в фестивале, который открылся сегодня в Гудермесе? Чем, по-вашему, можно занять молодежь этой российской республики?

Владимир Шахрин: Нас приглашали на этот фестиваль, но так как дата фестиваля три раза переносилась, то в этот раз, к сожалению, у нас нет свободного дня. Я думаю, что ребятам из Чечни нужно восстанавливать обычную жизнь, как можно больше предлагать альтернатив автоматной и минной войне, чтобы им было интересно и выгодно заниматься чем-то еще. Я за то, чтобы у человека было право выбора.

Олеся Болышова, Липецкая область, газета «Молодежный вестник»: Владимир, группа *ЧАЙФ* — одна из моих самых любимых музыкальных команд. Хочется задать Вам несколько вопросов. Какой Вы видите современную молодежь и какой бы хотели увидеть? Если бы Вам поручили написать книгу «Культовая личность XX столетия» или «Герой нашего времени», кто бы стал ее героем? Расскажите о последней прочитанной книге, удивившей Вас. Спасибо за ответы и настроение, которое Вы дарите своим творчеством!

Владимир Шахрин: Мне кажется, что современная молодежь ничуть не хуже той, к которой я себя относил. Более того, я думаю, что она сегодня гораздо более грамотная и целеустремленная. К сожалению, наши СМИ больше любят писать о негативе, поэтому создается ложное впечатление, что вырастает целое поколение отморозков. В моем детстве отморозков было не

меньше. По поводу книг. Если вы походите по книжным магазинам, то увидите очень много книг об артистах, которые прожили яркую жизнь. Вот последнюю книжку я прочитал вчера, это книга Андрея Макаревича «Занимательная наркология» — отличная книжка, но будет интересна тем, кому за 30. Уникальность книги в том, что, хорошо зная голос Макаревича, читая книгу, очень точно представляешь себе автора.

Кирилл Никольский, Санкт-Петербург: С кем из отечественных рок-музыкантов сегодня Вы поддерживаете творческие и дружеские отношения?

Владимир Шахрин: С очень многими. Сейчас мы созваниваемся с Гариком Сукачевым — планируем в «Олимпийском» на его концерте делать совместные номера, а 19-го числа мы будет петь с группой *Уматурман*. Из близких друзей — все ребята из группы *Текила Джаз* и многие другие.

Александр Якуба, газета «Курск»: Есть две противоположные точки зрения. Одна из них гласит, что нужно различать «наше» и «не наше», а другая придерживается того, что все культуры равны и человек, общество не должны выделять для себя приоритеты в этой сфере. А как Вы считаете, должен ли быть человек «патриотом» своей культуры или он должен исповедовать равенство культур?

Владимир Шахрин: Я еще раз повторю — человек должен быть свободным. Свобода в моем понимании — это право выбора. И человек должен иметь право выбрать русскую песню или башкирскую. Ту, которая ему нравится в этот момент. Я очень стараюсь бороться со всеми всплесками национальной неприязни в себе. В основном — получается.

Александр Якуба, газета «Курск»: Многие молодые люди мечтают добиться того, чего добились Вы. Действительно ли есть к чему стремиться? Что Вы с высоты своего опыта можете сказать о жизни рок-звезды?

Владимир Шахрин: Недавно я посмотрел отечественный фильм «Попса» и понял, что то, о чем там говорится, не имеет ко мне никакого отношения. То, что там показано,— не имеет ничего общего с тем, чем занимаемся мы. У меня нет ни одного контракта, который обязывал бы меня делать то, чего я не хочу делать. И нет ни одного человека, который мог бы навязывать мне

свое мнение. Я занимаюсь любимым делом, от которого получаю удовольствие, надеюсь, удовольствие получает кто-то еще.

Елена Ковтуненко, Ленинградская область: Добрый день! Мой вопрос касается той самой, широко обсуждавшейся в прессе, встречи рок-музыкантов в Кремле с замглавой администрации президента РФ Владиславом Сурковым... У Бориса Борисовича Гребенщикова после нее родилась и вовсю осуществляется идея ТВ-программы «Просвет»... А Вас какие идеи и мысли посетили в связи с той встречей и отразятся ли они как-то в медиапространстве? Спасибо...

Владимир Шахрин: Во-первых, встреча была не в Кремле, а в кафе за пределами Кремля. Я рад, что появилась программа Гребенщикова, которую с удовольствием смотрю. Рад, что есть результат от этой встречи. Никаких неприличных предложений от администрации не поступало, а шел достаточно доверительный разговор о том, как исправить некоторый перекос в музыкальном эфирном пространстве страны. Больше я с Сурковым не общался. И ни в каких, вытекающих из встречи программах, не принимаю участия. Не потому, что не хочу, а потому, что живу далеко от Москвы и для меня это проблематично.

Мухамадеев Эдуард, Челябинск: На днях, на пресс-конференции, Вы заявили: «На сегодняшний день в России представители рок-культуры, джаза, блюза, классики и народного творчества находятся в информационном подполье. Необходимо на уровне государства обеспечить российской молодежи доступ к иной культуре, помимо "попсы"». Можно ли считать, что Вы объявили войну всей поп-индустрии?

Владимир Шахрин: Это не я сказал на пресс-конференции, хотя на этой пресс-конференции я был. Я не считаю, что мы находимся в подполье, но то, что все вышеперечисленные культуры не являются массовыми в нашей стране — это факт. И джаз, и рок, и народная музыка на данный момент — это субкультуры. Не собираюсь объявлять никому войну, но очень хотелось бы, чтобы в эфире находилось место и для другой музыки. И человек, любящий народную музыку, пощелкав кнопкой, мог бы ее найти. Человек, любящий группу *Калинов мост*, мог бы найти ее в эфире.

Шпагина Людмила, Петрова Людмила, Ленинградская область, г. Подпорожье, газета «Свирские огни», программа

«Телевесь»: Здравствуйте, скажите пожалуйста, как Вы относитесь к сегодняшнему, когда-то праздничному, дню?

Владимир Шахрин: У меня хорошие детские воспоминания, как о добротной альтернативе бразильскому карнавалу. И если бы в этом празднике не было бы политической подоплеки и идеологии, то я бы с удовольствием ходил с шариками на руке и под духовой оркестр танцевал камаринского.

Шпагина Людмила, Петрова Людмила, Ленинградская область, г. Подпорожье, газета «Свирские огни», программа «Телевесь»: Уделяете ли Вы внимание имиджу группы? И готовы ли Вы неожиданно для поклонников сменить его?

Владимир Шахрин: У нас нет профессиональных имиджмейкеров. Костюм на концерт выбирается по принципу — что у меня сегодня наименее мятое в сумке. Как сказал мой друг Бегунов — чему нас могут научить люди, которые сами не в состоянии одеться?

Шпагина Людмила, Петрова Людмила, Ленинградская область, г. Подпорожье, газета «Свирские огни», программа «Телевесь»: Приняли бы приглашение музыканты группы *ЧАЙФ* участвовать в мюзикле?

Владимир Шахрин: Я видел много мюзиклов, но если честно, то я не очень люблю мюзиклы. Меня не трогает это зрелище, поэтому вряд ли.

Истомина Мария, Свердловская область, «Эксперт-Урал»: Достаточно агрессивный ответ прозвучал, если можно так сказать, из ваших уст. Но Вы так и не ответили о перспективах молодых уральских рок-команд. Таковых нет?

Владимир Шахрин: Это мои наблюдения. А что касается молодых уральских групп, мне кажется, на данный момент у нас очень много групп, из которых при удачном стечении обстоятельств может получиться команда. Из 300 екатеринбургских групп, которых я знаю,— десяток мне очень нравится. А это очень много. Я большой привереда в музыке.

Шпагина Людмила, Петрова Людмила, Ленинградская область, г. Подпорожье, газета «Свирские огни», программа «Телевесь»: Поедете ли выступать в маленький провинциальный

городок, где заранее будет известно, что больших денег от выступления не заработаете?

Владимир Шахрин: Скорее всего, нет. У нас есть один принцип — мы или работаем на тех финансовых и технических условиях, на которых мы работаем, или работаем бесплатно. С точки зрения бизнеса, абсолютно безнравственно в одном месте играть за одни деньги, а в другом — за другой гонорар. Во всем мире существует практика, что люди из маленьких городов приезжают в тот город, где проходит концерт. Обращаю внимание, что большинство концертов группы *ЧАЙФ* проходят в маленьких провинциальных городах, но при этом нам платят нормальный гонорар.

Шпагина Людмила, Петрова Людмила, Ленинградская область, г. Подпорожье, газета «Свирские огни», программа «Телевесь»: Если бы Владимиру Шахрину при жизни поставили памятник... какова была бы реакция?

Владимир Шахрин: Вы меня рассмешили... Если честно — не хотелось бы. Я не знаю, какая будет реакция. Мне ни разу не ставили памятник при жизни. Первая мысль была бы, что меня кто-то разыгрывает, а памятник непременно из фанеры.

Александр Якуба, газета «Курск»: Многие рок-знаменитости не любят прессу, а как Вы относитесь к журналистам?

Владимир Шахрин: Я достаточно подробно уже ответил на этот вопрос. Смотрите выше.

Ирина, Москва: Как бы Вы определили, что такого особенного в Екатеринбурге — Свердловске, если он выпускает рок-коллективы, которые достаточно быстро обретают всероссийскую популярность и, более того, становятся всенародно любимыми? Особая музыка, особые слова, особый смысл...

Владимир Шахрин: На эту тему я могу говорить достаточно долго. Но главное, что на данный момент происходит: это достаточно высоко поднятая планка, установленная другими группами. В Екатеринбурге, чтобы стать коллективом, нужно достигнуть планки *Агаты Кристи*, *Наутилуса*, *Смысловых галлюцинаций*, Чичериной... Список можно продолжать.

Ирина, Москва: Владимир, Вы музыкант с более чем 20-летним стажем. Что изменилось за эти годы в Вашем мировосприятии? Как это отразилось на Вашей музыке?

Владимир Шахрин: Изменилось очень многое. Я стал в два с половиной раза старше, мой социальный статус поменялся, поэтому на многие вещи я смотрю по-другому.

Я недавно слушал кассету с записью нашего концерта в 86-м году, ее люди записали на микрофон в зале. Слушаю и понимаю — это поет совершенно другой человек... Конечно, мы что-то потеряли, что-то естественным способом перестало у нас получаться, но я смею надеяться, что мы чему-то и научились. И я точно знаю, что я стал гораздо лучше петь, играть на инструментах, звучать вместе. И наверное, появился жизненный опыт.

Виктория Игнатова, Москва, StatusQuo: Русский рок всегда отличался ярко выраженными переживаниями за судьбу своей Родины. Вы — не исключение. Но скажем, в годы перестройки все-таки существовала некоторая неопределенность данной судьбы. Выход искали в текстах Ваших песен... Вы как наиболее яркий представитель Русского Рока, всегда отличавшегося своим патриотизмом, какую смысловую нагрузку вкладываете в тексты песен сейчас? Так ли важно в данный момент сохранить статус кумира молодежи? Донести до этой самой молодежи тот самый дух патриотизма?

Владимир Шахрин: Единственное, что важно для музыканта, — это делать то, что он считает нужным. В нашем новом альбоме есть пара песен пронзительно-щемящих, патриотичных, они не написаны на заказ, просто я не мог об этом не спеть. Но при этом в этом же альбоме есть смешные песни, песни — истории из жизни, есть песни танцевального характера. Мне будет очень грустно, если молодежь нашей страны перестанет танцевать — не надо делать серьезное лицо, когда сочиняете песни, все-таки не ракеты строим.

Ребята, спасибо всем огромное за то, что задавали вопросы. Может, я был излишне серьезен — за это извините. Искренне желаю вам всем, чтобы все ваши начинания удались и все, что вы себе на-мечтали, свершилось. До свидания! Владимир Шахрин.

Интервью состоялось в рамках
Всероссийского информационно-образовательного
проекта «Медиакратия»

Интервью для «Независимой газеты»

— Володя, вы только что из Екатеринбурга, что там происходит?

— Екатеринбург последние четыре года активно развивается. А это значит, что в городе есть люди с интересными идеями, с деньгами, которые они не просто хотят, но и умеют правильно реализовывать. Я много езжу по стране и считаю, что Екатеринбург— один из самых современных городов. Здесь все время что-то происходит.

— Например, народные митинги протеста?

— Я не видел ничего подобного, ни разу, честное слово.

— Во время августовского путча 91-го года я жила в Оренбурге и была потрясена, что город просто не заметил государственного переворота и остался глух к московской демократической революции. Жизнь текла мерно и тихо.

— То же самое было в Екатеринбурге: тишь да гладь. В 91-м году мы были в каком-то северном городе с итальянцами. И жили на какой-то турбазе, на окраине города. И вдруг итальянцы по телевизору видят, что в Москве на улицах танки, народ на площадях столицы... И спрашивают нас: что происходит? Я говорю: переворот в стране. Они в ужасе отпрянули — господи, что делать-то?! Выскакиваем все вместе на улицу и видим: люди спокойно идут на работу, в гости, прогуливаются влюбленные парочки. Никакого волнения на лицах. А итальянцы просто в истерике бьются — ну что делать-то?! А мы им спокойно отвечаем: да ничего, завтра на рыбалку пойдем! Они не унимаются: а как же события в Москве? Мы только руками развели — Москва, ведь это совершенно отдельное государство. Тридевятое царство. Все, что там решают — нас россиян не касается. Страна, к сожалению, живет отдельно от столицы. То, что в Кремле или в Думе происходит — страну не интересует, она как-то мало вникает в жизнь привластных структур...

— В Давосе, в программе «Russiannight» отечественную рок-музыку представляли вы, то есть группа ЧАЙФ. *Ваша версия — почему выбор государственных чиновников пал именно на вас?*

— Это был выбор не чиновников, а режиссера давосского мероприятия Леши Аграновича. У него — хороший вкус, и он понимал, что Россию на Западе должна представлять группа с сильной позитивной энергетикой. Ведь текстовую нагрузку иностранцы не поймут, а посему нужен энергетический посыл, который, на мой взгляд, в нашей группе, присутствует. Мы — взрослые дядьки. И там сидели взрослые дядьки. Мы играли качественный гитарный рок, достаточно суровую музыку, но при этом мы — жизнерадостны и позитивны. И я прекрасно понимаю, что на Западе информация о России в большей степени негативная. И вдруг взрослые респектабельные дядьки слышат вполне позитивный рок. И эту музыку играем мы — уральские мужички.

— У вас есть отличное высказывание по поводу культурной программы в Давосе. Вы назвали Большой театр лицом России, а себя — другими частями тела. С какими частями тела соотносится группа ЧАЙФ*?*

— На пресс-конференции артистов Большого театра спросили об их роли в культуре нашей страны. Они ответили: «ну какие могут быть сомнения, мы лицо российской культуры». Я тут же парировал, что как все-таки здорово, что на сей раз зарубежной публике покажут не только лицо, но и другие части тела... А вот что это за части тела — оставим без комментариев, но не задница — это точно! И не кукиш Западу. Мы стремились показать в Давосе русскую душу, наш характер.

Еще одна причина, почему нас так хорошо приняли в Швейцарии — наша музыка западному человеку понятна по форме, ведь мы играем мейнстрим. В Давосе собрались богатые, состоятельные люди, которые были и на концертах *U2*, и на концертах *RollingStones*, им к мейнстриму не привыкать.

— Но Боно из U2*позиционирует себя как андеграунд-ный исполнитель. Он всячески отмахивается от мейнстрима?*

— Боно очень яркий и талантливый человек, но группа *U2* приносит в казну Ирландии львиную долю дохода, уступая лишь пивной корпорации «Гиннесс». Как это может быть, если Боно не принадлежит к буржуазной мейнстримовой культуре? Другое дело, что его мировоззрение остается свободным. Он себя позиционирует исключительно как бессребреник: вот у меня есть деньги, но меня они не волнуют, меня волнуют леса Амазонки... (*смеется*). Отчасти я с ним солидарен, потому что, конечно же, по

сравнению с тем, какими мы были в двадцать лет — мы обуржуазились. И это естественное развитие событий, которое нельзя изменить. Морщины на нашем лице — это минус или плюс? Может быть, и минус, издержки сурового североуральского климата. Но, если бы у 45-летнего мужика было мраморно-гладкое лицо, вряд ли это выглядело бы лучше, чем морщины. Знаете, как говорят про Кита Ричарда? Ему никогда не будет столько лет на сколько он выглядит, потому что он всю жизнь выглядит на пять лет старше своего возраста. А уж о лице Мика Джеггера я и вовсе не говорю...

— Да, это вечный старик, буквально «урытый» морщинами, но девушки его не перестают любить.

— А у нас в России есть противоположные примеры, например, Дмитрий Харатьян. Он будто забальзамирован.

— В Англии есть такой же персонаж — Ник Кейв? Хотя существует теория, по которой героин (а Кейвдолго был наркоманом и лишь силой воли порвал с этим) замораживает ген старения.

— Да? (*удивленно*). Я этого не знал... (*задумывается*). Так про что мы говорили?

— Про буржуазность, про мейнстрим...

— В свое время у меня был 401-й «Москвич», а сейчас я езжу на «хонде». Так получилось. И я не ставлю перед собой задачи удивить народ своим автомобилем. Для меня машина не признак самоутверждения. Я вообще стараюсь жить так, как мне удобно, и быть в гармонии с собой. Я никогда не буду выряжаться в нечто изысканное — это не мое. Мне комфортнее ходить в джинсах и свитере.

— Ежегодно вы проводите в родном городе перфоманс под названием «Зимняя акустика». Вы создаете театрализованное шоу, где поете в разных декорациях, в каких-то умопомрачительных костюмах. В этом году «Зимняя акустика» проходила как бы в Париже, на Монмартре?

— Да, «Зимняя акустика» — это наш интимный концерт. Там звучат не шлягеры, а какие-то эксклюзивные номера. Это обязательно должно быть обставлено интересной визуальной

формой. Например, как-то раз мы делали «Пляж на Гавайях»: все в купальниках, рядом с нарисованным морем, все в панамах. А мы были в шортах и гавайских рубахах.

— На ваше творчество, судя по текстам песен, огромное влияние оказал Париж?

— Но я же очень люблю этот город! А знаете, что мы устроим на «Зимнюю акустику» в следующем году? Мы сделаем «квартирник».

— Опять кухонные беседы, песни в дыму дешевых сигарет, водка с огурцами? Назад в USSR?

— Наше время, на мой взгляд, вполне располагает к определенному возврату в прошлое. Мы людей посадим прямо на пол, чтобы создалось полное ощущение квартирного концерта… Сейчас, кстати, многие музыканты дают концерты в квартирах.

— Некоторые критики говорят, что вы играете кантри?

— Кантри, фольклор и рок-н-ролл — это, по сути, одно и то же. Мы играем современную народную музыку. Есть шаблон: народная музыка — это когда собираются люди и на балалайках играют. Поверьте мне, когда наши предки играли при лучине на ложках, вдруг кто-то пришел с балалайкой и все выдохнули: «ни фига себе, авангард какой!» То, что у нас есть электрогитары, барабаны и современные технологии — это всего лишь окраска. А играем мы, повторяю, современную народную музыку.

— Расскажите о вашем новом проекте «Изумрудные хиты»?

— Нам было интересно ввести в гитарный саунд какой-то другой звук. И мы решили спеть хиты группы *ЧАЙФ*, но вплести в ткань нашего привычного звучания две домбры, балалайку, баян и перкуссии.

— Сейчас модно играть с симфоническими оркестрами. Так делали и Deep Purple*, и* Portishead*, и* Бьерк*, и* MUSE*, почему вы не пошли по их стопам и вместо арф, виолончелей и скрипок записали альбом с домбрами и баянами?*

— Мы собирались вместе с нашим свердловским симфоническим оркестром сделать совместный проект. Но я

вдруг понял, что это слишком затасканный прием. И не стоит на это тратить время и силы. Хотя сил у нас море! К тому же, писать аранжировки для симфонического оркестра мы сами не умеем. И людей, которые делали бы это «вкусно» — не знаем. У нас в стране подобных удачных попыток не было. А с народными инструментами проще, ведь моя песня «Всему свое время» была написана как балалаечная! Так пусть балалайка ее и сыграет, если есть такая возможность!

— Гитарный звук ушел?

— Нет. Мы поменяли чуть-чуть аранжировку. Но современная акустика не уходит из нашего саунда. Это по-прежнему группа *ЧАЙФ*.

— Успеха ожидаете?

— Посмотрим.

— Почему альбом называется «Изумрудные хиты», а не как принято в мировой практике: золотые или платиновые?

— Все просто — так называется екатеринбургский ансамбль народных инструментов *Изумруд*.

— У вас есть серия дисков под названием «Оранжевое настроение». Есть «Настроение-1», есть — 2, а потом сразу 4. Куда делось «Оранжевое настроение-3»?

— Его нет. Мы даже придумали легенду, что диск «Оранжевое настроение-3» вышел в Монголии на монгольском языке. Многие люди до сих пор в это искренне верят и спрашивают, где его можно достать.

— Артемий Троицкий как-то сказал, что под ваши песни, особенно под хит «Ой е...», хорошо пить водку и закусывать ее огурцами.

— Наверное, под эту песню действительно комфортно выпивать... Но люди поют ее с удовольствием на концерте, при этом ничего не выпивая. Для меня лично Троицкий никогда не был авторитетом. Хотя он, безусловно, личность, человек, сделавший себя. Но сегодня уже неважно, что он хвалит и что ругает. Стереотип доверия к нему существовал очень долго.

Сегодня Троицкий исчерпал его полностью. И его рецензии больше не влияют ни на мнение аудитории, ни на продажу дисков.

— Ваш хит «Аргентина — Ямайка» — это чистейшее регги, или так выглядит рок-н-ролл отечественного разлива?

— Я меломан. У меня огромная коллекция дисков: от виниловых до лазерных. Я слушаю разную музыку и естественно, что мне очень многое хочется попробовать сыграть. А заклиниваться на одном стиле не очень интересно. Что такое русский рок? Это же не наше родное, а то, что к нам пришло отовсюду... ветром со всего мира надуло, и мы это по-своему ассимилировали к родной почве. Через себя пропустили. Получилось что-то похожее на винегрет, где и соленые огурцы, и свекла, и горошек... И даже подсолнечное масло.

— У вас был период, когда вы стремились, чтобы у вас был настоящий западный саунд...

— Это были издержки роста, но прекрасные издержки. У меня это все прошло. Я как-то пытался анализировать творчество группы. (???? Не разобрала название группы.) Их записи в 64-м году звучали вкривь и вкось. И так вплоть до 74-го. Но вдруг в 1976 году у них появился звук, который был сделан «как надо»! Или группа *SLADE*, пока они пели и играли эдакое «трын-трын» их было здорово слушать. А потом они перешли на евро-саунд, и все! Их музыка перестала быть интересной. Самобытное звучание — сегодня одна из наших задач. Не делать супер-саунд, а делать то, что звучит так только у нас, у группы *ЧАЙФ*. Вот что делает нас интересными. Звук не надо подгонять подо что-то или под кого-то! «Крути», как тебе нравится.

— Ваш коллега Владимир Бегунов частенько пишет рецензии на официальном сайте группы. Вот, скажем, что Бегунов говорит о последнем альбоме Тома Уэйтса. «Он выпустил самый породистый альбом»! А вы можете назвать какой-то свой альбом породистым?

— Первый наш породистый альбом — это «Дети гор». Знаете в чем его породистость? (*шепчет*) Он такой матерый! По звуку, по материалу, по манере исполнения — он будто обросший шерстью. Понимаете? Порода — это когда ты смотришь на семью Михалковых, без комментариев, все сразу ясно.

— ЧАЙФ —*разве не породистое имя?*

— Так оно и есть. Мы на сцене крепко стоим. Как стоят матерые люди...

— *Сегодня вам не хотелось бы изменить название группы?*

— Мы к нему уже привыкли. Вот мне не нравится мое имя — Вова. Дурацкое оно. И Володя — тоже не нравится, кошмар! Но так мама меня назвала. Вот также и с названием группы ЧАЙФ — так уж назвали, и оно стало родное...

— *Имена, которые вы дали вашим дочкам — им подходят?*

— Старшую зовут Юля, младшую Даша — мне кажется, им эти имена очень подходят. Я другого и не представляю.

— *А им самим нравится?*

— Мне кажется, что да.

— *Наверное, они бояться сказать правду?*

— Но маме они бы точно сказали. А она бы мне проболталась.

— *Песня и рецензия на песню. Нет ли в этих, казалось бы, разных видах творчества чего-то общего?*

— Чаще я всего лишь фиксирую реальность. Как Борис Борисович пел: «Моя работа проста, Я смотрю на свет, Ко мне приходит мотив, Я подбираю слова». Но случается, что я рецензирую действительность, рецензирую историю, которая со мной случилась. А недавно я попробовал заняться стилизацией...

— *Можно подробнее?*

— Когда я впервые прочитал книги Бориса Акунина, я понял, что он абсолютно точно имитирует интересных писателей, причем известных уже. Его произведения — это очень хорошая стилизация. И мне стало интересно: могу я подобное сделать в музыке или нет? И я написал песню, имитирующую стилистику Майка Науменко, называется она (неразборчиво)... Теперь вот мне

интересно, что люди скажут, получилось у меня или нет?

— В одной из песен вы поете о том, как какой-то человек танцует «голый с татарской саблей в руке». Имеется в виду, что мы ведем свой род от татарского, а не от славянского корня?

— Наверное... Урал — это в большей степени Азия, чем Европа. Но честно скажу: когда я пишу песню, ее смысл доходит до меня лет через пять. Я не кокетничаю...

Теперь, насчет того, кто же мы? Мы российские азиаты. Я когда приезжаю в Европу, мне там очень нравится, но я чувствую себя там стопроцентным чужестранцем. И я прекрасно понимаю протест прибалтов, которых долго пытались скрестить с русской культурой... Как это можно сделать, если они — европейцы. У них западный менталитет. Соединить их с нами в один народ невозможно!

— Вы — взрослый человек. Глубокий, тонкий, умный. Выходя на сцену, видите в зале мальчиков и девочек. Как вам кажется, ваш massageдо них доходит во всейполноте, или они реагируют на ваше творчество поверхностно?

— Удивительным способом, многие мальчики и девочки очень точно понимают, о чем мы поем. У них больше информации. Они по большому счету умнее нас, сообразительнее...

Мы недавно играли концерт, и там, на плечах у взрослого мужика сидела девочка лет одиннадцати... Она все песни проговаривала, как суфлер. И когда я путал где-то слова, переставлял их местами, она ужасно удивлялась и стучала папе по голове: почему он неправильно поет? И это было так приятно.

— Жена ходит на ваши концерты?

— Еще как. Поет так, что даже голос срывает! Но в доме у нас никакого культа Шахрина нет. И дочери ходят на концерт с удовольствием. Причем, если дома они относятся ко мне как к отцу, то на концерте я для них уже Шахрин.

— Что самое ценное вы сделали к своему двадцатилетию?

— Музыку. И сделали мы ее руками. Это не машинное производство, а ручное, handmade, понимаете? И это очень дорогой продукт, такой же дорогой, как картина, как все то, что

произведено за пределами технологических новаторств.

Елена Кутловская, «Независимая газета»

Интервью для «Новых Известий»

— Владимир, для музыканта любой праздник превращается в трудовые будни, тем более собственный юбилей. Как будете отрабатывать 20-летие группы ЧАЙФ*?*

— Нам было бы проще отметить юбилей, собравшись у меня дома, хорошенько выпив и закусив. Но этот концерт, посвященный 20-летию, мы делаем для публики. Когда мы стали думать о нем, начали фантазировать: что можно сделать необычного. Я понял, что если бы я хотел видеть юбилейный концерт, скажем, *U2*, то мне было бы неинтересно слушать каких-то непонятных людей. Мне интересно послушать самих *U2,* притом лучшие песни. Поэтому мы решили, что не будет специально приглашенных гостей, весь концерт на сцене будет группа ЧАЙФ. У нас есть веховые песни, эдакие верстовые столбы нашего творчества. Вот по этим верстовым столбам мы и пройдемся. Никаких репертуарных неожиданностей. В Олимпийский придут люди, которые, может быть, не все наши песни знают и ходят раз в пять лет на юбилейный концерт группы. Это нормально, мы к ним с уважением относимся.

— Юбилей ограничится Москвой?

— Конечно нет. Это первый концерт, которым мы начинаем юбилейный сезон. Скорее всего, весь сезон, до самой осени, будем работать. У меня есть желание сделать какой-нибудь необычный концерт непосредственно в день 20-летия группы, 29 сентября, и непременно в Екатеринбурге. Может быть, в том самом зале на 150 мест, где 29 сентября 1985 года состоялся первый концерт группы ЧАЙФ.

— То есть у ЧАЙФа есть вполне определенная точка отсчета, и эта точка — первый концерт?

— Мы для себя решили, что группа появилась на свет, когда она с этим названием вышла на концерт. На него пришла публика, которая и узнала о существовании группы. А все, что происходило до этого,— зачатие и вынашивание плода. С Володей Бегуновым (гитарист *ЧАЙФа.— Примеч. ред.*) вместе играем уже почти 30 лет, но это не была группа *ЧАЙФ*. Был школьный ансамбль, потом студенческий ансамбль, мы играли на танцах, играли все, что нам было интересно, это были на 90

процентов западные шлягеры. Народ танцевал. Нам нравится, когда люди танцуют на наших концертах, мы с этого начинали.

— Владимир, но помимо музыки существует еще рок-н-ролльный дух. Я недавно разговаривал с молодыми ребятами, которые играют рок-н-ролл, они рассказали историю, как в Перми после рок-фестиваля они ночевали то на вокзале, то на побережье, то в городском парке, с людьми колоритными знакомились. Ведь, по сути, та субкультура, заслуженными деятелями который вы нынче являетесь, держалась и держится во многом на таких вещах?

— Более того, ради этого и происходило все. Это было интересней, чем сами концерты. Ну что концерт? Звук — отстой, аппарат — отстой, играем фигово... Да, это тоже были события, но тусовки, которые происходили вокруг концертов, знакомство с группами, ночевки были интереснее. Если вспоминать ту же Пермь... Совсем недавно мы туда приезжали выступать, нам подали шикарные микроавтобусы. Один под аппаратуру, другой для нас, в третью машину можно шапку положить. И сидя в этом пафосном авто, я вспомнил, как мы вместе с *Наутилусом* туда приезжали в 86-м году. Зимой пешком шли, сидели на квартире у нашего друга, слушали музыку, обсуждали последние альбомы, пили яблочный ликер или еще что-то. Потом шли пешком, по трамвайным путям в зал, где надо было играть. Почему не на трамвае ехали, непонятно. Отыгрывали и на выступление *Наутилуса* убегали в зал, чтобы показать людям, как нужно поддерживать музыкантов. Показывали, что можно вставать с кресел, подпевать, рукоплескать. Время было абсолютно чудесное, и в Питере на Петроградке жили в квартирах у разных людей по полторы недели. Сейчас мы, конечно, обуржуазились. Но с другой стороны, наверное, это нормально. Если в 45 лет быть панком и ночевать где-то на вокзале, от этого будет попахивать чем-то нехорошим. Люди скажут: «Может, ты не панк, а просто неудачник? И все, что ты делаешь, ты делаешь плохо, если это не приносит никаких результатов». По-моему, Вишес сказал, что панком можно быть до 24-х лет, потом ты должен перестать быть панком или умереть. Сам он умер.

— Как же сейчас буржуазно отдыхает группа ЧАЙФ*? Летаете на пафосные курорты?*

— Нет-нет, мы, конечно, обуржуазились, но не обуржуились. Это разные понятия. Частенько берем своих жен и улетаем на

неделю в Италию или в Англию по обычной туристической путевке. Отели три с половиной — четыре звезды, ничего особенного. С удовольствием ездим на метро по тому же Лондону или Парижу. Где-то можем шикануть... Ну, не шикануть, но, например, питаемся не в Макдоналдсе, а в итальянском ресторане, но ведь это сейчас не признак роскоши. На лыжные курорты не ездим, горных лыж у нас нет, дорогих машин не покупаем.

— Зато вы были на последнем экономическом форуме в Давосе. И между прочим, сказали там «программную фразу», что у русского искусства есть не только лицо, но и другие части тела...

— Была пресс-конференция, выступал господин Цискаридзе. Когда спросили о присутствии солиста Большого театра, он сказал: «Но это же естественно, мы же все-таки лицо российской культуры». А я сказал: «Мне приятно, что наконец зарубежной аудитории покажут не только лицо, но и другие части тела российской культуры».

— Вы говорили, что успех песни «Аргентина — Ямайка» оказался для вас неожиданным. После этого ЧАЙФ*стали зачислять в авторы футбольных гимнов. За футболом пристально следите?*

— Не сказал бы, что пристально. У нас после этой песни все стали спрашивать футбольные прогнозы. Когда хорошая игра, я с удовольствием смотрю, а когда играют скучно, выключаю. Люблю наблюдать за матчами английской премьер-лиги. Но в чем феномен этой песни, почему она людям понравилась, я не знаю. Может быть, дело в том, что «спортивные» песни — в основном о радости победы, а здесь вдруг о переживании поражения. Кстати, в «Аргентине — Ямайке» про футбол не было ни слова. Точно так же это могло быть и водное поло. Про этот матч никто реально не знает, был он или нет и был ли такой счет.

— Но ведь он реально был...

— Да. Вся история, от первой до последней строчки реальна. Дело было на чемпионате мира во Франции в 98-м году. Я там просто туристом отдыхал, ни один матч не почтил своим присутствием. Но зато увидел болельщиков — аргентинцев и ямайцев, которые на площади Трокадеро, чуть выше Эйфелевой башни в Париже, так по-разному реагировали на результат,

радовались и переживали, а потом объединились под ямайские ритмы. Грустящие ямайцы вместе с аргентинцами отплясывали, махали своими белыми платками... Колорит у этого карнавала был сумасшедший, все эти взрослые пьяные мужики с флагами и дудками — зрелище не для слабонервных.

— Владимир, за те полгода, что прошли с момента вашего предыдущего интервью «Новым Известиям» не так уж много произошло музыкальных событий. На всех углах обсуждают Земфиру с ее новым альбомом. Вы не слышали?

— Я не слышал и, если честно, не очень понимаю ажиотажа. На мой взгляд, происходит переоценка значимости этой певицы. Она, безусловно, очень талантливая девочка, пишет хорошие мелодии и очень хорошо поет. Но когда говорят, что мы живем в эпоху Земфиры, что она Ахматова наших дней... Не знаю. Два последних альбома Гребенщикова на три головы выше двух последних альбомов Земфиры. По поэзии, по аранжировке, по тому, как это звучит, это просто фантастические альбомы. Я вчера слушал его «Песни рыбака», и у меня было желание набрать номер и сказать: «Боря, спасибо, что ты есть, мне так хорошо». Потом передумал. Вдруг он решит, что мне что-то надо от него, что я хочу денег попросить. А предыдущая пластинка Земфиры мне не понравилась, я ее не дослушал до конца ни разу, хотя по отдельности песни звучат неплохо. Я с уважением отношусь к этой артистке, но без идолопоклонничества.

— А за тем, что происходит на поп-фланге, вы следите? Вот были выборы нашего представителя на Евровидение. Вы застали этот волнительный процесс, или вам это не интересно?

— Я, конечно, специально не следил, но информации было много. Какая-то девочка из какой-то «фабрики» поедет, и она из Белоруссии. Ни песни, ничего не слышал. Наверное, это просчитанный шаг, ведь если Россия за нее проголосует, то и Белоруссия проголосует, а так как она не из России, то и Украина с Молдовой еще, и другие тоже. И дружба народов победит. Но это ведь просто телевизионное шоу, не более. Кстати, на поп-сцене, мне кажется, на данный момент ситуация интереснее, чем в рок-н-ролле. Новых качественных исполнителей поп-музыки гораздо больше. А то, что делается на рок-сцене, достаточно удручающее зрелище. Я прослушал сотни демо-записей за последний год, и было всего три или четыре песни из тысячи, которые меня зацепили, от которых побежали мурашки по коже.

Одна песня нашей уральской *Сансары*, одна — *КедрыВыдры*, песня рэп-коллектива *BigBlackBoots* из Москвы и песня алма-атинской группы Аномалия. Все остальное — такая нивелированная, ровная, неинтересная музыка, в той или иной степени вариации на ансамбль *Звери*. Я не хочу сказать, что это плохо, но когда я в Свердловске впервые услышал «Невидимку» *Наутилуса*, волосы дыбом становились. Тем более когда я понимал, что это было сыграно и записано на аппаратуре стоимостью 40 долларов. Я недавно первые записи *ЧАЙФа* прослушал. Да, плохо сыграно, нечеловечески плохо. Но это было интересно, не похоже на то, что делали другие, ни по звуку, ни по тексту, ни по подаче, и в этом было столько энергии и желания!

— Кроме ЧАЙФа*и* Наутилуса*к столпам свердловского рока относится и группа* Агата Кристи*, которая давно живет в Москве. Вы же по-прежнему приезжаете из Екатеринбурга. У вас разные представления о том, надо ли переезжать в столицу?*

— Здесь можно задать вопрос, а пошел ли этот переезд на пользу *Агате Кристи*? Что изменилось в лучшую сторону? Когда они жили в Екатеринбурге, они записали «Позорную звезду», «Опиум», «Коварство и любовь» — свои лучшие альбомы. Это то, что касается творчества. Что касается их личной жизни и здоровья... Семьи развалились, проблемы со здоровьем были более чем серьезные и, наконец, самое главное: они не екатеринбуржцы, они снимали в Свердловске квартиру, в двух кварталах от меня. Вадик Самойлов ходил ко мне в гости, я — к нему. Потом он переехал, и я даже не знал, где он живет. Менял квартиру на квартиру. Точно так же Настя Полева и Егор Белкин (группа *Настя*) уехали в Питер. Все спрашивали: как так — уехали? А у них не было своего дома, они снимали квартиру.

— Но они все-таки из Свердловской области...

— Да, *Агата* из Асбеста, Настя из Первоуральска, Егор из Пышмы. Бутусов, кстати, тоже приехал в Екатеринбург в конце девятого класса, он ему не родной город на самом деле. Но Бутусову переезд в Питер пошел на пользу. Я его уважаю за решимость, характерную для его творчества. В жизни у него нет такой решимости, а в музыке если решил, что будет так и так, обязательно это сделает. Я помню, в 89-м году у нас был разговор. Я обмолвился, что у *Наутилуса* по 35 концертов в месяц, а он сказал: «Вовка, я хочу стоять в какой-нибудь группе в углу и играть на гитаре, а еще лучше на бубне». И он

действительно стал играть на бас-гитаре. Он не парится тем, нравится это кому-то или нет. Надоело запоминать тексты песен — взял пюпитр, поставил, включил лампочку и читает...

Константин Баканов
2005-03-18 «Новые Известия»

ВЛАДИМИР ШАХРИН: Мы — уральские горцы
Интервью для «Политического Журнала»

ЧАЙФы — ИЗ ТЕХ

Корреспондент «ПЖ» долго не мог по причине занятости Шахрина с ним встретиться (беседа откладывалась почти целый год), и наконец это произошло...

— Владимир, что нового в гастрольной деятельности ЧАЙФа по сравнению с, допустим, серединой 90-х?

— Сейчас мы приезжаем в такие города, где десять лет назад ни о каком концерте и речи быть не могло: Нижний Тагил, Череповец, Йошкар-Ола... И по некоторым позициям, я понимаю, у нас уже не хуже, чем на Западе. Конечно, за границей могут поставить и лучшую технику, но там это будет стоить гораздо дороже... Я думаю, российский шоу-бизнес, безусловно, спасает мода на корпоративные вечеринки, заказные концерты. Именно под такие хорошо оплачиваемые заказы покупается дорогая аппаратура. Бюджеты этих вечеринок могут в основном закрыть райдер (список требований музыкантов организаторам туров.— *Примеч. «ПЖ»*). А если это кассовый концерт, люди начинают считать каждую копейку, уже начинают экономить, уже, смотришь, в райдере этого нет, этого и этого тоже нет... И в том числе корпоративные вечеринки дают хороший заработок музыкантам. Провести кассовый концерт без спонсоров в нашей стране в любом городе может лишь десяток артистов. У нас страна очень большая. Лететь во Владивосток в одну сторону — 1100 долларов. 10 тысяч баксов потребует только перелет группы. Плюс гостиница, аренда зала, аппаратуры. 15—20 тысяч долларов — затратная часть получится. А еще ведь есть гонорар группы. А если зал на 800—900 мест, то билет должен стоить от 600 до 900 рублей. Очень немного групп у нас, которые по таким ценам соберут зал.

— Лететь не на том самолете, на котором хочется, приземляться не в таком аэропорту, в котором приятно... Так ведь довольно часто бывает в вашей гастрольной практике. Не хочется бросить все это?

— Мы к этому привыкли. Мы к этому готовы. Как футболист, который выходит на поле, готов к тому, что его могут пнуть по ногам и он получит травму. Я прекрасно понимаю: в городе Чебоксары другого аэропорта нет. Есть несколько способов. Если мы летим и концерт у нас не в этот день, мы можем взять бутылочку вискаря, съесть в самолете, сжать таким образом время. Есть другие способы. Я, например, таскаю с собой маленький DVD-проигрыватель и смотрю фильмы, которые дома по каким-то причинам смотреть не стану, не вся семья захочет, это могут быть фильмы, которые мне хотелось бы посмотреть второй раз. И я за поездку умудряюсь около пяти хороших кинолент посмотреть и еще почитать что-то. То есть ты все равно приспосабливаешься к этому. А что касается того, что хотелось бы остановиться, надо отдать должное взаимопониманию музыкантов группы и администрации группы: жажда наживы рамки здравого смысла не переходит. Мы играем 4—6 концертов в месяц. Это немало. Это обеспечивает нам достаточный финансовый уровень, тем более для Екатеринбурга. Но при этом «чеса» нет, мы не играем по 25—30 концертов в месяц — действительно на износ. Я не представляю себе, как можно играть 30 концертов в месяц! Мне кажется, за год-полтора с таким режимом можно убить любой коллектив. Сначала убить у музыкантов интерес к своему делу, а потом умрет само дело. Это сто процентов. В принципе, нам играть нравится. И даже если нам аэропорт или гостиница не нравится, но на сцене все более или менее комфортно и хорошо, я выхожу после концерта уставшим, обессиленным, без голоса, но окрыленным и помолодевшим. Я люблю играть концерты. Хотя есть коллеги, которые делают это не так охотно, как я. Но так устроен российский шоу-бизнес, что 90, если не 95% доходов приносят именно концерты.

— Какие наиболее яркие характерные черты присущи жителю столицы Урала?

— Это пограничный подвид россиянина, когда он еще не сибиряк, точно не житель Поволжья и, безусловно, не житель средней полосы. Мы себе вот придумали в качестве шутки лет двадцать назад говорить, что мы — горцы, живем по законам гор, Уральских. Тут есть доля истины: мы, в общем-то, горцы, просто Уральские горы — это низкие горы. Некая наивность присуща человеку с гор, но и обостренное чувство собственного достоинства...

— Мне в Екатеринбурге не показалось, что местные жители — это какие-то уж совсем простые провинциальные люди.

— Я никогда не анализировал образ жителя Уральских гор, мне трудно сейчас сформулировать. Могу сказать так: мы немножко национальность. Результат сплава вольного казачества, татарских и башкирских племен, ссыльных каторжан, начиная с уголовников и заканчивая декабристами. Последнюю сильную волну мыслящих людей привела в Екатеринбург Великая Отечественная война — я имею в виду эвакуацию музеев, научно-исследовательских институтов, театров Москвы и Питера.

— Многие известные люди невероятно обижаются, когда их просят рассказать о себе. Говорят, обо мне много книг написано, статей. А Вы как реагируете на такую просьбу?

— Это нормально. Если удается спросить так, что мне становится самому интересно о себе рассказывать. В принципе, я понимаю, что публике это, скорее всего, интересно. Я сам сейчас читаю книжку, которую Стинг о себе как о человеке написал. Если это не пошло, не на уровне сплетен или желто-бульварной информации, то, конечно, такое чтение может быть полезным. Чего кокетничать!

— Владимир, бывает такое: журналисты пристают с интервью, а Вам в этот момент сказать особенно нечего, нет настроения, может быть. Как Вы — профессиональный артист — выходите из положения? Вы же, по-моему, никогда ничего специально не придумываете...

— Давайте будем честными. По стране бродят стада людей, которые по каким-то причинам считают себя журналистами и которые журналистами, безусловно, не являются. Есть огромное количество изданий, которые не могут или не хотят платить деньги профессиональным людям, изданий, которые берут на работу детей. Такая детская журналистика получается. И зачастую это просто неинтересно. В разных городах подходят и говорят: мы газета такая-то, нам нужно интервью. Я знаю десять вопросов, которые они зададут, и уровень этого разговора понятен. Нас спасает наличие пресс-атташе, являющегося неким фильтром. А то знаете, приходит девочка: здрасьте, ай, батарейка села, ну давайте так поговорим. Или еще хлеще, спрашивают: а как вас зовут? а что вы делаете в группе?

А если человек прошел через фильтр нашего пресс-атташе, я

с ним встречаюсь. Но если при этом мне неинтересно, я стараюсь не провоцировать дальнейшие вопросы. Стремлюсь максимально сдержанно и коротко ответить: когда и где концерты, какая и когда выйдет пластинка — чтоб польза была. С другой стороны, случается, идешь совершенно без настроения, а потом чувствуешь: разговор получается...

Беседовал Владислав Корнейчук

«Политический журнал», № 106, 27 марта 2006 г.

Ностальгия/ ЧАЙФ в Давосе: 20 лет спустя… (из журнала «Банзай»)

«Лейтмотивом Давоса-2005 станет проблема лидерства в нестабильные времена. Девизом нынешнего форума является: принимать ответственность за сложные и трудные решения…

В этом году две тысячи участников форума будут не только обсуждать актуальные проблемы глобализации, изменения климата, борьбы с бедностью и терроризмом, но и впервые попробуют выработать конкретные предложения по решению этих проблем…

Также впервые в практике Давоса форум закончится гала-вечеринкой с участием российских артистов и русской кухней. Это будет «Русский вечер» (Russian Night) в Давосе, на котором выступят солисты Большого театра Мария Александрова и Николай Цискаридзе, группа *ЧАЙФ*, Игорь Бутман, Валерий Меладзе, другие исполнители. Организатором «Русского вечера» выступил Внешторгбанк». РИА «Новости».

НОСТАЛЬГИЯ:

Он позвонил мне под вечер. Часов так в девять. А в девять утра (или еще раньше?) я провожал в аэропорту БГ. Тот был пьян, благостен и безумно рок-н-роллен, в майке с надписью *«SexPistols»* черного цвета под классическим русским полушубком и гитарой в руке.

Это был декабрь, число так девятое.

А значит, часов так в девять вечера девятого декабря 1984 года мне впервые позвонил Володя Шах-рин, которому я радостно поведал, что с утра провожал БГ, и что если бы он позвонил мне вчера, а еще лучше позавчера, то не исключено, что…

Дальше можно не продолжать.

Точнее — дальше я просто не помню, но догадываюсь, что мог сказать Шахрин, ведь БГ уже тогда был знаковой фигурой, а звонивший мне парень — просто парнем с рабочей окраины, который играл какую-то музыку, один из наших перекрестных знакомых по музыкальной тусовке передал запись мне, и меня повело.

Заколбасило, протянуло, вывернуло.

Сейчас сложно сказать, от чего — наверное, было что-то в

этих не совсем уклюжих песнях, что заставило меня почувствовать мурашки, забегавшие по спине: настоящая музыка — она ведь всегда выдает мурашки, такие вот электроразряды, которые подпитывают тебя, и ты начинаешь становиться другим.

Тогда-то я и придумал фразу, с которой начинал все свои разговоры о Шахрине с моими рок-н-ролльными знакомыми: парни, говорил я, а я тут слушал уральского Боба Дилана...

Почти ровно двадцать лет назад.

И было все это в городе Свердловске, том самом, которого даже на картах давно уже нет...

ЧАЙФ В ДАВОСЕ. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

(прямая речь ВШ):

«...Я примерно понимал, что есть большая разница между Давосом и Куршавелем. Давос — не междусобойчик российских олигархов, а место, где собираются люди, сделавшие и достигшие многого. У меня нет типично такой российской черты характера, как нелюбовь к успешным людям. Мне такие люди нравятся. И потом — во всем этом был для нас какой-то элемент провокации: было непонятно, что там нам делать, поэтому — поехали и посмотрим! После двадцати лет на сцене непредсказуемость результата очень важна, обычно ведь всегда ясно, что будет, когда ты выходишь играть, а тут... Это как езда на большой скорости, когда не знаешь, что будет за поворотом, но уже есть уверенность в том, что ты всегда справишься с ситуацией. В общем, это адреналин и риск, но подкрепленные опытом и знанием... Если это расшифровать, то можно объяснить мою мысль просто: в Давосе нас должны были слушать люди, которые слышали все, они были на лучших концертах, слушали лучших артистов. Поэтому показывать им то, что они видели и слышали, на наш взгляд, было бессмысленным. Между прочим, именно так получилось с нашим лучшим российским биг-бэндом под управлением Игоря Бутмана, сам оркестр не просто неплох, это наш лучший биг-бэнд. Но публика, собравшаяся в Давосе, слышала биг-бэнды намного лучше — имен можно и не называть... А значит, нам надо было показать им то, чего они просто не видели, причем — в нашем жанре, где они тоже слышали все, не исключено, что кто-то помнит и живые выступления *Beatles*. Между прочим, на форуме одним из докладчиков был Боно из *U2*, так что мы допускали мысль, что во

время нашего выступления где-то в темном уголочке с рюмкой водки и ложкой икры он стоит и слушает, что же делают эти русские парни... Точно так же и с Шэрон Стоун: она была на форуме, скорее всего, что была и в зале, но там не принято афишировать, кто находится среди публики, это Давос, а не Канны с красной дорожкой.

Поэтому мы решили просто: надо показать, что у нас иная мелодика, иная фонетика, да и просто иной способ общения с залом. Сразу же вычислили тех немногих русских, кто был в зале, — это было не сложно, люди все знаковые: и Познер, и президент Внешторгбанка, и солисты Большого театра, отработавшие уже свою программу, да и вообще наших русских всегда видно!— и начали играть, как если бы были на обычной новогодней корпоративной вечеринке. Начали с "Ой-йо!", и к концу песни все эти "участники новогодней корпоративной вечеринки" уже взялись за руки, начали подпевать и чуть ли не водить хоровод. Звериный капиталистический инстинкт подсказал большей части остальной публики, что тут происходит что-то интересное и к этому надо подключиться. Немедленно! Они тоже стали хватать друг друга за руки и подпевать, так как слова песни очень простые: ой-йо, ой-йо! Ну, а потом все было дело техники, пара забойных рок-н-роллов — и они били своими бриллиантами о паркет. На самом деле — просто был большой успех, неожиданный даже для нас самих. Но энергетика — вещь интернациональная, ты мог когда-то в детстве слушать живьем Beatles, заработать потом много-много миллионов и прийти слушать *ЧАЙФ*. И поймать другую энергетику, которая внезапно тебя тоже затронула!

Ну а сам Давос...»

НОСТАЛЬГИЯ:

Уже весной наступившего 1985 года, то ли в начале марта, то ли чуть позже, Илья Кормильцев приобрел за какие-то несусветные по тем временам деньги первую в городе портастудию Sony. И мне запала в голову мысль, что надо записать на ней Шахрина. Да, группа *ЧАЙФ* (тогда она писалась, как мне помнится, *Чай-ф*) гордо заявляла, что записывает свой первый альбом, но мне все хотелось продолжить эту бредовую идею с уральским Бобом Диланом и сделать (не самому, конечно, какой я музыкант тире продюсер?!) действительно НЕЧТО, скажем, позвать легендарного нашего гитариста Мишу Перова, который — я и сейчас так считаю — был одним из лучших в этой

стране и играл в номинально еще существовавшей, а ныне давно исчезнувшей во времени, но получившей взамен статус культовой, группе *Трек*, и вот чтобы Шахрин с Перовым сделали запись на кормильцевской портостудии, Шахрин бы пел и играл, Перов бы просто играл, но зато так, как мог это делать лишь он один, ведь надо было чем-то заниматься в те давние, смурные времена, так отчего бы не игрой в рок-н-ролл?

Кормильцев согласился дать студию, Перов с Шахриным где-то прорепетировали, хотя, может, это сейчас мне кажется, что где-то, а на самом деле все это было сразу, на живую, в том самом моем кабинете, где через двадцать лет рядом сидит Шахрин, уже седой (а я просто лысый, зато с седой бородой) и продолжает рассказывать про Давос, откуда *ЧАЙФ* вернулся несколько дней назад, а мне кажется, что время внезапно смещается, и вижу я совсем другую картинку: Бегунова, торчащего в коридоре с чашкой чая, портастудию на давно исчезнувшем маленьком совдеповском столе, Мишу Перова, который сейчас серьезный нотариус, и Шахрина, про которого тогда никто не мог бы сказать, что именно он со товарищи двадцать лет спустя будет играть в мифическом для большего числа россиян горном швейцарском местечке, а в зале — вполне возможно — наряду со всякими Соросами и прочими международными суперглобалистами будет так хорошо знакомая многим нашим соотечественникам Шэрон Стоун, да и тот же Боно, который ко времени нашего с Шахриным знакомства уже умудрился записать вместе с *U2* четыре альбома, хотя до легендарного «Дерева Джошуа», «The Joshua Tree», оставалось еще три года.

Между прочим, альбом, который Шахрин с Перовым записали в тот день у меня дома, назывался «Волна простоты». Мне до сих пор кажется, что получилось круто!

ЧАЙФ В ДАВОСЕ. 20 ЛЕТ СПУСТЯ (прямая речь ВШ):

«...Жили мы, естественно, не в Давосе, а в маленьком таком городишке Майнфилд, впрочем, и городишком этот населенный пункт назвать язык не поворачивается: явно не туристическое место, местные жители выращивают виноград и делают вино, пытаясь, судя по всему, продать его другу: туристов-то ведь нет! И когда полсотни русских музыкантов одновременно вышли на улицы (их там две или три) этого Богом забытого места, то жители Майнфилда на всякий случай закрыли ставни. Там не было ни одного обменного пункта, ни одного банкомата, а в магазинах принимают только местные швейцарские франки. В

общем, я со своей Visa чувствовал себя там полным лохом.

От Майнфилда до Давоса 25 километров по реальному горному серпантину. В Давосе места в гостиницах забронированы за год, поэтому мы и жили в Майнфилде. На дороге много полиции, заграждения, такая молчаливая война с антиглобалистами, хотя самих борцов с мировыми корпорациями мы не видели — нам постоянно говорили: мол, вот они здесь, вчера пробегали, утром что-то устраивали, но молчаливые люди в черном тонко знают свое дело и воюют с ними профессионально и грамотно, отгораживая от мировых олигархов непрозрачными заборами из какой-то пленки.

А Давос — это уже курортное место. Сплошные гостиницы, банкоматы, рестораны. Было холодно. Анонсированная русская ночь оправдала себя на все 100% — было минус 20, так что шапки-ушанки, заготовленные для всех участников форума в качестве сувениров, оказались востребованы, и люди в дорогих пальто, в дорогой одежде, в дорогих бронированных лимузинах и в шапках из искусственного меха смотрелись достаточно карнавально и одновременно футуристично. Мы приехали к вечеру, за несколько часов до концерта, часов в шесть по местному времени. После саунд-чека зашли в какой-то ресторанчик. Да, в Давосе нет ни одного концертного зала, "Русская ночь" проходила в огромном спортивном комплексе, водно-развлекательном. Техники сотворили просто чудо: не сливая воды из бассейнов, сделали пол-покрытие, сцену, было просто красиво. И звук был очень хорош!

А ресторанчик — как и все швейцарские — не очень, как сказал наш директор Илья Спирин: кормежка средняя, но ведь это деревня! Возможно, лучшие заведения Давоса тоже были огорожены заборами, и мы их просто не видели?!

Но, гуляя по улицам Давоса, мы чувствовали, что несмотря на двадцатиградусный мороз, в воздухе отчетливо пахнет деньгами.

Даже в таком маленьком курортном городишке никто не ходит пешком: упомянутые лимузины, вертолеты, у меня вообще возникло смешное ощущение перерыва на съемочной площадке: темно, холодно, вокруг декорации, никого, все ушли куда-то погреться, ощущение нереальности, от которого мне до сих пор не избавиться!»

НОСТАЛЬГИЯ:

Осенью того же 1985 года я вел первый концерт *ЧАЙФа*, что был в ДК МЖК. А еще ездил с ними в Челябинск. Хотя все это я

плохо помню, даже когда смотришь старые черно-белые фотки того времени, то можешь сказать лишь одно: да, это было! Но — ЧТО? И — КАК? Хотя — какая сейчас разница, вот, например, Владивосток, куда тоже ездил с *ЧАЙФом*, но уже в 1988 году, я помню намного лучше, может, из-за всех косяков, что случились в ту поездку, а может, из-за чудесного дня, проведенного мной и Шахриным на яхте, хотя обо всем этом я где-то уже писал...

А сейчас вот сижу рядом с Володей и записываю его рассказ о Давосе, наверное, времена изменились и все мы стали другими, хотя — насколько другими?

ЧАЙФ В ДАВОСЕ. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

(прямая речь ВШ):

«В общем, можно сказать, что выступлением на Давосском экономическом форуме *ЧАЙФ* открыл свой "мировой тур" в честь двадцатилетия группы. Двадцать лет назад, в сентябре 1985,— первый концерт в ДК МЖК, который тоже был похож на корпоративную вечеринку. И вот почти те же парни почти на тех же гитарах делают почти то же самое, только планка уже на другой высоте.

И все-таки я надеюсь, что в Давосе, где-то в дальнем и темном углу зала, стоял Боно и нас слушал, может, даже притопывая в такт ногой!»

Что же, добавить мне к этому нечего!

Андрей Матвеев при участии Владимира Шахрина, «Банзай», апрель, 2005 г.

ВЛАДИМИР ШАХРИН: «Я уже не из этой стаи!»
Интервью для журнала «Банзай»

Он с каким-то необыкновенным удовольствием показывает нам тапочки, в которых ходит по студии, и рассказывает, что выпускает их фабрика «Урал-обувь» и что им сноса нет, потому как они из кирзы, и что он сейчас даже знает, откуда пошло это слово — «кирза»...

— Откуда?— спрашиваю я.

— Когда во время войны надо было много кожи,— отвечает Шахрин,— чтобы обувать солдат, а натуральной кожи уже не хватало шить сапоги армейские, придумали вот этот пропитанный брезент. И на подошве было написано название завода, который их производил, «Кировский завод». Поэтому их назвали кирзой. И теперь эта ткань называется кирза...

— Ты где это взял?

— Иной раз просто поражаешься, что так много информации просто на поверхности лежит, такие загадочные вещи, казалось бы...

Самое загадочное именно в том, что я вдруг делаю с Шахриным интервью. Внезапно для меня самого, потому и загадочно. Ведь знакомы мы больше двадцати лет. А значит, что о чем ни спрашивай, то получается — все равно об этом уже говорили когда-то, дежавю такое вот получается... Только все равно надо попробовать.

— Когда мы познакомились, ты был в том возрасте, когда все впереди. Когда человек о чем-то мечтает, планирует свою жизнь, думает о будущем, видит сны о том, «что со мной будет»... Насколько твое представление о собственном будущем воплотилось? Дело не только ведь в том, добился ли ты, чего хотел, а вот насколько все близко к тому, что ты представлял себе?

— Самое ужасное, что я не помню этого состояния «мечтания», у меня какие-то обрывки. Я сам себе иногда этот

вопрос задаю: «Скажи, ну ты же об этом мечтал?» Но вот удивительно, я вспомнил эти наши мечты совсем недавно, когда переслушивал альбом «Captain Fantastic» Элтона Джона. И вдруг я точно вспомнил, прямо с запахами, с цветом, комнату моего школьного дружка Сереги Денисова… Был полумрак, вечер, была какая-то цветная лампа. И мы рисовали, какие у нас будут гитары, какие мы сделаем колонки. Мы тогда решили, что у нас будет группа, уже были первые репетиции, может, даже уже первые выступления на танцах были. И вот мы рисовали, сколько в колонках будет динамиков, то есть какие-то такие были вещи, абсолютно не связанные с карьерой. Мы не мечтали об успехе, а мечтали о том, что у нас обязательно будет группа, настоящая! Удивительно, что мы не сравнивали себя ни с кем из западных звезд, не пытались проецировать их успех на себя. Потом, когда уже начался свердловский рок-клуб, и мы стали более осознанно заниматься музыкой, таких «мечт» стало еще меньше. То есть, они просто вообще исчезли. В 80-х мне казалось, что все это вообще настолько сиюминутно, я даже думаю, что не у меня одного было такое ощущение, что вот сегодня есть какой-то «сейшн», встреча, репетиция, какое-то подобие концерта, а завтра уже может не быть. Поэтому мне трудно сказать, получилось ли так, как я мечтал, ведь у меня вообще какой-то непонятный произошел раздел жизни — на нескольких абсолютно самостоятельных кусков. Вот счастливое детство и отрочество в замечательной советской стране, причем я до сих пор уверен, что для меня она тогда была замечательна. Может быть, для кого-то это был лагерь, а вот тогда для меня 12-, 14- и даже 18-летнего пацана — она была замечательная, эта страна. И ничего такого, что бы меня реально обламывало, не было. Потом, уже где-то после армии, был такой странный период абсолютно потерявшегося человека, когда детства и счастливой страны уже нет, я пришел и точно понял, что все: того человека уже не существует, он прожил жизнь. Это совершенно другой человек, который не очень понимает, чего он хочет, он уже не такой веселый и беззаботный, каким был тот Вовочка Шахрин. Я понимал, что занимаюсь решением бытовых проблем, и эти бытовые проблемы мне неинтересны. Получалось, что мое предназначение — ходить на молочную кухню за молоком, добывать какие-то деньги. Суповые наборы я приносил. Работал на стройке лишь по той причине, что хотел жить самостоятельно, а не потому, что у меня было призвание строителя. Просто я понимал, что это, скорее всего, самый короткий путь для того, чтобы получить квартиру. И я пошел в то строительное управление, которое мне первым попалось на глаза, в дверь просто вошел и устроился туда

работать. И я нормально общался в этой абсолютно пролетарской среде, причем понимал, что я там чужой. Я ходил на молочную кухню, понимая, что не для этого я появился на планете Земля. Не для того, чтобы ходить с этими авоськами с молочной кухни. Но я абсолютно честно это делал, потому что у меня было ощущение, что так надо. И это «я хочу» — оно вообще пропало куда-то, ушло. Появилось какое-то странное, видимо мое первое, ощущение, ответственность, «так надо». А потом в какой-то момент вдруг появились люди вокруг. Сначала двое молодых мальчишек, Вадя Кукушкин и Алик Решетников, потом появился вполне зрелый, устоявшийся человек Андрей Матвеев, которые слушали эти песенки, что я пел под гитару, которые абсолютно... То есть когда я их пел-показывал, я никому не говорил, что я — непризнанный артист, замечательный автор. Я пел, потому что в данный момент мне хотелось петь. И у меня вдруг вновь начало возрождаться это ощущение, что я чего-то хочу...

— Я помню этот момент, когда у тебя возникло «я хочу». Мы как раз уже были знакомы. И я уже съездил на питерский рок-фестиваль, всем стал рассказывать с большими глазами, что за «безобразия» там творятся, и потом все стали туда ездить. И я помню, что, когда ты первый раз вернулся из Питера, ты приехал совершенно изменившимся.

— Так оно и было. Хотя я познакомился с каким-то одним случайным человеком. Я сейчас даже не помню его имени. Это было на Рубинштейна, 13. И там я попал на какую-то странную лекцию, которую читал странный дяденька, судя по всему профессор, и он рассказывал о науке, которая изучает надписи в сортирах. Он так это рассказывал замечательно. И вдруг я смотрю на человека, который занимается надписями в сортирах, и это доставляет ему удовольствие. Хотя, казалось бы, что за хрень такая? То есть он не яйца Фаберже изучает, а надписи в сортирах. И я думаю, что есть то, что мне нравится, от чего я получаю удовольствие, но вот почему я не могу этим заниматься? И началась совершенно новая жизнь. Это была, наверное, середина 80-х.

— Это 1985 был.

— Да. До этого пять лет прошло абсолютно в замороженном состоянии, и я эти пять лет, с 80-го по 85-й, почти не помню. А тут в моей жизни снова начало что-то происходить. И ко мне вернулось ощущение уверенности в себе, интерес к жизни

появился, эта пружина начала работать, часики снова стали ходить.

— Знаешь, я до сих пор помню отношение, которое было к тебе и группе среди тех, кого называли мэтрами свердловского рока, типа «это все самодеятельность», потому что есть Урфин Джюс, *есть восходящая звезда* Наутилуса. *И вот когда ты попал в это окружение, то ты как себя чувствовал?*

— Я понимал, что действительно люди играют лучше, разбираются в этом лучше, что они объективно популярны. Заслуженно популярны. В принципе, вот эта прививка такого ироничного отношения к самим себе — единственный способ в этой ситуации выжить, повторю, если только относиться к самим себе с самоиронией. И я думаю, что это нас спасло. В какой-то момент звездная тюбетейка была очень крепко приколочена, и ее не снесло набок от первых успехов. У нас этот процесс долго шел. Такого, чтобы ты проснулся знаменитым, не было. И поэтому нам было легче: люди к нам иронично относятся, ну и мы сами к себе иронично. И сейчас, когда я слушаю наши записи того времени, то понимаю, что с точки зрения владения профессией, это был действительно конкретный дерибас. Но он был чертовски очаровательный.

— Там был драйв, который сейчас может быть даже и ушел.

— Согласен. Энергия там была совершенно бешеная. Но поэтому она очень хорошо аккумулировалась. То есть то, что мы не стали сразу в 1986 году суперзвездами, у нас не было по 35 концертов в месяц и больших гонораров, это и позволило нам эту энергию саккумулировать. И научиться расходовать ее гармонично. Тот же Бутусов, например, за два года наелся этой гастрольной жизни выше крыши. То есть он был настолько к этому не готов, он просто этого объелся, и до сих пор человек не любит концерты.

— Он не ловит кайф от того, от чего обычно ловит кайф каждый музыкант?

— Я с глубочайшим уважением к Славе отношусь, с любовью такой артистической, бываю на его концертах. И понимаю, что один из пяти концертов у него хорош. Реально хорош, когда вдруг что-то складывается, у него у самого глаза горят. А четыре из пяти — видно, что человек мучительно отбывает свой номер.

Мол, вы хотели видеть меня на сцене? Ну хорошо. Конечно, Слава уже не боится зала, он просто научился его не замечать. Роскошная история была лет пять тому назад, мы играли концерт в Киеве, вначале выступала молодая группа *Сегодня ночью*, которая только появилась на всех обложках, видимо, проплаченные обложки были. У них уже два клипа было, красивые, эстетские, первые песни писались на той же студии в Лондоне, где *Мумий Тролль* записывался, да и Лагутенко им помогал, такие вот эстеты. Приезжают они в Киев, с ними съемочная группа, начинают все это снимать. Надо, чтобы зал махал, они кричат, зал уговаривают, и стоит их продюсер. И я говорю ему: — Сейчас следующий артист выйдет, и ты поймешь в чем разница раскрученного артиста и того, что происходит сейчас на сцене. По большому счету это магия. Да, это можно имитировать на уровне дешевых фокусов, но в идеале это должна быть магия. И объявляют следующий выход: Вячеслав Бутусов. Один, а во дворце спорта восемь тысяч народу. И выходит человек с гитарой, в зал не смотрит, на стул садится, микрофон наклоняет и говорит: — Здравствуйте!— И Народ кричит! А он на трех струнах «С причала рыбачил апостол Андрей». И восемь тысяч руки подняли, зажигалки зажгли, и они слышат весь *Наутилус*, всю музыку, им этого достаточно. Слава, не поднимая глаз, свои четыре песни отпел, сказал «спасибо» и ушел. Зал неистовствует. Я говорю: — Сейчас мы пойдем, и вот нам, чтобы этого добиться, надо будет еще поскакать. Мы сделаем это, мы это умеем, но нам придется очень сильно потрудиться. Славе природа такие дала магические силы, что ему ничего не надо для этого делать. А мы… Мы были очень наглыми, малообученными, но все-таки тоже магами. Юными такими, у нас не все получалось, но потом мастерство стало приходить, сейчас все понимают, что мы многое умеем.

— Бегунов даже играть научился.

— Да-да. Группа звучит отлично. То есть я понимаю, что на любом аппарате с любым звуком, если мы выйдем после самой современно упакованной группы, у которой уже 80% звучит в сэмплах, то все равно будем звучать плотнее. Плотнее и громче за счет того, что каждую ноту берем уже настолько уверенно. В принципе, я не скрываю, что есть еще и определенный секрет звучания группы *ЧАЙФ* — аранжировки. Вся работа в этой комнате (в студии) заключается в том, что когда появляется новая песня, мы все ее играем и каждый предлагает кучу вариантов. А потом мы занимаемся тем, что решаем — без чего можно

обойтись? Если для многих групп аранжировка — это «а что еще сюда можно добавить», то мы делаем «а что можно убрать, чтобы песня без этого хуже не стала».

— У писателей это называется «лучшая правка — сокращение».

— Вот и мы убираем все лишнее, хоть получается, что все становится очень читаемо, очень понятно. Но главное, что в музыке появляется воздух. Это дыхание, непонятная свобода звучания группы — она за счет того, что в ней очень много воздуха, дырок.

— Володя, когда вы начинали, то уже была целая «куча» звезд. Прошло двадцать лет, и практически никого не осталось в том, первоначальном составе. Даже когда мы говорим об Аквариуме — Аквариум*анет, есть сам Гребенщиков. Остался Шевчук с малой частью бывшего* ДДТ*,* Наутилус*давным-давно нету,* Пикник *— ну, это группа другого порядка. А вы есть, и вы пороссийским меркам суперзвезды. Причем, насколько я помню, до 1994 года вы были еще вроде как группой второго эшелона, у тебя есть какое-то объяснение?*

— Коммерческий успех, статус, новая орбита — это все в конце 1993 года появилось, когда уже год поработал Дима Гройсман, появился Илья Спирин, когда менеджментом или арт-продюсированием, не музыкальным, а именно артистическим продюсированием, начали заниматься…

— Но что конкретно сделал Гройсман?

— В то время деньги еще не решали ничего, решали хорошие отношения, личные связи. И Дима был прежде всего вхож во многие московские компании, ведь тогда происходило зарождение всех телеканалов и радиостанций…

— А почему он именно за вас зацепился?

— Ситуация была очень простая: он занимался *Бригадой С*, там он был по сути просто роуд-менеджером. То есть Гарик (*Сукачев*) не подпускал его к принятию решений, а Дима понимал, что он из этого вырос и готов заниматься более серьезными вещами. В 1992 году на Волге проходил такой фестиваль, точнее акция, «Рок чистой воды», мы стояли с

Гройсманом на палубе, и я сказал, что понимаю, что сейчас другое время наступает, появляются телеканалы, появляются радиостанции, действительно есть смысл кому-то заниматься продвижением группы, потому что появились рычаги для этого продвижения. Он спрашивает: — Этот человек должен быть в Москве?— Я говорю: — Может быть, а ты бы согласился поработать?— Он: — Я не знаю, как к этому отнесется Гарик.— Я тут же пошел в каюту к Гарику, и тот сказал, что это не проблема — пусть занимается, если хочет. На самом деле я думаю, что потом он то ли приревновал, то ли что еще, но через полгода он расстался с Гройсманом. И Дима остался с группой, которая была известна в очень узких кругах, но у которой были хорошие песни и отличный потенциал. Сейчас я понимаю, что ему самому было интересно доказать Гарику и нам, что он профессионал и он может это сделать. В начале было сложно. В 1993 году в аэропортах билетов свободно на самолет не было, их надо было доставать по блату, особенно, когда 6 или 7. Гройсман приходил и говорил, что он директор группы *ЧАЙФ*, а в кассах его спрашивали: Чай чего? Какой чай? Этого они не знали, а *Бригаду С* знали. И когда через полтора года мы выпустили альбом «Дети гор», у нас появились первый и второй клипы, и мы начали записывать «Пусть все будет так, как ты захочешь», то Дима вдруг говорит: у меня все меньше и меньше начинают спрашивать «А кто это?» Результат появился сразу. И главное, что это освободило нас... До этого я в группе был автор, музыкант, но еще и администратор этой группы, который постоянно занимался бытовыми вещами. А тут огромное количество этих вещей люди взяли на себя. Тем более что появились телеканалы, куда надо было просто идти, разговаривать, пить с ними водку, сидеть с ними в клубах, но потом они брали твой клип. Нужно было ходить на все радиостанции. Сейчас это труднее, и я понимаю, что у Димы сейчас сложный период, потому что тот его опыт, та манера работы, к которой он привык,— она вдруг дает сбои. Он приходит, ему улыбаются, но клип не ставят. У всех телеканалов уже свои форматы, свои интересы.

— Даже вас не ставят?

— Достаточно часто. Я могу сказать, что сейчас мы абсолютно осознанно снимаем клип на очень серьезную и достаточно грустную песню, делаем это рискуя, чтобы просто не изменять самим себе, быть честными по отношению к себе. Это очень длинная песня, а радиостанции не любят длинных песен, больше 3,5 минут, а наша звучит 5 минут и 18 секунд. Она

грустная и серьезная, а в эфире сейчас практически не звучит серьезная музыка, даже у поп-исполнителей все серьезные песни убрали, их нет. Но мы делаем это, и я понимаю, что еще будет тяжелая работа ради того, чтобы эту песню услышали люди. Потому что происходит страшнейший дисбаланс радиоэфира. Я не против развлекательной музыки, не против танцевальной музыки, даже всеми руками за. Пусть мальчишки и девчонки танцуют, пусть взрослые пятидесятилетние мужики танцуют, это очень хорошо, когда люди танцуют. Они в этот момент никого не режут, не убивают, даже, скорее всего, находятся в состоянии гармонии с собой. Но должно быть и что-то другое. И когда мы снимали клип, а там хор мальчиков и хор девочек, так вот, когда на съемочной площадке появились эти мальчики и девочки и запели, то у нас съемочная группа зарыдала, они начали плакать все! И я понимаю, что, наверное, искусство должно трогать и так...

— Как песня называется?

— «Белая птица»... Знаешь, я верю, что искусство должно вызывать улыбку и веселье, но должно вызывать и слезы и грусть. Чтобы это было полный набор эмоций. Поэтому наш альбом, который мы сейчас готовим к выходу, кажется мне в этом отношении очень гармонично сбалансированным. Там есть пара абсолютно дурацких, разгильдяйских песен, есть несколько очень лирических песен, прямо настоящая любовная лирика, и есть несколько очень серьезных песен.

Мы делаем небольшой перерыв и пьем кофе. И вспоминаем тех, кто когда-то играл в группе, но ушел из нее по тем или иным причинам. Потом я снова включаю диктофон.

— Ты говорил о том, что многие уходили из группы, не веря в ее будущее, я сейчас вспоминаю лето 1994 года и свой разговор с Бегуновым — он тогда просто не знал, что будет дальше. А у тебя самого была вера, ты в то время уже полностью ставил на это дело?

— Наверное, стопудовой веры у меня не было, но не было и страха, что если завтра все закончится, то для меня это станет трагедией. Удивительная вещь, но я никогда этого не боялся. Я и до сих пор этого почему-то не боюсь. Естественно, что у меня нет уверенности, что это будет вечно, ведь я понимаю, что та сфера, в которой мы работаем, должна быть востребована. А то, что я

песни пишу... Вот иногда еду в такси, водитель говорит, что пишет стихи, и мне их читает. Я говорю: — Хорошо, что ты стихи пишешь. При этом ты баранку крутишь, но стихи пишешь. Значит, ты достаточно романтичный человек, ты все еще переживаешь, не очерствел, не окаменел. Но, занимаясь этим профессионально, ты, конечно, должен находить слушателей. Люди должны ходить на концерты, люди должны покупать CD. Это и есть ответ: я не был уверен, но я и не боялся. Многие из тех, кто ушел, наверно, думали, что я вот здесь еще год просижу, там, в большом мире, все закончится, а тут что у меня есть еще? А у меня ничего больше нет!

— Но ЧАЙФ*сейчас это бренд, который дает деньги.*

— Я тоже думаю, что на данный момент *ЧАЙФ* — это уже такой бренд... Ведь весь шоу-бизнес, вся музыкальная сфера, как и писательская, и, наверное, любая сфера, которая связана с искусством,— это Космос. Где есть определенные центры притяжения, или, наоборот, отторжения, но важно выйти на хорошую орбиту. Хорошая орбита позволяет так или иначе двигаться достаточно уверенно и занимать правильную позицию. Как только ты понимаешь, что орбита у тебя начинает снижаться, то должен сделать очередное усилие для того, чтобы набрать заданную высоту. Писатель должен написать новую хорошую книгу, музыкант должен записать новую хорошую песню.

— Но еще меняется время и меняются требования времени. И очень часто происходит несогласование тебя самого и этого времени. Многие из наших хороших с тобой знакомых на этом и погорели.

— В этом отношении нам немножко легче, потому что мы себя достаточно комфортно воспринимаем в современных реалиях. Потому что много общаемся с молодыми людьми. У нас дети в возрасте 21— 24 лет, самый активный возраст, те, кто делает сейчас эту среду. Мы общаемся с их друзьями. Такие же молодые люди приходят на наши концерты, это основная аудитория, мы с ними общаемся.

— На концерты молодые в основном ходят?

— Разные есть концерты. Понятно, что если концерт в каком-нибудь Ново-Заполярном, то там молодых людей по факту нет. Там люди работают вахтовым методом, и в основном все люди

старше 30 лет. А на концертах в Екатеринбурге, в Москве, в Перми, в Нижнем Новгороде, конечно, все иначе. Если это концерт в клубе, то 80% молодых и 20% из старой гвардии. Если это концерт в ККТ «Космос» у нас в Екатеринбурге, то, скорее всего, будет наоборот: 80% — люди взрослые, но придет и 20% молодых людей. Нам повезло, что мы не взрослеем вместе со своей аудиторией. И что на наших концертах появляются новые молодые люди, которые становятся нашими слушателями. Есть такой термин — не помню, сам я его придумал или где-то прочитал,— «доверие улиц». В той штуке, которая называется «рок-н-ролл», это очень важное понятие. Насколько к тебе как к музыканту есть доверие с улицы. Вот к нам доверие улицы есть. Мы заходим на базу (*имеется в виду студия*), рядом ПТУ, и вот эти мальчишки подбегают и абсолютно искренне что-то спрашивают, говорят добрые слова, берут автографы.

— Это учитывая, что ты давно не пишешь песен типа того же «Ободранного кота».

— Да, для них, казалось бы, в нашей музыке сейчас ничего нет. А они просят «Блюз городских окраин» сыграть и еще что-то подобное. И я стараюсь объяснить: ребята, самое честное, что я сейчас могу сделать, так это лишь вспомнить то ощущение и передать его, но я уже не тот, я не из этой стаи. Гораздо более буржуазный...

— Ты уже из другой стаи, но ведь ЧАЙФ*и буржуазность — это... Просто я хорошо помню ранний* ЧАЙФ*, те же «Парни с городских окраин», тот же «Ободранный кот», та же «Белая ворона» — абсолютно небуржуазные песни, по-настоящему постпанковские. И это было совершенно для вас естественно. Хотя это было давно, сейчас вы успокоились, действительно перешли в разряд суперзвезд. Не по аналогии с Западом, ведь наши звезды по сравнению с Западом, конечно, не звезды...*

— Я бы сравнивал наш шоу-бизнес с французским, итальянским шоу-бизнесом, но не с английским, и уже явно не с американским!

— Но насколько эта жизнь изменила тебя всерьез? И насколько ты сам испытываешь комплекс от своей буржуазности? Или не испытываешь?

— Мы изменились очень сильно. И не только

физиологически, взгляды на многие вещи изменились. Я часто испытываю некий дискомфорт. Да, и сейчас мы играем песню про кота, но очень редко. Вот 20-летие было, и мы играли про кота, и я очень старался. Но я понимаю, что когда пою, что «Я ободранный кот, я повешен шпаной на заборе!» — ну ни фига я не ободран. И не поверит мне никто, вот в чем дело. Лоснящийся такой котяра с сытой рожей. Но тут же я вспоминаю ощущения от того себя, начала 80-х годов, и вот от имени того героя получается ретранслятор. Насколько получается — не мне судить. Но ощущение дискомфорта есть, поэтому мы редко играем эти песни. А «Белую ворону» играем на каждом втором концерте. Отчего-то она получилась вне времени, там такая панковско-эротическая история, которая работает до сих пор. Она и меня волнует, моих сверстников волнует до сих пор. «Приходи ко мне ночью, будем слушать "Маяк" — почему бы и нет? В любом случае, все это волнует. Я думаю, что мы остались очень не успокоенными, и мы по-прежнему ироничны к самим себе. Я понимаю, что в песне «Волна простоты», где я пою, что люблю со всеми быть на ты — да не люблю я со всеми быть на ты. Не люблю панибратства и с трудом его переношу. Пытаюсь отшучиваться, когда подходят мужики сфотографироваться на телефон и начинают меня обнимать. Я им говорю: можно без интима, я с мужчинами не привык обниматься... Хотя понимаю, что дело именно в том, что я панибратства такого не люблю. И сам частенько с людьми говорю на вы именно для того, чтобы задать эту дистанцию. Я начал дорожить своим личным пространством. Если раньше оно было открыто для всех, то сейчас я думаю, что вокруг каждого из нас появилась некая закрытая зона, куда мы очень неохотно пускаем людей. И это многих нервирует. Потому что знают наши ранние песни, и все еще существует образ таких рубаха-парней — демократичные, простые пацаны, с которыми вроде бы можно водки выпить и поговорить о чем-нибудь... А тут они натыкаются на стену и просто обламываются. Это заметные изменения. Безусловно, изменился финансовый уровень. Если я хочу купить гитару, то я ее покупаю. До тысячи долларов я могу купить любую гитару, если она мне нравится, не задумываясь. После тысячи начинаю думать, а зачем мне такая дорогая гитара, не такой уж я и виртуоз. Ну и приятно жить в хороших бытовых условиях, зная, что наши семьи как минимум не нуждаются в средствах. И появилась такая расслабленность из-за этой финансовой независимости, да и менее агрессивными мы стали именно из-за этого. Потому что люди из-за чего становятся агрессивными? Потому что не могут решить какие-то свои вопросы и начинают

нервничать. Это как когда ты играешь в преферанс с компьютером, и у тебя не складывается, и ты начинаешь нервничать, становишься агрессивным. А у нас нет поводов для агрессии... Я нашел для себя хитрое такое объяснение этому перетеканию из того состояния группы *ЧАЙФ* конца 80-х в нынешнее: было время, когда окружающий нас мир представлял из себя стоячее болото. И в этом болоте надо было быть источником раздражения, понервировать его неправильным пением, неправильным звуком, неправильными словосочетаниями. Быть раздражителем. И это было предназначением группы *ЧАЙФ*, это было тогда для нас очень естественно. Сейчас наоборот, состояние людей вокруг нестабильное, нервное, взбалмошное, и мне кажется, что мы можем быть не раздражителем, а наоборот, гармонизатором. И чтобы каждый концерт группы стал неким стабилизатором. Безусловно, не все должны этим заниматься, должны быть молодые, кто по-прежнему будет петь о сексуальной революции, о какой угодно революции, быть недовольными политической системой. То есть быть бомбометателем в 18—25 лет — это нормально...

— Что, пришла пора поговорить о политике? Тем более, зная, что ты всегда был активным человеком, а сейчас еще можно вспомнить твой новый титул почетный...

— Если перейти к титулу сразу, то звучит это так: «Посол доброй воли от всемирной организации здравоохранения при ООН», но политики здесь практически никакой. Есть реальные проблемы в области здравоохранения, мировые и государственные, которые определенные институты пытаются если не решить, то стабилизировать. И так получается, что мое имя, мой опыт, мои способности в этом могут пригодиться. Тут ни денег, ни финансов нет.

— Просто контекст титула, когда ты на одном уровне с Боно (лидер ирландской группы U2*) находишься, это уже обязывает.*

— Гораздо круче, когда ты на пресс-конференции сидишь рядом с послом США и позволяешь себе сказать, а я, мол, не согласен с тем, что только что сказал господин посол, и начинаешь говорить свое мнение, срываешь аплодисменты, и когда потом говорят, вот тут из Швейцарии звонок, там пресс-конференция идет по всему миру, и вам хотят выразить благодарность.

— С чем ты не согласился?

— Он сказал, это очевидно — все знают о том, что есть проблема туберкулеза, я же сказал, что не согласен. Не все. Большинство вообще ничего не знает. Это такой прием был, чтобы обратить на себя внимание.

— Я это не просто так вспомнил, потому что Боно еще политически очень активный. И он всегда четко выражает свою точку зрения, недаром его опять выдвинули в этом году на Нобелевскую премию мира. А ведь мы с тобой живем в достаточно проблемном мире и очень проблемной стране.

— Мне кажется, что я достаточно объективный человек и могу адекватно оценивать свои возможности, и, конечно, влиять на политическую ситуацию в стране, и тем более в мире, на данный момент я не могу. Уровень не тот. Что касается конкретно этого здравоохранения, проблемы туберкулеза — я понимаю, о чем идет речь. Я все-таки немножко углубился в эту проблему, что-то об этом знаю и понимаю, чем я могу пригодиться. Не вылечить — я не врач. Нет. Но в качестве рупора и носителя идей — да, скорее всего, может даже появиться результат. Если я сейчас начну выступать против каких-то политических тенденций именно как музыкант группы *ЧАЙФ*, то это не принесет никаких дивидендов. Я могу просто как гражданин выражать свою волю на выборах, ну и если в интервью меня спрашивают, то я могу абсолютно честно сказать, что мне нравится, а что не нравится.

— Что тебе не нравится?

— На данный момент мне не нравится, что мы все время говорим «страна», забывая, что наша жизнь коротка, а поэтому мы должны говорить о тех людях, кто в данном отрезке времени живет вместе с нами. И в первую очередь это те люди, которые по каким-то причинам сами о себе позаботиться не могут. Дети и старики. И в настоящий момент государство по большому счету обязано взять на себя заботу об этих людях. Есть ситуации, когда государство находится в таком состоянии, когда оно и себя поддержать не может, не то что своих граждан, но в нашей стране в данный момент деньги есть. И большая часть этих денег наша. Я понимаю, что у любого газопровода, нефтепровода есть хозяин. И он получает свои дивиденды и платит налоги. Но газ и нефть,

которые он качает,— наши. И поэтому копеечка от газа и нефти — она принадлежит нам. И я думаю, что огромное количество людей... Нет, я не претендую, чтобы мне в конце года выдавали газовые и нефтяные деньги, но я хочу, чтобы эти деньги государство потратило на тех, кто в этом нуждается. И я думаю, что государство в состоянии сделать нормальное медицинское и психологическое обслуживание наших пенсионеров-стариков, чтобы убрать чудовищные очереди и запредельные цены именно для этих людей. Мы можем сделать санатории специальные...

— То есть осуществлять нормальную социальную программу.

— Да. И точно так же с детьми. Государство может поддерживать школы, детские секции, кружки в нормальном состоянии. И обязано на это потратить деньги. Ну а мы, взрослые, сильные, здоровые мужики и женщины, готовы за себя порубиться сами.

— Я замечаю, что сейчас происходит интересная вещь: внезапно у людей, которые намного моложе нас с тобой, возникает ностальгия по временам Союза. С одной стороны, это комплекс неполноценности за утрату некоего имперского величия, с другой — ощущение потерянности от утраты именно социальной защищенности.

— Мы все периодически переживаем всплеск антибуржуазных настроений. Но это нормально. Я иногда сам не то чтобы скучаю по СССР, но понимаю то, что сейчас делает Европа,— ведь у нас все это было. Были объединенные государства, и была единая валюта, рубль, это была единая экономическая зона. Из этого всего надо было только убрать идеологию, а экономическая модель была очень правильная. Но все идеологические заморочки — они для меня чудовищны. Я понимаю — то, что сейчас происходит, чревато, что планка демократизации поползла вниз. Ведь это видно всем. Здесь сложно что-либо комментировать, давать совет. Я не президент, я не знаю ситуации. Страна гигантская, и французская модель демократии, или итальянская, как и американская, у нас не сработает точно. Мы не такие, наш менталитет не такой, государство не такое. Все по-другому.

— У нас даже рок-н-ролл не такой.

— Не такой. Поэтому я понимаю, что это достаточно

объективно с точки зрения управления государством. Нам это неприятно, и скрип этой планки, которая опускается, уши режет. Но все зависит от того, насколько низко они решат ее опустить. Пока тот уровень, которого достигли, меня смущает, но еще не угнетает. И я готов это вытерпеть, понимая, что для структуры страны, для управления страной, это необходимо. Причем это когда я пытаюсь поставить себя на место тех, кто эту планку опускает. А как гражданин, поэт, музыкант я слышу, как планка опускается. Сейчас важно, где ее закрепят. Я думаю, что уже предел, дальше некуда. Могут начаться диктаторские, попросту необратимые процессы. Это же все поблажка госмашине. Планку опускают, и какие-то задачи легче решать. А они все продолжают ее опускать...

— Давай вернемся к тебе. Мы поговорили о рок-н-ролле, об общественной жизни, о художественной жизни, а частная жизнь Шахрина? Ты стал звездой, и твой новый статус — он как-то влияет на частное общение или вообще на общение с людьми? Ты говоришь, что начал закрываться.

— Конечно, влияет. Но если говорить о личной жизни, то сейчас это самая безоблачная часть моего существования. У меня все хорошо дома, хорошие отношения с детьми, с женой, с родителями и с родителями жены. И все родственные отношения нормальные, и хорошая квартира, и достраиваю хороший загородный дом, хорошая машина. Хотя «хорошее» — это в моем понимании; люди, кто строил мне дом, считают, что у меня сарайка. Но для меня это отличный дом. В городской квартире нет ни домработниц, ни уборщиц, ни нянек...

— Сколько метров квартира?

— 150 квадратных метров, в центре города. Я понимаю, что переживаю период пожинания материальных плодов. Хотя у меня нет счета в банке, есть карточка VISA, на которой две или три тысячи долларов, нет вложений в бизнес, но на жизнь хватает.

— А насколько наши рок-звезды вообще беднее, чем наши поп-звезды?

— Все очень просто. Почему мало групп вообще. И в мире мало: *RollingStones*, *U2*... *ЧАЙФ*, *ДДТ* (*смеется*). В основном всегда исполнитель плюс набранные музыканты. Поп-музыка ведь вся по этому принципу. Есть продюсер, певец-звезда и нанятые люди,

которые работают за очень маленькие деньги. Скажем, при одинаковом гонораре группы *ЧАЙФ* и Анжелики Варум Варум получает 80% сама, а 20% делит на всех. В группе *ЧАЙФ* я получаю 20%. А 80% идет на всех. Вот в этом наша разница. Поэтому я думаю, что зарабатываю денег раза в четыре меньше. Хотя у поп-звезд еще есть фонограммные концерты, которые мы не играем, сборные солянки, концерты в казино, которые мы тоже не играем. Это уж совсем буржуазные вещи. Но «корпоративки» мы играем. Мне нравится.

— Почему?

— А я попадаю в атмосферу студенческих вечеринок, или даже школьных. Если нормальная корпоративная вечеринка, то люди друг друга знают, у них проходит мероприятие, а потом они выходят петь и танцевать свои любимые песни. И я понимаю, что когда мы играли в школе на танцах, то это была корпоративная вечеринка. У нас была программа, мы что-то говорили, ну а потом танцы. Это атмосфера такая особая, когда все друг друга в зале знают. Она удивительна. Расслабляются люди, а мы играем свои любимые песни. Обычно не очень большие залы, публика очень близко, все очень доброжелательно. Заказывают в основном молодежные компании, компьютерные чаще всего. Хотя пару раз играли для Внешторгбанка, мы им нравимся почему-то...

— А олигархи?

— Два раза были на нашем концерте. Хотя это была не олигархическая тусовка, два раза «заказывал» Абрамович. И он сам там был, и мы даже познакомились. Это было в Анадыре. Сидим мы днем, обедаем, и заходят тут мужики, в «алясках», капюшоны на глаза надвинуты... Один проходит мимо и говорит: — Ну что, корюшки наловили?— А как раз корюшка ловилась, сезон был... Тут Бегунов ему и отвечает: — Да какая корюшка, тут один триппер поймаешь!— А мужик капюшон куртки откидывает и представляется: — Абрамович! (Мы оба смеемся.) Второй раз это было в Монако, когда ЦСКА играл с Ливерпулем. Он просто стоял в кулисах и притопывал в такт, радостный такой...

— У вас вообще серьезный райдер? (Райдер — технические и прочие требования, которые музыканты выставляют перед концертом, у некоторых групп и исполнителей они читаются, как возвышенная поэма.)

— У нас очень простой райдер, главное, там должна быть сцена — ведь это концерт. Ну, еще у каждого отдельный номер, я живу в люксе, потому что там можно собраться всем. Автомобиль — автобус маленький, но не «газель». В гримерке из излишеств бутылка виски или коньяк. Минералка, полотенца на сцену.

— Кого ты слушал из тех, кого хотел послушать в юности и кого хотел бы послушать реально?

— Знаковым были концерты *RollingStones*, Пола Маккартни, Би Би Кинга, *Stranglers*, *Nazareth*, *DeepPurple*. Ну и еще я специально пошел на концерт в знаменитый клуб Blue Note в Нью-Йорке, как раз играл Чик Кориа. Хотел бы побывать на концертах Дэвида Боуи и *U2*. Думаю, что мои мечты осуществимы.

— В какой из стран вас лучше всего принимали?

— Везде. И даже прошлым летом в Германии. Даже забываешь, что ты не в России, там русская аудитория. А вот в 1991 году, когда мы играли шесть концертов в Италии, в одном городе в зале было два русских, остальные итальянцы.

— Любимая страна?

— Италия.

(Про Италию он продолжает в машине, подбрасывая меня до дома. Про то, что любой пацаненок во Флоренции уже изначально растет другим, потому что бегает по улицам, где что ни здание, то Палаццо. И вообще там воздух другой. За окном же машины грязь, слякоть, внезапно нагрянула весна.)

Андрей Матвеев,
журнал «Банзай», май, 2006 г.

Самое важное и самое сложное: сказать спасибо и никого не забыть!

Всей моей семье — маме, папе, жене, сестре, дочерям, близким родственникам и друзьям семьи, что естественно!

В. Бегунову, В. Северину, В. Двинину, И. Спирину, Д. Гройсману, М. Залогиной и их семьям.

А. Нифаньтеву, А. Нифаньтевой, В. Назимову, О. Решетникову, В. Желтовских, А. Густову, В. Привалову, БУКашкину, А. Жданову. О. Пикаловой, А. Хабирову, Б. Гребенщикову, М. Науменко, А. Макаревичу, Н. Фоменко, М. Леонидову, Е. Маргулису, Е. Фёдорову, А. Алякерскому, В. Елизарову, В. Цою, М. Цой, С. Тучину, С. Чигракову, А. Хоменко, Д. Ревякину, К. Кинчеву, И. Сукачёву, С. Галанину, А. Скляру, С. Шкаликову, Н. Полевой, И. Желанной, А. Крупнову, Е. Белкину, А. Пантыкину-ст, А. Пантыкину-мл., Ф. Синатре, В. Бутусову, М. Борзыкину, С. Грач, Э. Пресли, А. Бурлаке, Е. Горенбургу, Д. Боуи, А. Лебедеву, В. Кукушкину, М. Джаггеру, К. Ричардсу, Г. Самойлову, В. Самойлову, Т. Самойловой, Н. Грахову, А. Ларину, И. Мишину, А. Муратову, Ю. Ивлиевой, А. Ларину, А. Исмагилову, Д. Харисону, С. Левитину, Р. Аюпову, Р. Старки, С. Воронову, Д. Леннону, Л. Цивилёвой, А. Новоселову, В. Луговых, А. Новикову, П. Маккартни, И. Верещагину, Д. Кунилову, С. Довлатову, Д. Никифорову, М. Пореченкову, К. Хабенскому, А. Заворотнюк, П. Чиркову, Б. Дилану, И. Зиганшину, Е. Ройзману, О. Раковичу, А. Коротичу, В. Слепцову, А. Халтурину, А. Лисконогу, Е. Барац, Д. Абрамову, К. Кошману, С. Бобунцу, О. Генинфельду, А. Бурому, Ю. Шевчуку, А. Морозу, С. Денисову, А. Огнистому, А. Беловой, И. Багаеву, Л. Порохне, Г. Баранову, А. Куманёву, Н. Зуеву, С. Чиркову, В. Туманову, Д. Федоровой, И. Лагутенко, Ю. Цалеру, И. Кормильцеву, Н. Токаревой, А. Шавкунову, Г. Гадзалову, Н. Кивачёву, М. Козыреву, А. Косинову, Д. Жирнову, А. Готцеву, С. Лосевой, А. Смолякову, В. Машкову, А. Горожанкину, Е. Гришковцу, В. Алену, Г. Данелия, Д. Никифорову, М. Хомякову, С. Угрюмову, В. Егорову, С. Беляеву, А. Мохову, А. Робак, М. Логашкйну. Всем тем, кто играл, работал и хоть как-то участвовал в судьбе группы *ЧАЙФ*. Моим одноклассникам и однокурсникам.

Человеку, придумавшему: гитару, вино, спички. Унитаз, ленту скотч, ламповый усилитель и звукозапись.

И еще огромное спасибо ТОМУ, кто свел меня со всеми вышеперечисленными людьми и еще бесконечным списком не

менее замечательных и любимых людей, имена которых вы не увидели на этой странице.

В книге использованы фотографии:
Игоря Верещагина
Алены Висляковой
Дмитрия Кунилова
Валерия Северина
Елены Шахриной
из архива Владимира Шахрина

Документально-художественное издание
ШАХРИН Владимир Владимирович
ОТКРЫТЫЕ ФАЙЛЫ

Редактор М. Федотовских
Художественный редактор С. Сакнынь
Дизайнер И. Третьякова
Макет К. Иванов
Технический редактор Н. Овчинникова
Корректоры К. Норминский, Н. Киричек, Ю. Мухина
Оператор компьютерной верстки Т. Упорова

Подписано в печать 11.10.2006. Формат 75x100 1/32.
Печать офсетная. Бумага писчая.
Гарнитура «NewtonC». Усл. печ. л. 15,99 + 1,39 вкл.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 624

ООО «Издательская группа «У-Фактория»
620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 77
e-mail: uf@ufactory.ru
http://www.ufactory.ru
Отдел продаж: 8 (343) 257-85-89, 251-42-92

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Уральский рабочий» 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13 e-mail: book@uralprint.ruhttp://www.uralprint.ru

открытые файлы

БАЙКИ.DOC

Конечно, с каждым годом наши концерты и другие публичные появления все больше и больше похожи на театр. Мы выходим на сцену и играем роли молодых героев рок-н-ролла. И если зритель нам верит, значит, мы неплохие актеры, значит, эта роль нам по зубам. Если мы верим сами, значит, мы реальные парни с гитарами.

ТЕКСТЫ.DOC

Если одолжить у друга пистолет,
Снять с предохранителя, отвести затвор.
Нет. У тебя дрожат руки,
Ты не попадешь в себя в упор.

СЛОВА.DOC

— Насколько эта жизнь изменила тебя всерьез?
— Мы изменились очень сильно. И не только физиологически, взгляды на многие вещи изменились. Да, сейчас мы играем песню про кота, но очень редко. И я понимаю, что когда пою, что «Я оборванный кот, я повешен напрасно на заборе!» — ну ни фига я не оборван.

У-ФАКТОРИЯ
ISBN 5-9709-0220-9

ВЛАДИМИР ШАХРИН